

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ**

Тезисы докладов Всероссийской научной школы

Омск, 6–8 сентября 2011 г.

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук Т.Б. Смирнова,
доктор исторических наук Н.А. Томилов

2011

УДК 39
ББК 63.5я43
П781

Рецензенты:

кандидат исторических наук *С.Н. Корусенко*,
кандидат исторических наук *И.А. Селезнева*

Редакционная коллегия: канд. ист. наук *А.Н. Блинова* (ученый секретарь),
канд. ист. наук *С.Р. Курманова* (отв. секретарь), д-р ист. наук *Т.Б. Смирнова* (отв.
ред.), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (отв. ред.)

**П781 Проблемы историко-культурной идентичности в полиэт-
нических обществах:** тезисы докладов Всероссийской научной
школы (Омск, 6–8 сентября 2011 г.) / отв. ред. Т. Б. Смирнова,
Н. А. Томилов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 168 с.

ISBN 978-5-7779-1329-6

Представлены работы ученых, аспирантов, магистрантов, студентов (историки, этнографы, культурологи, политологи, филологи), посвященные проблемам этнической, культурной, национальной идентичностей, национальной политики в России, толерантности и ксенофобии, политической и этнической истории, культурного развития народов России.

Для специалистов в области истории, этнографии, филологии, культурологии и музееведения, а также преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами историко-культурной идентичности.

**УДК 39
ББК 63.5я43**

Всероссийская научная школа проведена в рамках реализации государственного контракта № 14.741.11.0229 от 04.07.2011 с Министерством образования и науки РФ по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Организационно-методическое обеспечение проведения Всероссийской научной школы “Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах”».

ISBN 978-5-7779-1329-6

© ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2011

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ТРАДИЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

К.Э. Разлогов

Российский институт культурологии

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ

Проблема множественности идентичностей рассматривается, как правило, в контексте этнологии и ограничивается поэтому взаимодействием этнических характеристик тех или иных индивидов. Культурологический подход позволяет обнаружить многосоставность каждой этнической идентичности и множество других форм на основе разных культурных сообществ.

Культурных идентичностей может быть множество. Более того, их может быть несколько и у одного индивида. Конкретный человек может быть одновременно русским, католиком, представителем сексуального меньшинства и фанатом «Спартака» и Мадонны. Он оказывается в составе нескольких принципиально разнопорядковых культурных общностей или сообществ. Поклонники Мадонны – это одна культурная общность, а болельщики «Спартака» – другая, католики – третья, русские по этнической принадлежности – четвертая, а ведь есть ещё россияне по гражданству, не говоря уже о социально-демографических и профессиональных характеристиках.

Т.Б. Смирнова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ*

Говорить о населении Сибири, её истории и народах невозможно без обращения к теме миграций. Современным миграционным процессам, в том числе этническим миграциям, посвящено достаточно большое количество и научной литературы, в основном демографической и социологической, и публикаций журналистов. Это вполне объяснимо, поскольку этнические миграции в последние десятилетия приобрели глобальный характер, но очень мало стран в мире оказались готовы к последствиям массовых миграций.

При изучении миграций наименее исследованной и наиболее мифологизированной сферой является роль этнического фактора. Посвященные этой проблеме работы В.А. Тишкова, В.С. Малахова, Ж.А. Зайончковской, В.И. Дятлова и др., основанные на глубоком научном анализе существующей ситуации, недостаточно востребованы властями и практически не известны широкой общественности, которая в основном питается журналистскими расследованиями, резюмирующими, что «опыт западной Европы доказывает, что чем меньше мигрантов, тем безопаснее».

Сейчас в результате резкого снижения рождаемости и роста смертности, когда Россией уже пройдена точка невозврата, так называемый «русский крест», когда уже никакие меры по повышению рождаемости не смогут компенсировать естественную убыль населения, остро стоит вопрос об интеграции мигрантов в российское общество. Нет никакого сомнения в том, что мигранты России нужны, а речь идет о том, каким образом мигранты должны распределяться по территории страны и какова должна быть политика по их интеграции.

В этом смысле сибирский регион, конечно, имеет свою специфику и свои проблемы. Сибирь длительное время была местом, при-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнография современной диаспоры (на примере немцев Сибири)», проект № 11-31-00213а1.

нимающим мигрантов, куда население перемещалось из европейской части России. Фактически все сибиряки, за исключением коренных народов, это потомки переселенцев (т. е. более 90 %). Сибирь пережила несколько волн заселения, из которых наиболее крупными были добровольные переселения из разных губерний европейской части Российской империи в XVIII–XIX вв. и периода столыпинской аграрной реформы, в результате которых и сформировалась в основном этническая карта региона. Большую роль в формировании населения Сибири играли принудительные миграции (ссылка, депортация). В 1960–1970-е гг. приток населения существовал за счет всесоюзныхстроек, освоения нефтяных и газовых месторождений. Население стабильно увеличивалось: по переписи 1926 г. численность населения Сибири была около 9 млн человек (9 % всего населения России), в 1959 г. она составила 16,7 млн (14,2 %), а в 1989 г. – 22,8 млн человек (15,5 %) [4, с. 9–74].

Но в 1990-е гг. Сибирь очень быстро стала регионом с отрицательным сальдо миграции. Приведем конкретные цифры. Если по последней советской переписи населения 1989 г. в России проживало 147 млн человек, из них в областях за Уралом – более 35 млн, т. е. 24 %, то по первой Всероссийской переписи населения 2002 г. в России проживало 145 млн, из них в областях за Уралом – 32 млн человек (22 %), и по данным переписи 2010 г. – 29 млн из 142,9 млн, т. е. 20,3 %. Хотя по территории азиатская часть России составляет 75 % её площади.

Относительно заселены только южные районы Сибири – Кемеровская, Новосибирская, Омская и юг Тюменской области, Алтайский край, т. е. те районы, где существует более или менее развитая инфраструктура. Здесь плотность населения составляет 16–17 человек на кв. км, основная нагрузка приходится на города. В сельской местности плотность населения составляет 3–7 человек на кв. км. И это лучшие показатели населенности по Сибири.

По миграционным показателям лучше всего положение в Новосибирской области, это объясняется тем, что Новосибирск – центр Сибирского федерального округа (СФО), соответственно, как всякая столица, хотя и местного масштаба, он притягивает население. Но в целом по СФО сальдо миграции за прошедшие годы было отрицательным. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2009 г. население СФО составило 19 млн 545 тыс. человек, что на 8 тыс. меньше, чем в 2008 г., на 45 тыс. меньше, чем в 2007 г. и

на 1 млн 416 тыс. меньше, чем в 1995 г. Например, Красноярский край потерял за эти годы 224 тыс. человек, Алтайский край – 197 тыс., Омская область – 155 тыс. человек. Даже в Новосибирской области, которая привлекает мигрантов, численность населения по сравнению с 1995 г. снизилась на 92 тыс. человек [2, с. 30].

В этом процессе снижения численности населения, конечно, сыграл свою роль и отрицательный естественный прирост населения. Но можно определенно утверждать, что для Сибири все-таки основным фактором демографических потерь являются миграции, а не превышение смертности над рождаемостью, поскольку здесь естественный прирост хотя и является отрицательным (минус 0,7 на тысячу человек), но он все же выше средних показателей по России (минус 2,5 человека на тысячу).

Если представить современную картину миграций в Сибири в наиболее общем виде, то из сельской местности люди уезжают в города (молодежь особенно), а из городов Сибири – в города европейской части России, в основном в Москву и Санкт-Петербург, реже – в Екатеринбург, Краснодар, Сочи. Разумеется, существует встречный поток мигрантов, но подавляющее большинство из тех, кто приезжает в Сибирь – это зарубежные мигранты, иностранные рабочие, как и в большинстве других регионов России. Конечно, по масштабам трудовой миграции Барнаулу, или, например, Новосибирску, далеко до Москвы, которая из-за обилия иностранных рабочих изменилась за последние годы до неузнаваемости, но общие тенденции существуют и здесь.

По приблизительным расчетам получается, что Россия за последние годы принимает больше мигрантов, чем выезжает людей, в 7 раз и покрывает за счет них примерно половину естественной убыли населения. Основной прирост дают страны СНГ, он составляет более 200 тыс. человек ежегодно. С дальним зарубежьем прирост мигрантов отрицательный, хотя по сравнению с серединой 1990-х гг., когда эмиграция в Европу и Америку носила массовый характер, ситуация значительно улучшилась.

В Сибири тенденции по приему зарубежных мигрантов имеют большую степень сходства с другими регионами России и заключаются в значительном преобладании мигрантов из стран бывшего Советского Союза. Специфика этнических миграций в Сибири связана, во-первых, с приграничным положением с Казахстаном и Китаем, во-вторых, с миграционным обменом с Германией. Из всех прибывших из Казахстана в Россию 28 % направляются в СФО. Приезжие из Ка-

захстана составляют 27 % миграционного прироста в Сибирском округе. По этническому составу среди мигрантов из Казахстана преобладают русские (67 %), на втором месте находятся украинцы (5,5 %), на третьем – казахи (4,2 %), на четвертом – немцы (2,8 %) и на пятом месте – татары (2,3 %) [3, с. 501]. Если русские и украинцы из Казахстана едут как в Сибирь, так и в другие регионы, то казахи и немцы оседают преимущественно здесь. Казахи переезжают в основном в Омскую область, поскольку здесь существуют места компактного расселения казахов, по численности населения (81,6 тыс. человек) казахи занимают второе место после русских в Омской области. Немцы из Казахстана переезжают в основном в Алтайский край, Омскую и Новосибирскую области. Это также связано с компактным расселением немцев в этих регионах и с тем, что в Алтайском крае и в Омской области в 1991 и 1992 гг. были созданы немецкие национальные районы. Эти районы, которым на протяжении всего времени существования оказывалась значительная финансовая поддержка со стороны правительств России и Германии, в выгодную сторону отличаются от окружающих районов и являются центром притяжения для мигрантов. Из-за массовой эмиграции в Германию этнический состав районов очень сильно изменился. Так, если при создании немцы составляли 80 % жителей национального района на Алтае и 60 % – Азовского немецкого национального района в Омской области, то уже по данным переписи 2002 г. доля немцев в районах не превышала 30%. Поэтому руководство национальных районов при приеме мигрантов стремится проводить отбор по этническому признаку.

Количество реэмигрантов можно считать очень незначительным, несмотря на то, что в последние годы в Россию возвращается половина выехавших. Например, в 2007 г. выбыло из России в Германию 6 486 человек, вернулось – 3 164, в 2008 г. выбыло 4 916, вернулось – 3 134 (в том числе 1 110 человек – в Сибирский округ). Немцы возвращаются в основном в те регионы, откуда они выезжали, т. е. в Алтайский край и Омскую область [2, с. 465, 466, 472]. Но число вернувшихся несопоставимо с количеством выехавших, поскольку только, например, из Омской области в межпереписной период (1989–2002 гг.) эмигрировало в Германию 100 тыс. немцев. Потери этой волны этнической эмиграции невосполнимы.

Самые большие дискуссии вызывают миграции из Китая. По данным переписи населения 2002 г., в России проживало постоянно 34,5 тыс. китайцев, из них 33,2 тыс. в городах и 1 300 – в сельской

местности. Статус временных мигрантов имели 240 тыс. чел. Экспертные оценки численности китайцев в России в целом и в регионах значительно расходятся. По одним из них в России находится от 500 до 700 тыс. китайцев, по численности китайской диаспоры Россия находится на 18 месте в мире. По другим ещё в 2005 г. китайцев было 998 тыс. и Россия находилась на 11 месте. Есть оценки численности, не укладывающиеся в рамки здравого смысла, например, 10–12 млн человек. Отсутствие точных статистических данных делает невозможной и научную оценку такого явления, как китайская диаспора в России. Есть довольно серьезное исследование этой проблемы, это монография Александра Ларина «Китайские мигранты в России. История и современность», которая вышла в Москве в 2009 г. В региональном аспекте в этой книге в основном анализируется ситуация на Дальнем Востоке, поскольку там проблема китайской миграции стоит более остро, чем в Сибири.

Анализируя имеющуюся статистику, мы видим, что самая большая по численности группа китайцев живет в Москве (12,8 тыс.), а по регионам численность китайцев возрастает в направлении с востока страны на запад: Дальневосточный округ – 9,7 тыс., Сибирский – 4,6 тыс., Уральский – 2,7 тыс. [1]. Понятно, что китайцев в России гораздо больше, что основная их масса – это временные мигранты, из них значительная часть – мигранты нелегальные, и провести их учет весьма затруднительно по многим причинам, в основном из-за замкнутости самих китайских общин и коррумпированности контролирующей трудовую миграцию чиновников. В большинстве случаев найти информацию о гражданстве, а тем более – об этническом составе трудовых мигрантов невозможно. Поэтому в экспертных оценках и аналитических обзорах мнения по поводу китайской иммиграции не просто разные, а прямо противоположные.

Интересы китайцев в России представлены в основном в двух направлениях – это, во-первых, частный бизнес и, во-вторых, государственные компании, которые развиваются в сфере нефти и газа, электроэнергетики. Частный бизнес представлен компаниями, которые вывозят ресурсы, в основном лес, и привозят товары массового потребления. 70–80 % китайцев заняты в сфере розничной торговли. В Алтайском крае, Новосибирской, Омской области часть китайцев занята в сельском хозяйстве, в основном выращиванием овощей.

Мировой опыт показывает, что китайские общины очень медленно ассимилируются местным населением. Российский же опыт

свидетельствует о том, что стремление к изоляции не принимается большинством населения нашей страны. В неизвестном видится угроза. В России, очень толерантной и уважительной к разным культурам, замкнутость и закрытость провоцируют рост ксенофобии, в числе других причин, конечно. Получается замкнутый круг: власти не проводят никакой политики по интеграции китайцев, как и всех остальных мигрантов, в общество, с другой стороны, и мигранты не стремятся войти в российское общество, живут в своих общинах, насаждают свои порядки и культивируют свои традиции. Пока государство слабо контролирует сферу этнических миграций, не смотря на принятые законы и многочисленные поправки к ним.

Если по количеству мигрантов из стран дальнего зарубежья лидерство Китая очевидно, то по ближнему зарубежью лидируют Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Армения – в Сибири это очевидная тенденция. Приезжие из Средней Азии по численности уже в разы превосходят китайцев даже на Дальнем Востоке.

Проблема заключается ещё и в том, что в российских законах вообще отсутствует понятие этнических миграций, и, соответственно, статистика учитывает не этническую принадлежность мигрантов, а их гражданство. И если в составе трудовых мигрантов из Китая или Таджикистана преобладают китайцы или таджики, то определить этническую принадлежность мигрантов из других стран (Казахстан, Германия, Украина и др.) довольно сложно. В Базе данных Федеральной службы государственной статистики фиксируется только страна, из которой человек приехал. Для того, чтобы определить этническую принадлежность мигрантов, можно использовать первичные листки прибытия–убытия или формы временной регистрации, в которых национальность отмечается. Но эти данные в целом по России публикуются очень редко, а статистику по регионам найти практически невозможно. Поэтому одной из главных задач сегодня является изучение потоков этнических миграций и оперативное реагирование на изменение этих потоков. В заключение следует сказать, что сфера этнических миграций – это очень мифологизированная сфера, которая к тому же очень быстро изменяется. И чтобы её контролировать, нужно менять систему миграционной политики в целом.

-
1. Всероссийская перепись населения 2002 г.: сайт. – URL: <http://www.perepis2002.ru/>
 2. Демографический ежегодник России. 2009. – М., 2009.

3. Национальный состав мигрантов по странам в 2006 г. // Демографический ежегодник России. 2007. – М., 2007.
4. Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М., 1991.

П.П. Шинкевич

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

РОЛЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СТРАТЕГИЯХ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Миграционные процессы уже давно являются одним из главных факторов развития многих стран мира, а их регулирование становится важнейшей задачей государства. Организация трудовой миграции позволяет странам-реципиентам повысить или сохранить существующие темпы экономического развития и уменьшить дефицит рабочей силы, а странам-донорам уменьшить социальную напряженность и снизить плотность населения и уровень безработицы. От эффективности управления миграционными потоками во многом зависит дальнейшая судьба государства, его внутривластная стабильность и устойчивость развития.

Однако приток иностранных рабочих ставит перед принимающей стороной ряд важных проблем: мигранты являются носителями совершенно иной культуры, разговаривают на другом языке, привозят с собой свои обычаи, традиции, веру и образ жизни. Это часто становится причиной возникновения межнациональных конфликтов, повышается мигрантофобия у коренного населения, растёт преступность. Адаптация мигрантов зачастую происходит крайне медленно, или совсем не происходит, они замыкаются в своих национальных группах и, как следствие, проявляют враждебность к чужим группам – коренному населению. Негативные последствия притока мигрантов возникают и в экономике. Всемирный банк пришёл к следующему выводу: увеличение числа иностранных рабочих на 0,5 % приводит к снижению уровня заработной платы коренного населения на 1 %. Это также приводит к увеличению социальной напряженности в стране-реципиенте.

Снизить негативные последствия миграционного движения и повысить эффективность привлечения иностранной рабочей силы позволяет грамотная разработка миграционной политики государства, единство её направленности на всех уровнях власти.

Экономика России на сегодняшний день заинтересована в притоке иностранной рабочей силы на фоне постоянной убыли трудоспособного населения (порядка 800 000 человек в год). Более высокий уровень социально-экономического развития, наличие рабочих мест и доступность переселения делают Россию привлекательной для мигрантов из стран Средней Азии, Восточной Европы и Китая. Согласно докладу Всемирного банка «Миграция и денежные переводы: статистический справочник за 2011 год», Россия занимает второе место в мире (после США) по числу прибывающих мигрантов. Таким образом, миграционные процессы должны иметь ключевое значение в стратегиях долгосрочного развития Российской Федерации.

Д.И. Вольхин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ЭТНИЧЕСКИЕ ДИАСПОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Диаспора представляет собой многообразное явление. Ее изучение может осуществляться в различных измерениях: историческом, культурном, экономическом, правовом и, наконец, политическом. Переплетение всех этих особенностей приводит к тому, что данный феномен представляет достаточно большую сложность для исследования. Поэтому на сегодняшний день не так много научных работ по исследованию данного явления. Кроме того, сегодня происходит множество стремительных процессов, которые приводят к тому, что традиционное понимание диаспоры не всегда адекватно объясняет современное положение дел. Войны, миграции населения, изменение административных границ – все это ведет к изменению принципов формирования диаспор. Это моментально оказывает влияние на общество и государство. И приверженность традиционному подходу рассмотрения диаспоры как результата перемещения этнической

группы в пространстве не всегда приемлемо в изучении современного её состояния. Кроме того, традиционное понимание основано на изучении конкретной диаспоры, например, армянской или еврейской.

Сегодня в феномене диаспоры можно выделить две стороны функционирования: динамический и статический аспекты. Динамический аспект подразумевает, что диаспора находится в постоянном развитии. Статический аспект исходит из того, что диаспора рассматривается как результат либо перемещения из одной культурной среды в другую, либо превращения в национальное меньшинство в ходе изменения границ.

Важным вопросом в феномене диаспоры является процесс формирования, то, как происходит диаспоризация этнических групп. В современной России важным фактором в этом процессе стали этнические миграции. Не имея институциональной организации, массовые миграции осуществляются в рамках экономических, политических и правовых институтов, институтов административного государственного управления. Поэтому взаимодействие этнических мигрантов с местным населением всегда связано с адаптацией собственных этнокультурных ценностей и норм к требованиям новой социальной ситуации при одновременном их сохранении и воспроизводстве для «внутреннего» (в диаспоре) общения. С распадом СССР произошел стремительный рост трансграничных миграций как внутри России, так и из стран СНГ. Происходит усложнение «этнической композиции» населения российских городов. Этнические мигранты начинают чувствовать себя отдельной группой, постепенно происходит структуризация этих групп. Они создают условия для адаптации новых мигрантов, что ведет к росту ядра постоянных членов диаспоры. Это ведет к появлению достаточно закрытых сообществ, которые сохраняют свою культуру и контактируют с внешним окружением как относительно единое целое. То есть происходит противопоставление диаспоры внешней среде.

Примером закрытости диаспор может служить «этническое предпринимательство». Представители этнической общности в новой культурной среде испытывают неприятие со стороны «автохтонного» населения, это способствует их обособлению в локальные общности. Для адаптации к новой для себя среде они либо занимают свободные, либо создают специфические ниши в экономическом пространстве принимающей среды. Существует четыре ниши в экономике, которые занимают или создают этнические предприниматели. Здесь необхо-

дим учет фактора отношения этнического предпринимателя к виду миграции, так как данное обстоятельство позволяет определить помимо специализации этнических предпринимателей на рынках ещё и особенности раскрытия и перспективы развития делового потенциала этнических мигрантов.

Первая ниша – это поставка, производство и реализация этнических потребительских товаров для внутренних нужд диаспоры на основе эпизодических миграций, которые носят нерегулярный и часто случайный характер.

Вторую нишу занимают предложения «экзотических» товаров на местном рынке, в основе которой лежит челночная, или маятниковая, миграция из Азии и с Кавказа, некоторых регионов. Часто это прочно монополизированные рынки с ярко выраженной моноэтнической принадлежностью. Сегодня подобную этническую нишу занимают и другие этнические группы, например, корейцы, которые торгуют во многих городах России разнообразными национальными продуктами. Корейская диаспора арендует и выкупает значительное количество земель для выращивания овощей на Северном Кавказе и Дальнем Востоке.

Третья ниша занимается удовлетворением местных потребностей в разного рода услугах, необходимых в условиях переселения на постоянное место жительства. Четвертая ниша включает в себя заполнение слабозащищенных и неустойчивых рынков, а также занятость в непрестижных сферах экономики, оставляемых коренными жителями. В данном случае среди мигрантов-предпринимателей преобладают сезонные и вынужденные мигранты. Сегодня примером этого являются мигранты из Таджикистана, Молдавии, Китая, занимающиеся строительством в крупных городах. Постепенно диаспоры стали контролировать определенные секторы экономики в регионах (а иногда и в масштабе всей страны). Можно утверждать, что Россия вступила в фазу «этноэкономики».

Так как у диаспор имеются экономические интересы, в том числе и в сфере крупного бизнеса, это необратимо ведет к стремлению влиять на политический процесс.

Политическая деятельность диаспоры опирается на принцип «двойной лояльности». Данный принцип предполагает наличие устойчивых особенностей, позволяющих сохранять свою самобытность, а также наличие устойчивых связей с принимающим государством. То есть диаспоры ориентируются на выстраивание благоприятных

отношений как с принимающим государством, так и с государством исхода.

Можно выделить общие черты, а отсюда и предпосылки участия национальных диаспор России в политике:

– стремление к сохранению национальной культуры, которая делает диаспоры сплоченными, позволяет им не ассимилироваться в принимающем государстве. Лидеры диаспор должны предоставлять не только материальную помощь её членам, но и возможность развития своей культуры, ведь диаспора основывается и на чувстве патриотизма. Национальные традиции выступают одновременно и как инструмент управления, и как необходимость следования им лидерами диаспоры;

– рост численности диаспоры. В определенный момент диаспора становится многочисленной и начинает выдвигать государству свои требования. И государство не может игнорировать интересы достаточно крупной общности. Первоначально они касаются необходимости предоставления государством возможности для развития своей культуры, защиты от дискриминации со стороны местного населения;

– защита экономических интересов диаспоры. Выше говорилось о таком явлении, как «этническое предпринимательство», которое часто связано с незаконной деятельностью. Постепенная легализация бизнеса ведет к необходимости защиты экономических интересов и на политическом уровне;

– экономические интересы очень сильно переплетаются с криминальной деятельностью диаспор. В СССР существовал теневой сектор экономики, который не мог рассчитывать на правовые механизмы регулирования и защиты. Эту роль заняли организованные преступные группировки, которые часто формировались по этническому признаку. Криминальная деятельность привела к накоплению у диаспор большого финансового капитала, установлению тесных неформальных связей с представителями органов власти;

– заинтересованность другого государства в поддержке своей диаспоры в России, стремление превратить её в агента влияния. Армения, Молдавия, Таджикистан и другие страны СНГ заинтересованы в привлечении инвестиций и денежных переводах от членов диаспоры за рубежом.

Сегодня диаспоры активно участвуют в политике. Но это участие носит неформальный характер. Так как членами национальных

диаспор являются политики и чиновники, это позволяет им лоббировать свои интересы на всех стадиях принятия политического решения, начиная с внесения предложения и заканчивая его реализацией.

Диаспоры обладают возможностями мобилизации определенной части населения в поддержку того или иного кандидата, политической партии. Диаспора – это сплоченная общность, что повышает эффективность влияния авторитетных лиц. Более эффективными являются и СМИ диаспор. Их влияние на общественное мнение также определяется единством представителей диаспоры.

Внутри диаспор нет единства. Общественные организации одной диаспоры вступают в конкуренцию между собой. Они стремятся привлечь к себе как можно больше членов, в первую очередь влиятельных лиц, хотят заручиться поддержкой страны исхода. Но, как уже отмечалось выше, диаспора – это в первую очередь лидеры. Вот между ними и идет конкуренция.

Сегодня на политической деятельности диаспор отражается непоследовательная политика государства в национальном вопросе. Можно сказать даже отсутствие этой политики. С одной стороны, государство не признает диаспоры как участника политического процесса. С другой стороны, государственные органы проявляют заинтересованность в работе с диаспорами в рамках управления миграционными потоками. Это, в свою очередь, приводит к некоторой институционализации деятельности диаспор в политических процессах.

Игнорирование государственными органами наличия политических целей у диаспор приводит к неконтролируемым изменениям в социальной структуре общества, что неизбежно ведет к межнациональным конфликтам. Кроме того, государство не использует диаспоры как ресурс согласования интересов. В «диаспоральный капитал» России помимо соотечественников, проживающих за её пределами, необходимо включать национальные диаспоры внутри страны. Ведь многие члены диаспор связывают свою жизнь с Россией, считают её своей Родиной, а следовательно, нацелены на её процветание. Диаспоры могут оказывать существенную помощь в выстраивании конструктивных отношений с другими государствами.

Подводя итог, можно выделить следующие механизмы участия диаспор в политическом процессе: наличие общественных организаций как институциональных форм интеграции диаспор; неформальный характер участия; представительство членов диаспоры в органах государственной власти; институционализацию политической деятельности ди-

аспор в рамках управления миграционными потоками, что является признанием государством неспособности самостоятельно справиться с проблемой незаконной миграции; публичные акции диаспор в сфере политики; наличие у диаспор собственных СМИ, что является эффективным механизмом влияния на мнение определенной части населения.

Диаспоры можно считать самостоятельными акторами политического процесса. Их политическая деятельность проявляется в оказании влияния на процесс принятия и реализации политических решений. Диаспоры также участвуют в избирательных кампаниях на всех уровнях, начиная с выборов в региональные органы власти и заканчивая выборами глав государств. Отсутствие четкой государственной политики по работе с диаспорами ведет к тому, что политическая деятельность последних становится неконтролируемой и может идти в ущерб национальным интересам России.

Н.В. Диянова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ

Российское общество сейчас находится в состоянии кризиса идентичности. Выход из него возможен, если будет проводиться грамотная этносоциальная политика, направленная на нахождение нового объекта идентификации и построение новой идентичности или восстановление связей с прежним объектом. Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная указом президента РФ 15 июня 1996 г., занимает центральное место в нормативно-правовой базе, регулирующей этнонациональную политику РФ. Однако она обладает рядом недостатков: во-первых, отличается половинчатостью, неопределенностью, сужая возможности государства в плане урегулирования и решения многообразных этнических проблем; во-вторых, определив основные принципы национальной политики, она, нося преимущественно декларативный характер, не определила механизм их реализации, в-третьих, она все ещё строится на советских представлениях о решении национального вопроса, а именно на кон-

цепции Сталина [1], которая на первый план национально-территориального строительства выдвигает национальное в условиях многонационального.

С этим пунктом тесно связана проблема развития федеративных отношений в России. Данному вопросу посвящен раздел VII Концепции, его смысл кроется в установлении общих начал для уравнивания субъектов РФ как в отношениях с центральными властями, так и по отношению друг к другу. Но РФ является федерацией ассиметричного типа, а значит, реального равноправия субъектов в ней нет. Если руководство страны частично отрицает её ассиметрию, происходит игнорирование своеобразия регионов, многообразия традиционных форм общественного устройства. Поэтому на законодательном уровне следует признать данную особенность российского федерализма и создавать механизмы, отражающие многообразие условий в регионах и приближать центры принятия решений к сфере их реализации, но при этом избегать усиления ассиметричности. На уровне муниципальных образований требуется широкое распространение национально-административного управления, совершенствование законодательства о национальных районах, селах, поселках.

Кроме того, в связи с произошедшими за последние 15 лет изменениями в жизнеустройстве российских народов, Концепция непоравимо устарела и уже не достаточно её обновления или создания новой. Назрела необходимость принятия документа, обязательного для исполнения, а таким документом может стать только закон. Страну можно вывести из кризиса идентичности, только если отказаться от прежней сталинской политики в области национальных отношений. На первый план должны выдвигаться интересы не отдельных этнических групп, а всех граждан РФ как единой нации россиян. Этнонациональная политика при этом должна быть системой обеспечения обустройства, сожительства и сотрудничества этнокультурных сообществ в конкретно-исторических условиях с учетом целесообразности и ценностных ориентаций данного общества.

-
1. *Кокшаров Н.В.* Современная национальная политика России // CREDO NEW теоретический журнал: сайт. – URL: <http://credonew.ru/content/view/336/28/> (дата обращения: 15.08.2011).

КСЕНОФОБИЯ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России существует определенная сложность разрешения межэтнических, межкультурных конфликтов, среди форм проявления которых отмечаются терроризм, ксенофобия, экстремизм, воинствующий национализм, этнофобия. На конец XX – начало XXI в. приходится бурный рост этнического самосознания, возврат к традиционным формам этничности, выразившиеся в этнополитических насильственных конфликтах на территории бывшего СССР. Их результатом стал рост взаимных фобий (русофобия, кавказофобия, чеченофобия и др.), а также иных форм ксенофобий (исламофобия, мигрантофобия и т. д.). Ситуация, вызванная ростом ксенофобии и экстремизма в массовом сознании в целом, ставит с особой остротой новые вызовы гражданскому обществу в России.

Анализируя степень изученности проблемы, необходимо сказать, что пока не сформировалось единого подхода к определению понятий «ксенофобия» и «экстремизм».

В настоящее время, по данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», уровень ксенофобии в сознании граждан России по-прежнему высок. Согласно весьма распространенному и общепринятому мнению, Омская область относится к регионам, где царит межнациональное согласие, а уровень ксенофобии является очень низким. Возможно, по сравнению с Москвой или Санкт-Петербургом уровень ксенофобских настроений действительно ниже, но факты свидетельствуют о том, что в одном отдельно взятом регионе невозможно быть свободными от проблем, которые испытывает все российское общество, и в последние годы наблюдается явный всплеск ксенофобии и экстремизма и в Омской области.

Если страх и различные «фобии» входят в нашу жизнь, это создает угрозу стабильной политической ситуации в стране. Маятник ксенофобии может качнуться в любую сторону. Любой кризис, даже не имеющий отношения к национальным проблемам, может вызвать резкий рост ксенофобии, что делает необходимым разработку специальных программ и рекомендаций по преодолению нетерпимости и

формированию толерантных отношений. Методы преодоления ксенофобии условно можно разделить на две группы по сферам действия: меры в области государственного устройства и управления и меры в сфере образования и культурной политики.

Н.Г. Дербенева

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ЭТНИЧНОСТЬ И СТРЕСС В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО МЕГАПОЛИСА

Людей, попадающих в стрессовые ситуации, на планете с каждым годом становится все больше. За последние десять лет их количество увеличилось на 41,5 % и достигло 450 млн. Эксперты отмечают, что уже к 2020 г. заболевания, приобретенные вследствие стресса, войдут в мировую пятерку болезней-лидеров. Многие ученые среди причин, приводящих к стрессовому состоянию, называют межэтнические конфликты, всевозможные нежелательные перемены в политической, национальной и общественной жизни и др. Поэтому психологи всего мира призывают правительство как можно скорее принять Национальный план действий по охране психического здоровья нации.

Для того чтобы уметь справляться с негативными последствиями стресса и уметь контролировать своё поведение в нём, нужно правильно выбирать стратегии поведения в стрессовых ситуациях. Но, как известно, разные люди реагируют на стресс по-разному, это зависит от многих факторов: жизненного опыта, воспитания, национальной принадлежности и др.

Известно, что нормы и ценности культуры, индивидуальные, этнические и другие особенности личности обуславливают и регулируют её поступки, предопределяют выбор линии поведения, стиль и образ жизни, из чего в целом складывается жизненный путь личности.

Основные подходы к пониманию поведения совладания со стрессом преимущественно разработаны зарубежными (Р. Лазарус и Р. Фролкман, К. Карвер, и др.), а также отечественными исследователями (Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, Л.И. Дементий, В.С. Мерлин, Б.М. Теплов и др.).

Следует заметить, что в большинстве имеющихся работ по изучению этнопсихологических особенностей свойств личности и поведения в стрессе авторы оперируют преимущественно количественными данными, минуя мотивационно-смысловые составляющие. При этом трудно раскрыть содержательные в психологическом отношении национально-этнические различия.

Изучение этнопсихологических особенностей личности и её поведения в стрессе является актуальным, так как прежде всего позволяет раскрыть малоизученные вопросы этнической психологии, межэтнических отношений, национального характера, а также дает возможность изучить, проанализировать и предсказать поведение человека в стрессовых ситуациях, разрешить их с наименьшими потерями и достичь наиболее благоприятного результата.

Наш интерес к этой теме обусловлен огромным значением проблемы сохранения психологического здоровья в условиях социально-политической, экономической, этнической напряженности. Поэтому большое внимание в данной работе придается изучению проявления особенностей этничности в стрессовых ситуациях среди молодежи, ведь на ней сегодня лежит историческая ответственность за сохранение и развитие национальных культурных традиций и ценностей. Молодые люди чаще всего испытывают на себе последствия стресса, часто связанного с проблемой безработицы, профессиональным, социально-ролевым определением, неудовлетворенностью учебной или профессиональной деятельностью, проблемами значительных учебных перегрузок и др.

Определение индивидуально-типологических особенностей личности, этнических показателей было проведено на основе метода психодиагностики К. Карвера, выявляющего этнопсихологические факторы и стратегии поведения в стрессовых ситуациях. Опросник состоит из 60 утверждений, которые отражают возможные реакции человека при воздействии на него стрессовой ситуации. Методика включает в себя три блока стратегий поведения в стрессе, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации:

1. Активные стратегии, наиболее адаптирующие человека в стрессовой ситуации.

2. Пассивные стратегии, которые могут способствовать адаптации человека в стрессовой ситуации, однако они не связаны с активным поведением в стрессе.

3. Неадаптивные стратегии, которые в некоторых случаях помогают человеку адаптироваться к стрессовой ситуации и справиться с ней.

Отдельно К. Карвер выделяет такие стратегии, как «обращение к религии», «использование алкоголя и наркотиков», «юмор».

Исследование проводилось на базе ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ОмГПУ и ОмГТУ в апреле 2009 – апреле 2010 гг. Выборку составили 146 человек от 17 до 22 лет, из них 101 студент 1–5 курсов Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, обучающийся на историческом факультете по специальности «Социальная работа», 24 студента Омского государственного педагогического университета, обучающиеся на 5 курсе по специальности «Педагогика и психология» и 21 студент Омского государственного технического университета, обучающийся по специальности «Системы автоматизированного проектирования».

В результате исследования по изучению проявления этничности в стрессовых ситуациях среди студентов Омских вузов мы выявили существенные различия в стратегиях поведения в стрессовых ситуациях у девушек и юношей.

Так, у юношей различных возрастных категорий и национальностей нами были выявлены наиболее доминирующие стратегии поведения.

Наиболее адаптивными и активными стратегиями поведения пользуются юноши-немцы, в меньшей мере, но также регулярно – юноши-казахи. В стрессовых ситуациях они сохраняют спокойствие, планируют свои действия, сдерживают свои эмоции для достижения наиболее выгодного разрешения ситуации, признают реальность ситуации, оценивают её с точки зрения положительных сторон и относятся к ней как к одному из эпизодов своего жизненного опыта. Данные стратегии позволяют добиться ожидаемого благоприятного результата, сохранить своё душевное и физическое равновесие, направить силы для решения возникающих проблем.

Пассивными стратегиями руководствуются остальные студенты. Они стараются отстраниться и опустить ситуацию, дождаться более благоприятного периода для её разрешения.

Среди студентов пятикурсников показатели активных и адаптивных стратегий поведения практически одинаковы. Это позволяет сделать вывод о вариативности поведения в одной и той же стрессовой ситуации, связанной, прежде всего, с большим количеством стрессовых факторов: сдачей Государственного экзамена, защитой дипломной работы, трудоустройством и сменой места жительства. Повышению активности в использовании тех или иных стратегий мо-

гут способствовать приобретаемый опыт, воспитание, этнические стереотипы и др.

Полученные данные по девушкам позволяют нам сделать вывод о том, что наиболее адаптивными и активными стратегиями поведения в стрессовых ситуациях руководствуются студентки казахской национальности, что помогает им в стрессовой ситуации легко адаптироваться, применять активные действия для устранения источника стресса, планировать свою деятельность, добиваться благоприятного исхода сложившейся ситуации.

Неадаптивными и пассивными стратегиями поведения в стрессовой ситуации чаще всего руководствуются русские девушки и девушки-белоруски.

Среди студенток-пятикурсниц показатель стратегии планирования практически одинаков, что может указывать на то, что в данной возрастной категории каждая девушка планирует своё поведение при столкновении с предстоящими жизненными трудностями и стрессом.

Доминирование стратегии обращения к религии у юношей и девушек татарской национальности, возможно, связано с их особенным отношением к своей вере – исламу и почитанием священного писания. Это ещё раз доказывает, что национальная принадлежность влияет на выбор стратегий поведения в стрессовой ситуации.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что существует зависимость между этнической принадлежностью человека и тактикой его поведения в стрессовых ситуациях. Так, стереотип о том, что немцы гораздо собраннее и расчетливее в жизни, что они всегда реально смотрят на события и видят благоприятный для себя результат, вследствие чего они успешны, действительно подтверждается в поведении юношей-немцев. Перечисленные выше черты и стратегии поведения неразрывно связаны с этнической составляющей немцев и начинают закладываться в их характере с неосознанного возраста.

Полученные данные о девушках-студентках казахской национальности связаны с тем, что именно они обладают глубоким чувством собственного достоинства, им присуще чувство миролюбивости, поэтому они не желают проявлять сопротивление или возражение по отношению к стрессу, а ищут конструктивные пути его решения.

Таким образом, вышесказанное дает нам основания подтвердить то, что немалую роль в разрешении жизненных трудностей играет этническая принадлежность человека и нормы поведения, характерные для того или иного этноса.

Н.В. Корытникова

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В педагогике различают два вида компетентностей: предметные и ключевые. Первые дают возможность получить знания о конкретных фактах, явлениях, сформировать общие понятия о функционировании современного общества; вторые связаны с достижением определенного уровня социализации, т. е. умением справляться с жизненными трудностями, быть самостоятельным и ответственным. К ключевым компетенциям, например, можно отнести умение общаться, отстаивать свою позицию и принимать чужую точку зрения и т. д.

Наибольший интерес вызывают ключевые компетентности, необходимые в глобализированном и мультикультурном обществе. Безоговорочной способностью наравне с умением учиться становится умение «жить вместе» – жить в мультикультурном обществе, проявляя коммуникативную способность общаться на равных с разными людьми, воспринимать разные культуры, уважать разные религии и т. д. Результатом формирования данной компетенции следует считать наличие у человека такого качества, как толерантность. К видам деятельности, определяющим толерантность, следует отнести:

- овладение устным и письменным общением в условиях культурных, языковых, религиозных различий,
- оценивание наиболее важных достижений национальной, европейской и мировой культур,
- умение делать сознательный выбор и применять демократические решения, учитывая интересы и потребности граждан, представителей различных общностей, обществ и государств,
- овладение этикой гражданских отношений;
- умение использовать различные источники информации для собственного развития.

Основные виды деятельности учеников на уроках социогуманитарного цикла должны способствовать овладению социальным опытом толерантных отношений, навыками толерантного поведения и практической деятельности в мультикультурном обществе. На этих

уроках у подростков формируются терпимость к различным мнениям и существованию различных мировоззрений, принятие критики, доброжелательные отношения с окружающими, что в целом способствует самореализации в мультикультурном обществе. Социогуманитарное образование не только изменяет интеллектуальный уровень человека, но и делает его высококультурной и социально ответственной личностью, которая имеет толерантное сознание и способна к толерантному поведению.

Ю.С. Кособрюхова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В ЭТНИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

На фоне происходящих в настоящее время социальных, политических и экономических изменений во всем мире содержание гендерных ролей подвергается трансформации. Однако во многих культурах мужчины и женщины воспринимаются как обладающие взаимоисключающими, противоположными личностными и поведенческими характеристиками. Мужчины представляются как агрессивные, сильные, независимые, умные и творческие; женщины – как покорные, эмоциональные, консервативные и слабые. Скорее всего, появление гендерных стереотипов связано с разделением труда по половому признаку. Женщины, осуществляя репродуктивную функцию, вынуждены много времени посвящать взращиванию и воспитанию ребенка, а это ограничивает их экономическую и политическую власть. С разделением труда по половому признаку связаны и те гендерные роли, которые предписываются женщинам в этнической культуре: это роль матери, домохозяйки, хранительницы домашнего очага, для которой свойственна забота о благополучии и здоровье семьи.

Традиционные гендерные представления побуждают мужчин и женщин формировать такую модель поведения, при которой отношения характеризуются несимметричностью. Эти представления побуждают мужчин проявлять доминантную позицию в межличностных отношениях, а женщин – зависимую, и такое соотношение позиций обусловлено всем предшествующим опытом полоролевой социализации.

Этим можно объяснить и гендерные различия в поведении в конфликтных ситуациях, когда мужчина, как правило, занимает доминирующую позицию, а женщина – подчиненную. Однако не стоит сбрасывать со счетов возможность другого сценария конфликтной ситуации, так как женщины наравне с мужчинами склонны к агрессивному поведению. В полной мере это проявляется в этнических конфликтах.

Этнический конфликт является той формой конфликта, в которой социальные роли мужчин и женщин проявляются довольно отчетливо. В результате этнических конфликтов страдают целые народы, однако женщины в особой степени испытывают на себе их последствия в силу своего положения в обществе и пола. Женщины подвергаются насилию во всех его формах, но особенно страдают в результате сексуального насилия и эксплуатации. Вооруженный конфликт придает ещё более выраженный характер неравенству между женщинами и мужчинами, а также дискриминации в отношении женщин и девочек. В ходе вооруженных конфликтов женщины и девочки подвергаются многочисленным угрозам своему здоровью в связи с особой половой и репродуктивной ролью женского организма.

Участники конфликта зачастую безнаказанно насилуют женщин, причем иногда систематические изнасилования используются в качестве тактики войны и терроризма. Последствия насилия и нарушения прав в подобных ситуациях испытывают на себе женщины всех возрастов, которые страдают в результате перемещения, утраты жилья и собственности, потери или недобровольного исчезновения близких родственников, нищеты, распада и дезинтеграции семей, становятся жертвами убийств, терроризма, пыток, похищений, сексуального рабства, изнасилования, принудительной беременности в период вооруженных конфликтов, особенно в результате проведения политики этнической чистки и других форм насилия. Это усугубляется последствиями вооруженных конфликтов и психическими травмами, которые дают о себе знать на протяжении всей жизни.

Женщины и дети составляют также большинство среди беженцев и внутренне перемещенных лиц во всех странах мира. Международное гуманитарное право, несомненно, предоставляет женщинам широкую защиту. Если женщины в реальной жизни не всегда защищены так, как следовало бы, это проистекает не от недостатка правовой основы. Несмотря на принятие Четвертой Женевской конвенции и двух Дополнительных протоколов, первыми жертвами нападений

неизбирательного характера против гражданского населения продолжают оставаться женщины как часть этого населения, так как мужчины обычно принимают участие в боевых действиях.

Но женщины являются в вооруженных конфликтах не только жертвами, но и активными действующими лицами. Они могут активно участвовать в конфликте или же оказывать помощь невоенного характера. Случаи, когда женщины становятся субъектами агрессии в ходе военных конфликтов, не являются исключением на сегодняшний день. Женский терроризм является одним из примеров проявления женской агрессии. Чаще всего к террористической деятельности женщин побуждает желание отомстить за погибших родных и близких. Однако участие женщин в террористических актах является скорее принудительным, чем добровольным. Женщины, потенциальные террористки, нередко подвергаются психологическому давлению, в результате которого соглашаются на подрывную деятельность.

В ходе военных действий женщины, как правило, работают на фронте медсестрами, связистками, поварами. Однако существует немало примеров, когда женщины, разделяющие идеалы и устремления своего народа, берут оружие в руки. Разведчицы, снайперы, пулеметчицы – нет ни одной военной специальности, которой не овладели бы женщины. Агрессия, побуждающая женщин идти воевать на фронт, имеет под собой ряд мотивов: желание бороться за независимость своего народа, месть за родных и близких, за униженное достоинство, стремление разделить с любимым мужчиной все тяготы войны или же, наоборот, уйти от проблем, материальных или духовных. Женская агрессия может быть также вызвана желанием женщины освободиться от навязанных гендерных стереотипов, от мужского доминирования в повседневной жизни.

Однако роль воина для женщины не является характерной. Женщина в культуре обладает такими свойствами (слабость, покорность, эмоциональность), которые несовместимы с военным делом. Кроме того, женственность ассоциируется с межличностным взаимодействием и общительностью, что определяет предрасположенность женщин к налаживанию взаимоотношений, контактов. И действительно, можно говорить о появлении в последние годы большого количества миротворческих организаций, в которых ключевые посты занимают женщины. На основе источников было выявлено, что деятельность подобных организаций довольно разнообразна. Среди основных направлений деятельности: социально-правовые консульта-

ции, целью которых является содействие гражданам в реализации их законных прав; осуществление программ психологической и социальной адаптации лиц со стрессовыми и постстрессовыми расстройствами, вызванными вооруженными конфликтами; организация семинаров и тренингов с целью обучения разрешению межнациональных конфликтов и пропаганды культуры мира. Повышение роли женщин в общественно-политической, экономической, социальной и культурной жизни также является одним из приоритетных направлений в работе женских неправительственных организаций.

Женщины играют активную роль в восстановлении социальных, культурных, экономических и политических связей обществ, в которых они живут. Однако даже там, где женщины непосредственно участвуют в неофициальных мирных процессах, нормой обычной практики стало их вытеснение на второй план, как только начинается сам официальный процесс мирных переговоров. То есть в соответствии с гендерными стереотипами женщинам по-прежнему недоступно участие в международной политике, той сфере деятельности, которая традиционно принадлежит мужчинам.

Таким образом, ролевые предписания, действующие для женщин в мирное время, остаются значимыми и в периоды этнических конфликтов. Традиционная роль матери, хозяйки, хранительницы домашнего очага в результате актуализируется через призму таких понятий, как жертвенность, терпеливость, созидание, миротворчество. Когда речь идет о подавлении доминирующей стороной конфликта национального самосознания народа (что является составляющей этнического конфликта), то жертвами насилия становятся женщины как хранительницы культурного наследия народа. Образ женщины, дающей и сохраняющей жизнь, соответствует устремлению женщин к деятельности по прекращению военных действий, сохранению мира и реабилитации жертв войны в реальности. Роль женщин в создании важных организаций с целью борьбы за мир очень велика, подобные организации часто основываются именно женщинами, и, соответственно, они занимают там ведущие посты.

Женщина, выступающая в качестве воина – ещё одна роль, которая характерна для некоторых женщин, оказавшихся вовлеченными в этнический конфликт. Несмотря на то, что такие качества, как агрессивность, сила, напористость, выносливость, считаются сугубо мужскими, женщины наравне с мужчинами имеют склонность к проявлению агрессии и способность воевать и проливать кровь. Женщи-

ны могут иметь высокую боеспособность и наносить существенный урон военным силам врага. Роли женщины в этническом конфликте достаточно разнообразны и значимы. Женщины в этническом конфликте могут оказаться и пострадавшей, и нападающей стороной, способны оказывать влияние как на развязывание конфликта, так и на его разрешение мирными путями.

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН

**ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ:
ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В результате реформ 1990-х гг. субъекты РФ, в том числе и Республика Алтай, обрели право на собственную конституцию, государственную символику и другие атрибуты государственности. В создании проектов гербов и флагов активное участие принимала алтайская символическая элита. Лидеры этнонационального движения Республики Алтай считали атрибуты государственности важным условием мобилизации этничности. В условиях развития самосознания тюркоязычного сообщества творческая и научная интеллигенция Саяно-Алтайского региона обратилась к историческим корням. В древней истории шел поиск образов решения современного флага и герба Республики Алтай.

Особое внимание в этой связи было уделено героическому прошлому алтайцев – традиции современной государственности удревнялись. История Алтая в своих истоках связывалась в местной прессе и публицистике с носителями пазырыкской археологической культуры.

Согласно постановлению Президиума Республиканского совета народных депутатов, была создана конкурсная комиссия по рассмотрению эскизов атрибутов государственности Республики Алтай. Граждане Алтая проявили высокую активность в ходе обсуждения новых символов. В конкурсную комиссию поступило более 40 писем с предложениями и рисунками, 45 эскизов. Наиболее часто встречались об-

разы горы Белухи – Уч Сумер, изображения марала, образы растительного мира Алтая (ветви кедра, золотой корень, кандык), образы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле (грифон, олень). Во многих проектах использованы идеи Н.К. Рериха и Г.И. Чорос-Гуркина. Авторы разработок государственной символики рассматривали Алтай как особое место, являющееся прародиной тюркоязычных народов. Из множества поступивших проектов комиссия выбрала к рассмотрению три варианта герба с изображением птицы грифона, держащего в клюве голову марала, грифона, летящего над горами, и голубого волка.

В результате конкурсного отбора в октябре 1993 г. Верховным советом Республики Алтай были приняты «Концепция герба Республики Алтай» и «Положение о государственном гербе Республики Алтай».

По мысли разработчиков герба, он должен был выражать «суверенитет республики, исторические традиции, особенности территории».

Герб Республики Алтай, согласно преамбуле документа, имел особое значение: население Алтая с древнейших времен входило в различные сообщества Центральной Азии, чьи государственные образования имели свои элементы государственной атрибутики; «за всю многовековую историю Горного Алтая его народ впервые стал субъектом обновленной Федерации, обретя государственность в составе России», что впервые давало право на собственные государственные символы.

В трактовке А. Адарова, Б. Бедюрова, И. Ортоулова, предлагаемый вариант герба олицетворяет собой «образ, характерный для наиболее совершенной по своим художественно-стилистическим формам культуры – общей для всех народов Евразии, как кочевого, так и земледельческого круга Древней Скифии».

Герб Республики Алтай представляет собой сине-голубой круг, окаймленный узкой полоской золотистого цвета. Это символ вечного синего неба Алтая. На сине-голубом фоне изображены: трехглавая вершина одной из высочайших гор Центральной Азии – Белухи – Уч Сумер, символизирующая красоту и мощь родной земли; белый грифон – Кан-Кереде с головой и золотистыми крыльями птицы и туловищем льва; две самые большие реки Алтая – Бия и Катунь с их притоками; треножник золотистого цвета – очаг – символ Родины, крепости и вечности родного дома; волнистые линии под треножником – очагом – символ Телецкого озера – Алтын-Келя.

Центральный образ герба – грифон. По мысли авторов концепции, изображение Кан-Кереде (грифона) отражает самобытную куль-

туру края, подчеркивает связь с носителями скифской культуры. В трудах Геродота грифон описан как птица, стерегущая Алтай и его богатства.

Согласно интерпретации создателей герба, грифон несет благородную миссию; он является ипостасью священной солнечной птицы – держательницы жизни, стерегущей спокойствие, мир и счастье народов родной земли, а также покровительствующей природе.

Образ грифона активно тиражируется творческими и научными кругами Республики Алтай. Орлиноголовый грифон, найденный С.И. Руденко во II Башадарском кургане (V в. до н. э.) и принадлежащий пазырыкской культуре, избран эмблемой Каракольского природного парка «Уч Энмек». Изделия, выполненные в скифском зверином стиле, также широко представлены на государственных праздниках Республики Алтай – Эл Ойын. Этот праздник приобрел официальный статус в начале 1990-х гг.

В городе мастеров при проведении праздника в 2004 г. участникам и гостям мероприятия предлагались акарины в виде орлиноголовых грифонов, грифоны-обереги. В лавке Кош-Агачского района Республики Алтай был выставлен войлочный ковер с изображением тамг и священных животных алтайских родов. Центральным образом этого произведения являлся все тот же грифон (Кан-Кереде). В символике родового движения грифон представлял собой знак ага-зайсана (верховного зайсана) Алтая.

Значение этого образа широко обсуждается в республике, включаясь в новые коннотационные схемы; одновременно оно соотносится с традиционными мифологическими схемами.

Символизация на основе мифологизации неизбежно сопровождается архаизацией и иррационализацией массового, в том числе и политического, сознания. Так, например, на уровне государственного собрания – Эл Курултая Республики Алтай обсуждалась «виновность» грифона, изображенного на гербе республики, в социальных и экономических проблемах. Грифон, по мнению некоторых депутатов собрания, является представителем потустороннего мира, поэтому он навлекает на Алтай беды и несчастья. Подобные примеры, демонстрируя отсутствие понимания различий между символом и реальностью, которую он обозначает, переводили политический дискурс в мифологическую плоскость.

Не менее остро на Алтае обсуждались проблемы флага республики. На конкурсе, проходившем в 1992–1993 гг., представили проек-

ты известные в республике общественные деятели В.К. Амургушев – председатель Верховного суда Республики Алтай, Н.А. Шодоев – публицист и историк, а также гражданин Республики Алтай М.Н. Текешев – житель с. Каракол, Онгудайского района Республики Алтай и др.

Основными символами, представленными разработчиками эскизов, являлись элементы природного ландшафта Республики Алтай – изображения рек, гор, Телецкого озера, призванные олицетворять красоту, первозданную чистоту этой земли. Рассматривались в роли государственных символов и элементы традиционной культуры алтайцев, образы, принадлежащие духовной культуре.

Тюркским фондом «Пазырык» из с. Улаган предлагалось использовать для флага образ солнца с лучами по числу тюркских народов мира. В этом символе видно стремление представить Республику Алтай частью тюркского мира, сформировать у населения широкую общетюркскую идентичность.

Председатель Верховного суда Республики Алтай В.К. Амургушев в своем проекте рассматривал в качестве основного символа флага круг, который в его концепции обозначал национальную праздничную шапку алтайцев, а также солнце – символ веры коренного населения Республики Алтай. Некоторые авторы предложили взять за основу государственного герба Республики Алтай флаг, предложенный известным художником Г.И. Чорос-Гуркиным для Алтайской Горной Думы в 1917 г., центральным образом которого был белый треугольник с восходящим солнцем.

В 1993 г. в качестве государственного флага Республики Алтай утвердили вариант, который представлял собой прямоугольное полотнище из четырех горизонтальных полос белого и голубого цветов. Два цвета флага республики, соответствующие цветам Государственного флага Российской Федерации, подчеркивают, что Алтай является субъектом Российской Федерации. Голубые полосы являются символом чистоты, неба, гор, рек и озер Алтая. Белые олицетворяют вечность, стремление к возрождению, любви и согласию народов Республики Алтай. Тема единства народов, дружбы в государственном флаге Республики Алтай является главной. Однако разработчики сформулировали в концепции и проблему возрождения традиционной культуры, обращения к древней истории края.

Анализ проектов государственных символов и официальной версии толкования образов показывает, что при помощи государст-

венной символики формируется символический текст современной политической мифологии.

Попытка оценить компетентность молодежи, выявить собственную трактовку государственных символов Республики Алтай определила содержание авторского опроса, проведенного в 2007 г. в столице республики. Опрос показал, что учащиеся Республиканской национальной гимназии им. В.К. Плакаса разбираются в символах, выбранных для государственного герба и государственного флага Республики Алтай, и высоко оценивают их значение – «герб Республики Алтай самый красивый и оригинальный».

При этом, изображая государственную символику, школьники имеют собственную трактовку основных образов. Герб и флаг Республики Алтай, по мысли учеников, олицетворяют свободу и независимость алтайского народа, его мощь, силу и величие; геральдические символы обозначают союз двух легендарных народов – алтайцев и русских. Центральный образ – грифон является, по версии учеников, оберегом Алтая: мифический зверь охраняет сакральный Алтай от бед и нападков врагов. Также грифон символизирует ум, смекалку и могущество народа. Согласно мнению опрошенных, в современных геральдических символах выражена идея процветания Алтая в будущем. Цветовое решение государственных символов, по оценке респондентов, выбрано не случайно. Цвета обозначают свободу, чистоту и спокойствие республики, напоминают о её уникальной природе и о необходимости её защиты.

Будучи новациями, символы Республики Алтай, например, грифон, органично вписываются творческими кругами в мифологические построения на тему древности происхождения аборигенных этносов Южной Сибири, а также в сюжеты по поводу особенного вклада их предков в общемировую культуру.

Образ героического прошлого, сакральность территории проживания, особая национальная культура, вера, общность происхождения и родство современных тюркских народов мира определяют парадигмы современного символического творчества в Республике Алтай, которое развивается в контексте создания национальной государственности. Геральдическое творчество переходит из плоскости символической в плоскость политическую; и символическая элита республик с успехом выполняет свою задачу по распространению и систематизации этнонациональных символов и мифов.

Д.С. Попытаев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В ПОЛИТИКАХ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК

После распада СССР одним из зримых проявлений постсоветской истории во всей Восточной Европе стал пересмотр прошлого. Смена политических ориентиров одними государствами либо обретение политического суверенитета другими жестко поставили задачу формирования в восточноевропейских государствах новых национальных идеологий. В связи с этим в их государственной политике важная роль стала отводиться политике памяти, которую в самом общем виде можно определить как конструирование коллективных представлений о прошлом. Наиболее зримым проявлением такой политики стало создание новых версий национальной истории в восточноевропейских государствах.

Сам феномен национальной истории в науке оценивается по-разному. С нашей точки зрения, рассматривая национальные истории, необходимо иметь ввиду то, что они, строго говоря, не являются научным знанием. В этой связи представляется продуктивным подход, при котором от истории как науки отличают историю как миф и историю как идеологию [1]. Прикладывая данный подход к рассмотрению национальных историй, можно увидеть, что подобные версии истории имеют ряд черт, сближающих их с мифом и идеологией.

Одной из отличительных черт национальных историй является несколько упрощенный, редуцированный взгляд на дошедшие до современных историков свидетельства о прошлом. Связанно это с той политизацией, которая характерна для данных версий истории. Желание политиков использовать такие версии истории в инструментальных целях требует однозначной трактовки событий прошлого. По мнению известного российского антрополога Виктора Шнирельмана, подобный взгляд на историю придает ей черты современного мифа [2]. Таким образом, национальную историю необходимо рассматривать как подверженную мифологизации версию прошлого.

Одним из самых ярких проявлений политик памяти в российских республиках 1990-х – 2000-х гг. является государственная сим-

волика этих республик. Разработка и принятие данной символики происходило в 1990-х гг. В создании этой символики непосредственное участие приняла национальная элита республик. Однако в процессе обсуждения вокруг проектов государственной символики республик развернулись нешуточные споры. В ходе этих споров решались вопросы, связанные с выбором концепции национальных историй республик. В итоге выяснилось, что образ прошлого, которым руководствовались представители национальных элит республик, заметно отличается от принятой на государственном уровне общероссийской концепции истории. Таким образом, государственная символика российских республик является важным источником для изучения национальных движений 1990-х гг. и современной этнополитики в регионах России.

-
1. *Рыжакова С.И.* Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого // Антропологический форум. – СПб., 2009. – № 11. – С. 217–218.
 2. *Шнирельман В.* Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках: сайт. – URL: http://scepsis.ru/library/id_162.html.

О.В. Баранова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКОГО РЕГИОНА

Омская область является полиэтническим регионом, в котором проживают представители более ста национальностей. Но лишь один народ имеет свой район, который называется «Азовский Немецкий национальный район». По российскому законодательству национальные районы являются обычными муниципальными образованиями и не имеют особого статуса. Тем не менее вся история Азовского района свидетельствует о том, что здесь созданы условия для сохранения немецкого этноса в России.

В создании Немецкого национального района в Омской области большую роль сыграла немецкая общественная организация «Wieder-

geburt» – «Возрождение», особенно на первом этапе. Активисты этого общества занимались не только культурно-просветительской работой, создавали различные кружки по изучению немецкого языка и творческие коллективы, но и обсуждали политические вопросы: о реабилитации советских немцев, о восстановлении Республики немцев Поволжья. В конце 1988 г. в обком партии и облисполком поступило письмо от руководства общественной организации «Возрождение», в котором высказывалась идея образования в местах компактного проживания российских немцев немецкого национального района и немецких сельских советов, создания печатного органа на немецком языке.

Во время подготовки первого Съезда советских немцев в общественном движении произошел раскол по принципиальному вопросу: большинство членов общества «Возрождение» выступали за восстановление Республики немцев в Поволжье. В случае отказа властей восстановить республику часть членов общества «Возрождение» выступало за массовую эмиграцию в Германию. Другая часть, во главе которой стоял Бруно Генрихович Рейтер, считала, что реабилитация немцев должна проводиться поэтапно. Поскольку восстановление республики – это длительный процесс, Б.Г. Рейтер считал, что на первом этапе практически немедленно должны быть созданы национальные районы в местах компактного проживания немцев в Сибири.

У Б.Г. Рейтера в Омской области было много единомышленников, поскольку здесь проживает много немцев, которые даже в случае восстановления республики в Поволжье не поехали бы туда. А национальный район позволил бы решать многие вопросы культурного возрождения, социального развития. Эту идею о создании национального района поддержали областные власти.

Процедура создания нового административно-территориально образования предусматривала проведение референдума на территории будущего района. Референдум по созданию района состоялся 13 октября 1991 г. В нём приняли участие 71 % жителей Сосновского сельского совета Омского района, Звонаревокутского и Азовского сельсоветов Таврического района, Березовского сельсовета Марьяновского района, Александровского сельсовета Шербакульского района, Цветнопольского и Пришибского сельсоветов Одесского района. 82,7 % проголосовавших высказывались за создание Немецкого национального района в пределах прежнего Азовского.

На основании решения референдума 18 декабря 1991 г. сессия Омского областного совета народных депутатов приняла решение об

образовании Немецкого национального района с центром в с. Азово. Документы были отправлены в Москву для их утверждения и придания решению о создания района законодательного характера. 17 февраля 1992 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета РФ «Об образовании Азовского Немецкого национального района № 2368-1: «...образовать в Омской области Азовский Немецкий национальный район с административным центром в с. Азово за счёт части территорий Марьяновского, Одесского, Омского, Таврического, Шербакульского районов...». Эта дата стала официальным днём рождения Азовского Немецкого национального района. Постановлением главы администрации Омской области Л.К. Полежаева на должность главы района был назначен Б.Г. Рейтер, который стоял во главе районного самоуправления до 2010 г. Он переизбирался на эту должность в 1996, 2000, 2005 гг. 14 марта 2010 г. на выборах на должность главы администрации Азовского Немецкого национального района одержал победу В.Г. Сабельфельд.

За годы существования Азовского Немецкого национального района было сделано очень многое. Хозяйство района на современном этапе представляет собой развитое сельскохозяйственное производство на основе зернового земледелия и мясомолочного животноводства. Становление Азовского Немецкого национального района проходило не в лучшее время. Экономика страны, её политическая система находились в глубоком кризисе. И все же преобразования, произошедшие в новом районе, видны каждому. Практически всю территорию района связывают сегодня дороги с твердым покрытием. Решены вопросы с энергоснабжением, телефонной связью. Обновлены водопроводные сети. Стабильно растёт эффективность сельскохозяйственного производства. За время существования района построены десятки тысяч квадратных метров жилья.

Успешно решаются социальные вопросы. Совершенствуется система образования, медицинское обслуживание населения. Артисты, спортсмены района занимают ведущие позиции в области. Годы становления стали хорошей школой хозяйствования и управления для развития образования, культуры, здравоохранения, спорта и других сфер общественной жизни.

Азовский район по праву стал в регионе центром сохранения немецкого языка, культуры, обычаев и традиций. При этом в районе бережно относятся к культуре всех людей, населяющих этот многонациональный район. И можно сказать, что успешно реализуется та

главная задача, для решения которой и создавался район, – создание условий для сохранения немецкого этноса, для тех, кто решил остаться в России. Район сложился как полноценный организм, самостоятельная административная единица. Об этом свидетельствуют его успехи практически во всех сферах – в сельском хозяйстве, образовании, культуре, спорте. Район по праву является одним из лучших районов в Омской области.

Район пользуется заслуженным авторитетом и имеет значительный вес в общественном движении российских немцев не только в Омской области, но и в рамках Российской Федерации.

Г.А. Тихонов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ИДЕИ НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

На данный момент в российском обществе мы наблюдаем широкое распространение идей новой религиозности. Новые религиозные движения (НРД) отражают основные стереотипы, мифы, образы, установки массового потребительского сознания. НРД – это лишь верхушка айсберга, проявление синкретичного религиозного сознания, которое свойственно абсолютному большинству граждан, у которых есть интерес и к идеям христианства, и к каким-либо идеям из восточных учений.

По результатам социологических исследований, у 90 % населения страны существуют особые представления в сознании для возникновения идеи новой религиозности. Эти 90 % населения верят в карму, отрицательную и положительную энергию, судьбу, магию, мистику, суеверия и т. д. [1, с. 329].

Дело в том, что идеи новой религиозности базируются на прочном фундаменте, который имеется в обществе. Появление НРД можно рассматривать как вызов времени, как появление тех процессов и явлений, которые нельзя описать и понять, опираясь на старые знания и методы. Встаёт вопрос о том, сможем ли мы ответить на этот вызов, правильно воспринять новые для нас процессы и явления, сможем ли мы обновить знания, отношения в обществе и пред-

ставления об изменившемся культурном фоне. Причина появления идей новой религиозности, если рассуждать более глобально, заключается в недостаточном удовлетворении религиозных запросов общества. Сейчас православие приобрело особое значение символа национальной идентичности.

В современной России сложились весьма благоприятные условия для распространения ксенофобии, причем многие причины религиозной нетерпимости сформировались предыдущей политикой и довольно давно. Религиозные фобии являются деформированно-радикальным проявлением чувства самозащиты, охранения своей национальной и культурной идентичности [2, с. 16].

К идеям новой религиозности необходимо относиться толерантно, религиозная ксенофобия не имеет под собой ни твердого идейного фундамента, ни правового обоснования.

-
1. *Лункин Р.* Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М.: РОССПЭН, 2009.
 2. *Малашенко А.* Ксенофобии в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1999.

С.К. Бекова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОПЫТКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Работа основана на вторичном анализе данных, собранных в результате проведения в 2010 г. опроса жителей Алтайского края*. Исследование включало респондентов в возрасте 16–70 лет. Целью исследования было изучение образа России, одним из элементов кото-

* Была использована районированная (стратифицированная) выборка в сочетании с серийным отбором (многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора), объем выборки – 944 человека. Ошибка выборки – не более 5 %. В качестве котируемых признаков использованы место жительства (города и сельские районы на территории Алтайского края), возраст, пол.

рого является самоидентификация его населения в этническом и национальном срезе. В данной работе анализу подвергнуты только те переменные, которые непосредственно касаются оценки респондентами себя как русских и россиян. В результате опроса были получены следующие результаты.

1. Количественная оценка доли населения, идентифицирующих себя как русских и россиян

В опросе использовалось несколько различных переменных, с помощью которых предполагалось количественно оценить доли тех, кто идентифицирует себя как русский человек и как россиянин (табл. 1).

Таблица 1

Доля респондентов, идентифицирующих себя как русский и россиянин, процент от ответивших

<i>Показатели самоидентификации</i>	<i>Процент</i>
Насколько вы ощущаете себя как россиянин (вариант – на 100 %)	74,7
Насколько вы ощущаете себя русским (вариант – на 100 %)	74,6
Ассоциируете ли вы себя с гражданином России, т. е. с россиянином (ответ – да)	94,4
Ассоциируете ли вы себя с русским человеком (ответ – да)	93,5
Ваша национальность (ответ – русский)	97,1

Таким образом, в сознании респондентов практически нет различий между этнической и национальной самоидентификацией. Анализ перекрестных таблиц показал, что между отнесением себя к русскому и россиянину существует сильная прямая связь. В свою очередь, стоит отметить, что, во-первых, подавляющее большинство опрошенных определили себя как русских при ответе на прямой вопрос о национальности, возможно, поэтому существенных различий между этнической и национальной самоидентификацией не было обнаружено. Во-вторых, субъективное ощущение себя как русского и россиянина вызвало одинаковое затруднение у существенной доли респондентов.

2. Критерии отнесения к русским

Кого, как считают жители исследованного региона, можно считать русским человеком? Частотное распределение представлено в табл. 2. Наименее популярными являются формальные критерии – происхождение, гражданство, религиозная принадлежность, что свидетельствует о значимой культурной составляющей понятия «русский человек».

Таблица 2

**Критерии отнесения к русским в оценках респондентов,
процент от ответивших**

<i>Кого можно считать русским?</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>
Воспитан в русской культуре и считает её своей	60,1	39,9
Кто любит Россию	45,3	54,7
Говорит и думает по-русски	32,8	67,2
Кто считает себя русским	25,5	74,5
Того, чьи родители русские	17,7	82,3
Кто имеет российское гражданство	13,2	86,8
Кто исповедует православную веру	9,1	90,9

Факторный анализ позволил выделить 4 группы критериев отнесения к русским (объясняют 64 % всей дисперсии):

– *патриотический* – русским считается тот, кто воспитан в этой культуре и любит Россию, при этом неважны (имеют отрицательные нагрузки) формальные критерии происхождения и гражданства;

– *комплексный (объективистский)*: в этой группе критериев отрицается возможность самоотнесения к русским, важными являются происхождение, вероисповедание (православие), т. е. русским нельзя стать, это комплексная характеристика, включающая в себя и религиозные, и культурные, и физические параметры;

– *носители языка (культуры)* – не обязательно иметь гражданство, но обязательно говорить и думать по-русски, по такому критерию русскими считаются, например, мигрировавшие из России зарубеж;

– *формальные* – строится по объективным характеристикам – происхождение (родители являются русскими) и наличие гражданства, т. е. русским считается являющийся гражданином России этнически русский.

3. Характеристика русского человека

Рейтинг черт русского человека в оценках респондентов представлен в табл. 3.

Кроме этих характеристик, респонденты выделяли также дружелюбие, приветливость и сострадание как наиболее выраженные у русского человека черты и качества. Стоит отметить, что оценки по выделенным характеристикам не зависят от пола, уровня образования и типа поселения, что может свидетельствовать о согласованности оценок и сформированности мнения о представленности выделенных черт и качеств у русского человека.

Таблица 3

**Наиболее и наименее характерные черты русского человека
в оценках респондентов, процент от ответивших***

<i>Черты русского человека</i>	<i>Процент</i>
Гостеприимство	51,9
Чувство юмора	38,3
Широта души	33,2
Мужество	32,4
Героизм	31,0
...	
Завистливость	4,9
Равнодушие	4,0
Целеустремленность	3,7
Человеколюбие	3,6
Агрессивность	3,0
Элегантность	0,4

С другой стороны, лидирующие качества являются общепринятыми и транслируемыми в культуре как в традиционном, так и в массовом её сегменте, и полученный список может выступать как показатель распространенности, популярности указанных характеристик.

В целом, можно сказать, что если на уровне простого самоотношения к группе русских у респондентов не возникает проблем, то с содержательной характеристикой этого понятия не все так легко. Отсутствует понимание разницы между этнической и национальной идентификацией. Критерии отнесения к группе русских разнородны и нередко противоречивы. Характерные черты русских респонденты выделяют из готового перечня. При возможности оценить балльно по списку характеристик преобладают средние, нейтральные оценки, что может свидетельствовать об отсутствии сформированного мнения о чертах русского человека, о затруднениях с их определением.

* Список характеристик сокращен.

М.А. Жигунова

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ*

В настоящее время признано, что именно этнокультурное разнообразие мира лежит в основе развития человечества. Этнокультурная идентичность находится под защитой международного права, и международное сообщество берет на себя обязательства по поддержанию этнокультурной специфики, особенно специфики меньшинства. Но сохранение этнокультурной специфики большинства, к которому относятся русские, является не менее актуальным. В советский период времени этнокультурные бытовые традиции русского населения Российской Федерации в итоге урбанизации, интернационализации, увеличения социальной мобильности были размыты в наибольшей степени [1, с. 126]. Проявление интереса русских к своей национальной истории, культуре, традициям часто воспринималось и воспринимается как проявление национализма.

Кроме недостаточной изученности, определенные трудности в изучении русских обусловлены их значительной численностью, неоднородностью социального, этнокультурного и конфессионального состава, большой территориальной разбросанностью. Характерной чертой для русских является значительный диапазон вариативности традиционно-бытовой культуры, обусловленный разнообразными историческими, политическими, социально-экономическими, природно-географическими и другими факторами. В связи с этим существует множество локальных региональных и специфических особенностей в культуре отдельных групп русских. Следующая проблема обусловлена тем, что многое в истории и культуре русских политизировано и мифологизировано. Причем мифы, родившиеся в стародавние времена, превращаются в устойчивые стереотипы.

* Работы по данной теме проводятся при поддержке РГНФ, грант № 11-01-00213а «Русские сибиряки: идентичность и традиционно-бытовая культура (середина XX – начало XXI вв.).»

Парадоксально, но в настоящее время не существует однозначного ответа на вопрос: «Кого считать русскими»? Среди основных критериев этнической идентичности респондентами чаще всего указываются национальная принадлежность родителей и родственников («этнические корни»), а также – язык и культура, территория проживания и личные ощущения («чувствую, что я русский по духу», «потому что душа у меня русская») [2, с. 286]. Зачастую под русскими понимаются все, кто живет в России, говорит на русском языке и является, по сути, носителем русской культуры. В настоящее время требуется огромное и всестороннее внимание к проблемам изучения и сохранения этнокультурной идентичности русских.

-
1. Арутюнян Ю.В., Дробижьева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. – М., 1987.
 2. Жигунова М.А. Проблемы сохранения этнокультурной идентичности народов Сибири // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». – Новосибирск, 2010. – С. 285–290.

Т.А. Шульгина

Белгородский государственный институт культуры и искусств

**ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА СТУДЕНТОВ ВУЗОВ
ГОРОДА БЕЛГОРОДА)**

Успешность развития нашего государства в значительной мере зависит от того, признают ли её собственные граждане – причисляют ли они себя к гражданам этой страны, ощущают ли свою связанность с ней, чувствуют ли ответственность за происходящее, гордятся ли её успехами и успехами страны, преемником которой она является.

Наше исследование основано на стандартизованном анкетном опросе студентов Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова и Белгородского государственного института культуры и искусств, проходило в декабре 2010 г. Опрошено по 50 человек в каждом вузе, т. е. выборка составила 100 человек. В ходе исследования опрошено 55 девушек и 45 юношей в возрасте от 17 до 22 лет.

В рамках опроса был задан вопрос: «Как вы понимаете слова “родина” и “патриотизм”?». Студенты БГТУ им. В.Г. Шухова и БГИКИ по-разному определяют эти понятия. Более подробный результат можно увидеть в следующих таблицах:

<i>Как Вы понимаете слово «родина»?</i>	<i>БГТУ им. В.Г. Шухова</i>	<i>БГИКИ</i>
Место, где родился и вырос человек	27 %	13 %
Страна, в которой чувствуешь себя полноправным гражданином	47 %	7 %
То, чем человек дорожит и за что борется	20 %	33 %
Родная душе земля	7 %	47 %

<i>Как Вы понимаете слово «патриотизм»?</i>	<i>БГТУ им. В.Г. Шухова</i>	<i>БГИКИ</i>
Любовь и уважение к родине	13 %	49 %
Чувство гордости к своей стране	27 %	27 %
Высшее чувство человека	53 %	9 %
Готовность отдать всё за своё Отечество	7 %	16 %

Студенты технологического и гуманитарного вузов также имеют разное мнение в отношении учебы, работы и постоянного места жительства в другой стране. На основе анализа ответов, были составлены диаграммы со следующими статистическими сведениями (рис. 1, 2).

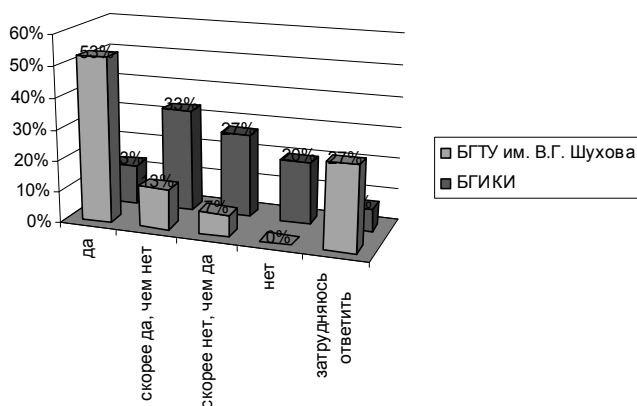

Рис. 1. Результаты ответа на вопрос «Хотели бы Вы учиться и работать в другой стране?»

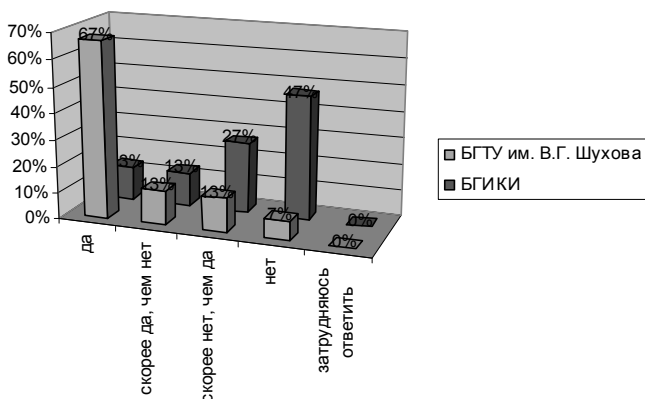

Рис. 2. Результаты ответа на вопрос «Хотели бы Вы жить в другой стране?»

Здесь видны существенные различия – большинство студентов БГТУ им. В.Г. Шухова без раздумья не только уедут учиться в другую страну, но и смогут остаться там навсегда. Студенты же БГИКИ, в большинстве своем, не хотят переезжать в другие государства, но не исключают возможности уехать работать или учиться за границу.

Большая часть респондентов считает себя патриотами своей страны – 74 % (БГИКИ) и 73 % (БГТУ им. В.Г. Шухова), не считают себя патриотами 20 % (БГИКИ) и 21 % (БГТУ им. В.Г. Шухова) респондентов, по 7 % студентов из обоих вузов воздержались от ответа. Следовательно, некоторые молодые люди не видят себя потомками великого народа, не ощущают себя гражданами великого государства.

Из вышесказанного следует, что молодежь ещё недостаточно осознает своё непосредственное участие в общественной жизни. Свой патриотический долг многие респонденты не связывают с воинской службой и высказываются против неё либо воздерживаются от ответа. Из общего числа опрошиваемых лишь 13 % студентов технического вуза и 37 % респондентов из гуманитарного института за службу в армии, 47 % и 17 % – против, 40 % и 47 % соответственно воздерживаются от ответа.

В полученных ответах наблюдается противоречие между желанием быть патриотом своей родины и недостаточной готовностью её защищать.

По результатам ответов на вопрос «Гордитесь ли Вы своей страной?», большинство (67 % – БГТУ им. В.Г. Шухова и 87 % – БГИКИ) испытывают чувство уважения, признательности и любви к своей стране.

Почти все студенты говорят о том, что помочь возрождению русского национального духа может помочь мощное русское государство, поэтому был задан вопрос: «Какие качества приписываются массовым сознанием российской власти?». Студенты говорят лишь о негативных характеристиках, идентифицируя власть как криминальную, коррумпированную, далекую от народа, чужую, бюрократическую и непоследовательную. Дело не просто в разочаровании в тех или иных лидерах или конкретных политиках. Отрицательными баллами наделяются все институты власти – от президента и правительства до местных властей и правоохранительных органов.

Респонденты из обоих вузов сходятся во мнении по вопросу «Что связывается в первую очередь у Вас с мыслью о Вашем народе?». Студенты в основном говорят о нашем прошлом, истории, военной мощи, вере, религии, праздниках, обычаях и обрядах.

Все опрошенные согласны также в том, что они готовы участвовать в акциях Молодежного патриотического движения. Студенты заявили о том, что они уже участвовали в подготовке и проведении акций патриотической направленности. Общая картина представлена на рис. 3, 4.

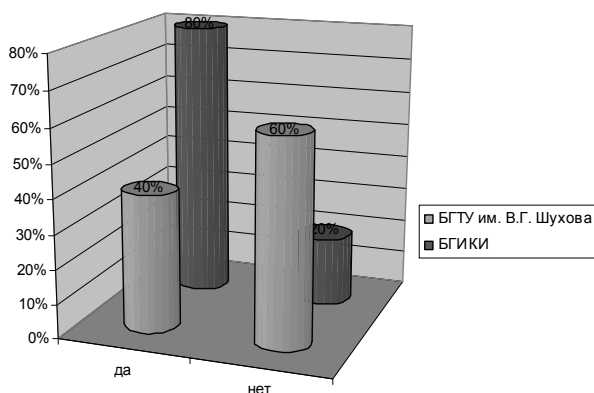

Рис. 3. Результаты ответа на вопрос «Принимали ли Вы участие в подготовке и проведении мероприятий патриотической направленности?»

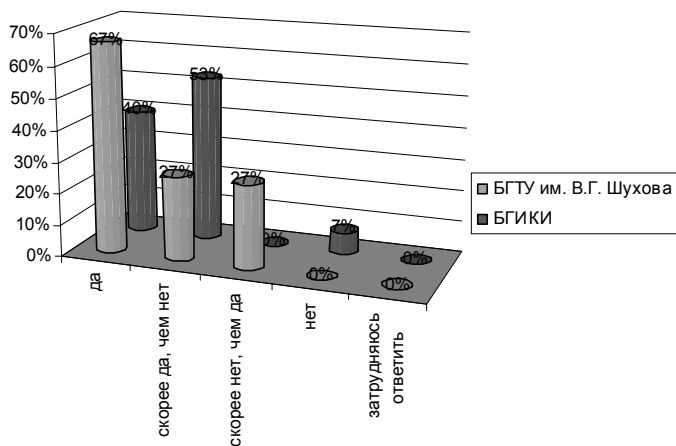

Рис. 4. Результаты ответа на вопрос «Согласны ли Вы участвовать в акциях Молодежного патриотического движения?»

Молодежь испытывает потребность в деятельности такого рода. Поэтому, оценивая уровень патриотического воспитания на Белгородчине по 10-балльной шкале, большинство студентов БГИКИ считает его средним (5–7 баллов), а студенты БГТУ им. В.Г. Шухова вообще оценили данную сферу ниже 2 баллов.

Патриотизм у современных белгородцев выражается в намерении действовать (или не действовать) тем или иным образом, намерении руководствоваться патриотическим чувством в своих сугубо индивидуальных решениях и поступках. Здесь имеет значение то, как человек рассматривает и оценивает свой опыт жизни в стране и опыт своих предков, как он переживает настоящее и какие планы он строит относительно своего будущего.

Выявленные в ходе исследования противоречия и проблемы обосновывают необходимость поиска путей совершенствования деятельности системы, опираясь на национальную идентичность молодежи.

Р.И. Русу

Академия публичного управления при Президенте Республики Молдова

**ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)**

Одной из ключевых проблем для Республики Молдова является проблема идентичности. Страна, лежащая в зоне перекрёстного влияния Евросоюза, Румынии и России и исторически находившаяся в зависимости от многих своих более сильных и богатых соседей, не может избежать тесной привязки своих интересов к «играм идентичности». Непонимание Кремлём того, почему СНГ не выполняет роли магнита для Молдовы, несмотря на общее прошлое двух стран в составе СССР, объясняется недоучётом именно того, что Содружество не предлагает понятной и привлекательной цивилизационной модели и соответствующей стратегии её достижения, на которую можно было бы ориентироваться. Теория «зависимости от предыдущего пути» (path dependency), т. е. инерции прошлого, явно уступает в эпистемологическом плане конструктивистскому взгляду на мир как на поле борьбы идентичностей [1].

Проблема идентичности в Республике Молдова связана в основном с цивилизационным выбором. Подтверждение выбора европейского вектора является официальной политикой государства; курс европейской интеграции рассматривается большинством национальных политических сил, а также поддерживается молодежью. В рамках проведения социологического опроса среди молодежи в Молдове были изучены аспекты цивилизационного выбора, в том числе была затронута и проблема идентичности. Социологический опрос был проведен в рамках совместного двустороннего проекта «Молодежь перед цивилизационным выбором: на основе материалов из Республики Молдова и Юга России» в апреле–мае 2010 г.

Согласно этим данным, мы отметили, что молодые люди считают, что Молдова является европейской страной, частью западной цивилизации (25 и 24 %). Отметим, что европейские ценности, нормы и идеалы все больше принимаются среди молодежи в Молдове. Это может быть объяснено прозападной позицией с 1990 г., вспышкой модернизационных и демократизационных процессов, принятием ру-

ководством страны европейского вектора, увеличением миграции в европейские страны и т. д.

Кроме того, 22,9 % опрошенных заявили, что Молдова имеет свой собственный путь развития. 19,4 % респондентов считают Молдову мостом между Востоком и Западом, возможно, принимая во внимание геополитические аргументы и то, что мы находимся на пересечении влияния этих двух цивилизаций: восточной и западной, заимствуя культурные элементы.

В целом лишь 5,1 % респондентов считают, что Молдова является частью восточной цивилизации (в основном этнические русские и украинские респонденты). Относительно небольшой процент (3,6 %) респондентов затруднились в оценке нашей страны с точки зрения цивилизационной принадлежности.

С целью определения роли цивилизации в процессе глобализации мы попытались выяснить отношение молодежи к происходящим глобальным процессам. Анализируя полученные данные, можно заключить, что молодые люди рассматривают глобализацию в первую очередь как возможность свободно общаться с представителями различных культур. Так, 50 % респондентов подчеркнули, что глобализация дает возможности и преимущества для облегчения общения между людьми из разных стран мира за счет интенсивного развития информационных технологий, сайтов социальных сетей и распространения знания языка (особенно английского). 45,7% респондентов считают, что глобализацией является именно то, что они воспринимают себя как часть человечества. Этот философский подход к глобализации можно объяснить растущей взаимозависимостью государств, сообществ, социальных, этнических, экологических и других групп, появлением интересов за пределами национальных государств, затрагиванием общих социальных мировых вопросов. Возможность путешествовать по всему миру для 44,4 % молодежи сегодня воспринимается как форма глобализации, особенно с развитием и диверсификацией сетей и транспортных средств.

33,9 % считают глобализацией возможность найти работу в другой стране, что объясняется интенсификацией отношений между государствами на квалифицированном рынке труда, в частности признанием дипломов и квалификации мигрантов, демографической политикой соответствующих государств. Это важно, если учесть, что каждый третий гражданин работает за границей.

Тем не менее негативный аспект глобализации – возможность потерять свою специфику в других культурах – упоминается 21 %

респондентов. В этом контексте 8,1 % респондентов считают, что глобализация несет в себе возможность потери восприятия собственного я. Эти моменты определяют отрицательное отношение, выделяя риски глобализации, в целом молодые люди ценят процессы, связанных с глобализацией.

Молодежь активно участвует в процессах глобализации. Глобализация мировой экономики влияет на региональные различия миграционного поведения выпускников высших учебных заведений. В условиях глобализации рынка труда молодежь ориентирована на миграцию после окончания учебы. Глобализация и либерализация отношений, прозрачность границ способствуют мобильности квалифицированных специалистов. В отличие от трудовой миграции, молодежная миграция в дополнение к материальным интересам дает возможность изучения языка, знакомства с традициями и культурой других народов.

Молдова подписала двусторонние договоры о сотрудничестве, обмене студентами со многими странами. Принимая во внимание цивилизационные тенденции, выбор, где продолжить своё образование, делится между цивилизациями как «Запад» и «Восток». Цивилизация «Восток» в целом подразумевает Россию, которая является привлекательной для русскоязычной молодежи. Например, в 2011–2012 уч. г. Россия предоставила 104 стипендии, Украина – 105 мест в высших учебных заведениях, в том числе 94 для молдавских граждан украинского происхождения, 11 мест для других этнических групп и 3 докторских стипендии. Болгария выделила 130 мест для этнических болгарских граждан Молдовы. Румыния предоставила в общей сложности 2 150 стипендий для молдавских граждан [2].

Роль образования как фактор дилеммы между цивилизациями предполагает не только возможности, предоставленные другими странами, а также внутренний тип системы образования. В этом контексте Молдова подтвердила цивилизационный выбор, присоединяясь к Болонскому процессу в 2005 г. Мы считаем, что недостатком этого процесса является способствование «утечке мозгов».

Академическая мобильность не только открывает новые возможности для обучения в образовательных учреждениях и создает реальные предпосылки для укрепления общих человеческих ценностей. Болонский процесс представляет собой основу для гармонизации образования и активного участия молодых людей в европеизации общего европейского пространства. Эта программа предоставляет возможности

для усвоения и распространения европейских ценностей среди молодежи. Реформа будет способствовать развитию поколения квалифицированных специалистов на европейском рынке труда, увеличению количества научных исследований, обмену знаниями и опытом студентов. В этом контексте реформа в сфере образования может внести свой вклад в устойчивое развитие социальной, экономической, культурной ситуации в нашем государстве. Процесс реализации реформ в сфере высшего образования может быть индикатором для других областей. Здесь, несомненно, участие молодежи в усвоении информации и распространении европейских ценностей и человеческих ценностей в целом, в духе демократии, будет играть определенную роль в процессе демократизации и модернизации Республики Молдова.

С другой стороны, Молдова будет всегда оставаться мостом между Востоком и Западом. В этом контексте, даже если цивилизация выбирает европейскую интеграцию, не надо прерывать отношения с Россией. Во-первых, это связано с экономическими интересами (русский рынок сбыта сельскохозяйственной продукции), что требует сохранения и развития традиционных отношений с Россией и другими странами СНГ. Во-вторых, без участия России невозможно урегулирование приднестровского конфликта. В-третьих, поддержание культурных связей с Россией является жизненно важным для русскоязычного населения Молдовы. Если Советский Союз был сверхдержавой с глобальными интересами, то Россия является крупной державой с региональными интересами.

События, имевшие место в апреле 2009 г. в Кишиневе, современная политика Грузии и внутренний кризис в Украине показывают поиски новых идентичностей, процессы, которые происходят одновременно с модернизацией соответствующих государств. Очень важно, чтобы процесс формирования новых идентичностей сегодня был сопровождается поиском адекватных путей модернизации [3, с. 514].

В заключение, отметим, что отсутствие внутренних механизмов самоидентификации воспрепятствует цивилизационному выбору молдавского общества. Значительную роль в этих сложных процессах самоидентификации и выбора цивилизации играет молодежь в качестве важнейшего элемента этих изменений и моделей будущего.

-
1. *Макарычев А.* Интересы и «мягкая сила»: Россия и Молдова в поиске общего языка // Молдавские ведомости: сайт. – URL: <http://vedomosti.md> (дата обращения: 03.11.09).

2. Министерство просвещения Республики Молдова: сайт. – URL: www.edu.md (дата обращения: 27.07.2011).
3. Русу Р. Политическая модернизация // Политология: учебник. – Кишинев, 2008. – С. 502–515.

Д.А. Коновалов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОБЩНОСТЬ «РОССИЯНЕ» В КАЧЕСТВЕ БАРЬЕРА ВХОЖДЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА В ЭТНИЧЕСКУЮ ФАЗУ ИНЕРЦИИ

Согласно пассионарной теории этногенеза, разработанной Л.Н. Гумилёвым, в начале XXI в. русский народ должен вступить в фазу инерции – самую благоприятную фазу жизни этноса, в которой достигается высочайший уровень культуры, внутриэтническая солидарность и закладывается прочная основа государственности.

В настоящее время русский народ по-прежнему не может выйти из затянувшейся этнической фазы надлома. Это осложняется ещё и тем, что межфазовый переход ознаменован продолжающейся химеризацией – попыткой конструирования ложноэтнической общности, начиная с вымышленного понятия «советский народ» и заканчивая заменённой в современной России общностью «россияне», что свидетельствует о сложившемся противоречии в русской этнической истории. Не устранив его, мы можем получить прекращение этногенеза русского народа из-за невозможности преодолеть фазу надлома.

Пропаганда органами государственной власти и СМИ вымышленной этнической общности «россияне», сопряжённой с попытками создания единой российской нации, приводит к тому, что русский народ лишают историко-культурной идентичности, начиная с отождествления русских националистов с фашистами и вплоть до морального, интеллектуального, политического и физического игнорирования проблем, связанных с его существованием, не осознавая того, что русских в России большинство, а вместе с людьми русской культуры и того больше. Химера «россияне» является не чем иным, как одним из вариантов политкорректности, смысл которой в том, что все идеи, мнения, мировоззрения и культуры равноценны. Соответствен-

но, употребление термина «россияне» выгодно российской политической элите, так как различные этносы становятся равнозначными, что соответствует духу политкорректности, но чем наносится ущерб русскому народу.

Если русский суперэтнос хочет преодолеть фазу надлома, то необходимо вернуться к имперскому типу государства, успешно реализованному в дореволюционной России. Империя всегда полиэтнична и по времени существования значительно старше национальных государств, так как здесь соблюдается принцип «цветущей сложности», сформулированный К.Н. Леонтьевым, что благотворно влияет на развитие культуры на основе этнической дифференциации, хотя система взаимоотношений между входящими в империю народами формируется около имперского этноса. Поэтому для преодоления фазы надлома русским нужно приложить огромное усилие для сохранения баланса и жизни этноса. В связи с этим необходимо помнить, что империя – это фундаментальная государственная работа, созидание, которое так необходимо современной России.

М.В. Ионова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОВОЛЖЬЕ С 90-Х ГГ. XX ВЕКА

Проблема межэтнического взаимодействия в полиэтничном регионе – одно из традиционных исследовательских направлений в отечественной этнологии. Значимую роль в разработке теоретических вопросов сыграли труды В.С. Агеева («Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы», 1990), С.А. Арутюнова («Народы и культуры. Развитие и взаимодействие», 1989), Ю.В. Бромлея («Этносоциальные проблемы: теория, история, современность», 1987; «Проблемы типологизации в этнографии. К типологизации этнических процессов», 1979). Изучение конкретных проявлений межкультурного взаимодействия в Поволжье отражено в работах К.И. Козловой («Проблемы изучения этнокультурных контактных зон Среднего Поволжья», 1976), В.В. Пименова («Проблемы типологии в

этнографии. Урало-Поволжская историко-этнографическая область», 1979), Т.С. Гузенковой («Межэтнические контакты и этнокультурные процессы (по материалам о народах Урало-Поволжья)», 1983) и т. д.

Важный вклад в изучение факторов развития межэтнических контактов на территории Поволжья внесли А.Д. Коростелев и Р.Г. Кузеев. А.Д. Коростелев выявил зависимость процессов этнокультурного взаимодействия народов и этнических групп и результатов этих процессов от самых различных факторов, которые могут быть связаны как с объективными различиями между контактирующими группами в языковом, конфессиональном, социальном отношениях, так и с субъективными представлениями людей о значимости этих различий, с историей взаимодействия контактирующих групп. Важную роль в процессе этнокультурного взаимодействия играют такие факторы, как особенности формирования контактирующих групп до их взаимодействия, соотношение численности, специфика контактирования, географические и природные условия и др. [1, с. 54].

Р.Г. Кузеев распределил факторы развития контактов по четырем группам: исторические, политические, социально-культурные и культурные. Автором были выделены социально-культурные факторы как наиболее существенные. К таковым он отнес взаимосвязь социальной и этнической стратификации, влияние социально-структурных изменений и этнический фактор в социальной мобильности [2, с. 177].

В последнее десятилетие вырос интерес российских и региональных этнологов к проблеме межэтнического взаимодействия в Поволжье. Так, в ходе реализации проектов по изучению этнически смешанных селений с высокой степенью дисперсности расселения народов в Урало-Поволжском регионе (проекты «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование», грант РГНФ 06-01-00204а и «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: опыт взаимной социально-культурной адаптации», программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям») исследователи рассматривали факторы, тенденции и результаты межэтнического взаимодействия, изучали вопросы развития языковых, религиозных и социокультурных процессов, а также предлагали различные способы типологизации взаимодействия культур и народов.

Отдельно стоит выделить работу по исследованию вопросов межэтнического взаимодействия в крупных научных центрах нацио-

нальных республик Поволжья, среди которых можно выделить Центр этносоциальных исследований, созданный в 2006 г. на базе отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, одним из центральных направлений исследований которого является изучение вопросов этнической и религиозной идентификации, межэтнической толерантности на территории республики.

-
1. *Коростелев А.Д.* Локальные особенности этнокультурных взаимодействий в Урало-Поволжском регионе // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. – М., 2005. – С. 54–61.
 2. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992.

С.В. Кутовая

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВАХ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В современном мире практически не существует этнически гомогенных обществ и государств. Люди разных национальностей сосуществуют на одной территории, и жизнь их складывается не всегда мирно.

Несмотря на то, что Еврейская автономная область – относительно спокойный регион в плане межнациональных разногласий, 55 % известны случаи межэтнических конфликтов на Дальнем Востоке. Также полученные ответы респондентов свидетельствуют о том, что 60 % молодых людей, так или иначе, задумываются о своей этнической принадлежности, а 68 % молодежи разговаривают о своей этнической принадлежности в кругу друзей, знакомых и других людей. Чувство гордости за свою национальную принадлежность испытывают 74 % опрошенных. Подавляющее большинство (87 % респондентов) уважительно относятся к обычаям и традициям других народов.

Опрос также показал, что молодые люди достаточно спокойно относятся к тому, чтобы жить в многонациональном окружении, об-

щаться с представителями разных национальностей и даже заключать межнациональные браки. На вопрос: «Испытываете ли Вы неприязнь к человеку по признаку национальной принадлежности?» 22 % опрошенных ответили «да», 55 % – «нет, никогда», 23 % – «редко». Среди опрошенных молодых людей относятся к межнациональным бракам как к обычному явлению 82 % респондентов, считают это нежелательным только 5 %, затруднились высказать своё отношение к этому 13 %.

Ответы респондентов позволили сделать следующие выводы:

– молодые люди настроены достаточно позитивно в отношении межнационального общения и положительно относятся к тому, чтобы жить в многонациональном окружении и общаться с представителями разных национальностей;

– изучение этнических аспектов должно не только иметь социально-политическую значимость для предотвращения социальных и этнических конфликтов, но и содействовать обеспечению равенства прав и возможностей людей разных национальностей в стремлении сохранить ценности своего народа, его язык, культуру, обычаи.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

И.В. Чернова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ВСТРЕЧА ТРЕХ КУЛЬТУР: РУССКИЕ, БЕЛОРУСЫ И ПОЛЯКИ ЗНАМЕНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В Омской области есть много уголков, которые условно можно назвать «перекрестками культур». Одним из них является Знаменский район, на территории которого расположен один из старейших населенных пунктов Омской области – с. Слобода, ранее называющееся слободой Аёвской.

Первоначально преобладающим населением здесь были старообрядцы, потомки которых до сих пор хранят старопечатные книги, семейные фотографии, иконы и кресты. Но со временем под воздействием многих факторов состав населения стал меняться, менялся и бытовой уклад. Сначала старообрядцев заставили вступить в колхоз. Их дома, большинство из которых были двухэтажными, приспособили под общественные помещения, а хозяев переселили в «пятистенки» и избушки. Но большинство установлений соблюдалось ими вплоть до 1970-х гг.: если в гости, то со своей кружкой, которую надо было мыть отдельно, детей старались не крестить, а обращаться к знающим «бабушкам», проводившим обряд погружения, читали старопечатные книги.

В 1950-е гг. в Слободу стали съезжаться жители близлежащих деревень, ставших «неперспективными» – д. Уваровка и д. Поляки. Из Уваровки приехали чувашки, из Поляков – белорусы и поляки. Семейный состав пополнился такими фамилиями, как Бажук, Козьма, Пригодские. Среди белорусов было много мастеров по обработке дерева (плотники, столяры и т. п.). Свои работы они или обменивали, или продавали. Поляцкие отличались и ещё рядом черт: родителей они, например, обязательно называли на «Вы», на улицах никогда не

дрались, покойников хоронили или на хуторе Виноградовка, или в Никольском. Но все эти группы объединяет основательность в ведении хозяйства, большое количество берестяной и деревянной утвари и клановость в погребальном обряде.

Е.А. Коптяева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

БЫТОВАНИЕ НАРОДНЫХ ЗНАНИЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Характерные особенности того или иного этноса легче и лучше всего прослеживаются в сфере культуры. Культура это чрезвычайно динамичное явление, которое меняется «вместе с изменением объективных условий общественной деятельности людей, так и их субъективных мотивов, стимулов, целей деятельности, от отношения к ней человека» [1].

Материальная культура является наиболее оптимальной для анализа, но духовную культуру тоже не стоит недооценивать. Порой в вопросах духовной сферы человек проявляет себя более консервативным, чем там, где дело касается материальной культуры.

На примере такой отрасли духовной культуры, как народные знания в целом и традиционная медицина в частности, можно проследить преемственность культурных традиций и условия их бытования.

С одной стороны, тот факт, что в сознании человека прочно закрепились вера в чудодейственную силу тех или иных слов, предметов быта и прочее, свидетельствует о том, что мы наследуем некоторые традиции и убеждения наших предков, сами того не осознавая.

Но если сравнить представления людей, разница между которыми составляет хотя бы один век, то можно увидеть, что многое перенимается в отличном от предшествующего варианта виде. Эти изменения могут быть результатом межэтнических взаимодействий, например, русские в своё время перенимали от коренных народов Сибири знания о лекарственных травах, технике их сбора и применения. Также различие может быть объяснено увеличением массива научных знаний, ведь нельзя отрицать факт взаимодействия науки и народных знаний. Каждая из этих сфер дополняет и обогащает другую.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в нашем обществе сохраняется преемственность культурных традиций. Но при этом все культурное наследие адаптируется к современной обстановке.

-
1. Культурная деятельность: опыт социологического исследования. – М., 1981.

Т.В. Чернецова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ
И СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В научном мире идет большая дискуссия о понятии «диаспора»: насколько этот термин применим в настоящее время? Само слово диаспора возникло по отношению к феномену еврейской диаспоры. В настоящее время, когда выделяют некоторые черты, характерные не только для еврейской диаспоры, этот термин трактуется очень широко.

Армянская диаспора является классической – это обозначает старое происхождение диаспоры, возможность жить среди других народов, сохраняя свою идентичность, причем на протяжении многих поколений. Особенность армянской диаспоры в России – это соединение различных культурных пластов. Получается, что армянская диаспора – это и человек, у которого пять поколений предков жили в России, который не знает армянского языка и в Армении никогда не бывал, является носителем русской культуры, и человек, который приехал на заработки месяц назад. Таким образом, мы имеем дело с огромным количеством страт, и мы также можем называть их одним общим словом – диаспора.

На территории Омской области можно говорить скорее о национальных культурных обществах (НКО) или национально-культурных центрах (НКЦ), т. е. о людях, которые добровольно объединились по принципу своей национальности. Армянские НКО объединили в себе многие функции: устраивают праздники, занимаются вопро-

сами культуры, издают газеты на армянском языке, организуют свои школы, помогают вновь прибывшим иммигрантам, нуждающимся в защите, посредничестве, консультации и т. д. В настоящее время на территории Омской области проживает около пятидесяти тысяч людей армянской национальности. Первые переселенцы появились здесь в 1936–1937 гг. Это были вынужденные переселенцы. Следующим этапом крупного переселения на территорию Омской области стали конец 1980-х – начало 1990-х гг., причиной были экономические трудности и землетрясение в Армении.

Вся работа армянских культурных центров направлена на сохранение и продолжение традиций армянского народа, его языка и культуры. Армянские культурные центры на территории Омской области проводят огромную работу по национальному воспитанию и привитию любви к национальным традициям и культуре, проводится работа по поддержке талантливых людей (выставки и презентации, фестивали), ежегодно проводятся дни памяти погибших при землетрясении, произошедшем на территории Армении. Министерство культуры Омской области, государственные учреждения культуры Омской области, национально-культурные автономии и объединения Омской области ежегодно проводят Дни культуры народов Кавказа, Дальнего и Ближнего Востока. Мероприятия этого цикла объединяют несколько народов, проживающих на территории Омской области. В целом, можно сказать, что характерной чертой деятельности армянских культурных центров на территории Омской области является глубокий и живой интерес к своим культурно-историческим традициям, стремление сохранить преемственность поколений.

Т.В. Кошман

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ УДМУРТОВ КАЗАХСТАНА

Общая численность населения Республики Казахстан по переписи 2009 г. составила 16 009 597 человек. Численность удмуртов в Казахстане составила 5 824 человека. Это на 9 696 человек меньше

(62,5 %), чем по результатам переписи 1989 г. Зачастую родной язык является одним из признаков идентификации.

В материалах Национальной переписи отражены данные о владении языком своей национальности. Так, в Северо-Казахстанской области из 583 удмуртов указали как родной язык язык своей национальности 120 человек (21 %), в Акмолинской области из 1 162 – 223 человека (19 %), в Западно-Казахстанской области из 249 – 75 человек (30 %), в Кустанайской области из 1 559 – 181 человек (12 %) [1, с. 177].

В четырех указанных областях из всей численности удмуртов 17 % указали родным язык своей национальности, т. е. удмуртский. Из приведенных данных видно, что в тех областях, где численность удмуртов выше, процент тех, кто указал удмуртский язык как родной язык, наоборот ниже. Это касается Акмолинской и Костанайской областей, где достаточно высок процент русскоязычного населения. В Западно-Казахстанской области этот показатель составляет 30 %. Возможно, что, находясь в изолированном от основного этноса окружении, удмурты данной области продолжают сохранять связь с родной посредством языка.

Интересным является показатель того, что в Западно-Казахстанской области по указанной категории процент мужчин, указавших удмуртский язык в качестве родного, выше (38 %), чем женщин (25 %). В трех других областях процентный показатель выше у женщин, чем у мужчин: в Акмолинской – 20 % среди женщин и 18 % среди мужчин, в Костанайской – 14 % среди женщин и 9 % среди мужчин, в Северо-Казахстанской – 23 % среди женщин и 16 % среди мужчин. Мы также можем видеть, что количество удмуртов данных областей, проживающих в сельской местности, гораздо выше, более 75 %. В то же время среди городских жителей, как мы видим, сохраняется удмуртский язык, и даже в процентном отношении на том же уровне, что и в сельской местности.

Полевые исследования среди удмуртов Казахстана показали, что владение удмуртским языком распространено среди людей старшего поколения и практически им не владеет среднее и младшее поколение, но в то же время они отмечают его как свой родной, возможно, как дань исторической памяти.

1. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. – Астана, 2010.

Б.А. Тынысов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Шежире ты мое, шежире.
Мои предки далекие. Кто вы?
Может черная кость, а быть может торе.
А может быть воин суровый.

Проблема историко-культурной идентичности в полиэтничном регионе является важной составляющей частью в изучении этнической истории и этнических процессов казахов Омского Прииртышья.

Подходя к рассмотрению данной проблемы, первым делом необходимо уделить внимание традиции «шежире», или родословной, как одной из основных культурно-исторических традиций казахского народа. Данная проблема, довольно редко освещаемая исследователями, в реальности имеет достаточно важное теоретическое значение в изучении традиционных институтов казахского общества. Обыденное понимание феномена шежире ограничивается характеристикой этого явления рамками генеалогии семьи, рода, племени. Одни шежире действительно являются только родословными, другие включают сведения, приближающие их к генеалогическим летописям. Тем не менее даже в этом случае проглядывается важное социальное и идеологическое значение данного понятия, поскольку нередко система родства играет немаловажную роль в социально-политической жизни общества.

Традиция родословия сидит глубоко в подсознании, уходит далеко корнями в прошлое казахского народа и становится одним из основных условий определения этнической идентичности. Родоплеменная система являлась одним из основных факторов, влияющих на расселение казахов на территории Омского Прииртышья. Родовая принадлежность, или родовой состав, является важнейшим инструментом историко-культурной идентичности казахов Омского Прииртышья.

Д.А. Кучукова

Горно-Алтайский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЛИЩА СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В этнографической литературе вопросам жилища северных алтайцев уделялось внимание в работах В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, Л.П. Потапова, Ф.Н. Сатлаева и др. В данном докладе представлена попытка рассмотреть изменение жилища северных алтайцев от традиционного к современному.

С древнейших времен традиции отбора и заготовки материала, особенности его обработки и приемы изготовления жилища были главными составляющими строительного дела всех племен и народностей [2, с. 42]. Например, со времен пазырыкской культуры горно-алтайцы умели рубить срубы [5, с. 79]. В научной литературе имеются высказывания о том, что носители пазырыкской культуры являются предками современных кумандинцев и чалканцев.

Какие же типы жилищ были распространены у этих этносов в этнографическое время? В первой половине XIX в. основным типом зимнего жилища у кумандинцев была землянка (черг уг), летнего – юрта (соолто, алынчык), покрытая корой [6, с. 118].

Переходным типом жилища от землянки к избе была срубленная четырехстенная юрта, покрытая на два ската берестой или дерном, без потолка [1, с. 28].

В начале второй половине XIX в. с приходом в предгорный Алтай русских северные алтайцы стали строить деревянные и четырех- и пятистенные дома.

Таким образом, северные алтайцы переняли некоторые элементы строительства жилья у русских [4, с. 213].

В первой половине XX в. происходит формирование нового типа жилья и его внутренней обстановки [3, с. 411].

В конце XX – начале XXI в. наблюдается интерес к традиционному жилищу. Это, очевидно, связано с произошедшими на территории Республики Алтай в 1990-е гг. XX в. этническими процессами.

1. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск, 1993.

2. *Мыльников В.П.* Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск, 2008.
3. *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. – Новосибирск, 1948.
4. *Радлов В.В.* Из Сибири. – М.: Наука, 1989.
5. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., 1953.
6. *Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы (истрико-этнографический очерк XIX – начало первой четверти XX). – Горно-Алтайск, 1974.

М.С. Досимова

Астраханский государственный университет

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
КОНЦЕПТОВ «ЖЕНЩИНА» И «БАБА»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)**

На протяжении нескольких столетий в науке центральное место занимают проблемы гносеологического и антропологического характера. Неоднократно освещались проблемы мультикультурного, полиэтнического общества, развития личности в таком обществе, её национально-культурной идентичности, сохранения этнокультурной идентичности и толерантности. Подобные исследования носят междисциплинарный характер, и усилия ученых различных наук направлены на их изучение. Решение таких проблем было бы неполным без привлечения лингвистических знаний.

Изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета, соотношения языка и мышления, языка и национального сознания продолжают оставаться актуальными. По мнению В.И. Карасика, менталитет народа в значительной мере определяют языковая форма, строй языка, на котором он говорит, система категорий и доминантные категории [3, с. 106–109].

В современном языкознании одним из наиболее динамично развивающихся направлений языкознания является когнитивная лингвистика, исследующая язык как средство репрезентации человеческого сознания, отражения мышления и познания мира человеком. В когнитивном анализе языковых явлений прослеживается антропоцентрический подход к их изучению: в центре когнитивных исследова-

ний находится человек и его сознание, ментальные процессы и объекты окружающей среды, отраженные в человеческом сознании. Ключевым понятием в когнитивной лингвистике является «концепт». В современном языкознании когнитивная лингвистика и изучение национальной концептосферы того или иного народа выступают ведущим направлением, а проблема вербализации или языкового овнешнения концептов является одной из ключевых в современных лингвокогнитивных исследованиях.

Настоящая статья посвящена изучению языкового сознания русских и казахов (большого и малого этносов), проживающих на территории Астраханской области, и отражает результаты исследовательской работы автора, посвященной выявлению и анализу национальной специфики языковой объективации концептов «женщина» и «баба» на материале русского и казахского языков. Исследование выполнено в русле семантико-когнитивного направления когнитивной лингвистики, разрабатываемого научной школой Воронежского государственного университета (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Актуальность проведенного исследования обусловлена важностью описания национальной специфики средств языковой объективации наиболее коммуникативно значимых концептов национальных концептосфер, необходимостью анализа взаимовлияния языка и национального сознания народов, потребностью современной науки в выявлении специфики осмысления действительности национальным сознанием, важностью выявления особенностей взаимовлияния языка и сознания большого и малого этносов в аспекте взаимодействия языка и мышления. Интерес представляют признаки влияния и взаимовлияния национальных концептосфер русских и казахов в условиях межкультурного взаимодействия этносов в мультикультурном регионе.

Первоначально исследование предполагало изучение и анализ концепта «женщина», который в русском языке, главным образом, репрезентирован лексемами – «женщина» и «баба», в казахском языке – лексемами «эйел» и «катын», выступающими ключевыми лексемами-репрезентантами концепта «женщина», поскольку они являются наиболее частотными, согласно частотным словарям [6], также по данным верификации, проведенной у носителей русского и казахского языка, которая показала, что для обыденного сознания это самые употребительные наименования данного концепта. Однако в ходе исследования было установлено, что лексемы «женщина» и «баба» репрезентируют самостоятельные концепты русской концептосферы, а

«эйел» и «қатын» составляют единый концепт «эйел»/«қатын», а соответствующие лексемы являются его различными языковыми репрезентантами и объективируют различные наборы его когнитивных признаков [2, с. 184]. Необходимо отметить, что при проведении исследования «эйел» и «қатын» рассматривались нами обособленно как самостоятельные концепты.

Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента. Такой эксперимент является наиболее информативным и дает богатый и наиболее достоверный материал для исследования концептов в актуальном языковом сознании народа, позволяет получить наиболее содержательные сведения о содержании концептов, зафиксировать наибольшее количество языковых средств, объективирующих концепты, отражающих реальное языковое сознание народа и удобных для проведения когнитивной интерпретации [2, с. 44]. В рамках данного исследования направленный ассоциативный эксперимент проводился в двух формах – «X – какая?» и «X – что делает?».

Эксперимент проводился в 2006–2007 гг. среди жителей г. Астрахани и в населенных пунктах Астраханской области. В эксперименте приняли участие 303 носителя русского языка и 112 носителей казахского языка разного пола, возраста, социального положения, гражданского состояния. Разница в количестве испытуемых – представителей русского и казахского национального языкового сознания – объясняется большой трудоемкостью проведения эксперимента среди носителей казахского языка, поскольку казахи представляют малочисленное население Астраханской области, и, кроме того, многие представители данного этноса не владеют родным языком в том объеме, который позволил бы им справиться с предлагаемым экспериментом на казахском языке. Вместе с тем результаты эксперимента являются достоверными, при проведении ассоциативных экспериментов 100 человек является достаточным количеством испытуемых для получения научно достоверных результатов [5, с. 227–244].

В ходе проведения направленного ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось письменно ответить на вопросы «Женщина – какая?»; «Женщина – что делает?» и «Баба – какая?»; «Баба – что делает?» (для носителей русского языка); «Эйел – қандай?»; «Эйел – не істейді?» и «Қатын – қандай?»; «Қатын – не істейді?» (для носителей казахского языка). Предлагалось дать три ассоциативные реакции на слова-стимулы «женщина» и «баба», «эйел» и «қатын».

Реакции на стимулы «какая?» и «что делает?» были обобщены. В результате было получено 1 773 реакции на стимул «женщина», 1 674 реакции на стимул «баба», 635 реакций на стимул «эйел» и 602 реакции на слово-стимул «катын». Таким образом, были сформированы ассоциативные поля соответствующих концептов.

На этапе когнитивной интерпретации выявлено большое количество когнитивных признаков в каждом из концептов: «женщина» – 133 признака, «баба» – 138 признаков, «эйел» – 90 признаков, «катын» – 102 признака. Этап когнитивной интерпретации является ключевым при описании концептов. Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение выявленных языковых единиц (ассоциатов) на более высоком уровне абстракции для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц [4, с. 124–129, 141]. Дальнейшее исследование проводится с использованием выявленных когнитивных признаков.

Следующим этапом исследования является моделирование концептов, которое включает описание макрокомпонентной, категориальной и полевой структуры.

Для описания макроструктуры концептов когнитивные признаки распределяются по трем структурным макрокомпонентам концепта (образный компонент, энциклопедическое содержание и интерпретационное поле) и устанавливается их соотношение в структуре концепта, что позволяет наглядно представить, какие типы информации преобладают в концепте и каково их соотношение друг с другом.

Для описания категориальной структуры близкие когнитивные признаки обобщаются и интерпретируются как репрезентации отдельного когнитивного классификационного признака концепта, а их частотность суммируется для определения яркости, актуальности в структуре концепта тех или иных когнитивных классификационных признаков. Выявленные когнитивные классификационные признаки представляют собой параметры упорядочения и категоризации, используемые русским и казахским когнитивным сознанием при концептуализации рассматриваемых явлений.

Когнитивные признаки ранжируются по яркости в структуре концепта (индекс яркости признака определялся как отношение общего количества ассоциатов, репрезентирующих данный признак, к общему числу испытуемых). Ранжирование позволяет распределить

когнитивные признаки по полевым зонам – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия (описание полевой структуры концепта).

Таким образом, может быть выявлена национальная, гендерная, социальная, возрастная специфика соответствующих концептов [4, с. 124–129, 140–148].

В исследовании ставилась задача сравнить аналогичные концепты в сознании разных национальных групп (большого и малого этноса). При изучении казахского концепта основополагающей выступала оппозиция «региональный – национальный» [3, с. 114], поскольку в центре внимания было национальное сознание казахов, проживающих на территории Астраханской области. Русские и казахи проживают на территории Астраханской области, тесно взаимодействуя друг с другом. Носители казахского языка в этом регионе проживают либо рассеянно, либо компактными группами. Исследование показало влияние русской концептосферы на концепты в концептосфере малой национальной культурной общности, на их содержание в сознании носителей языка национального меньшинства. На сознание микроэтноса (казахов) влияет действительность макроэтноса (русских), что приводит к изменениям в его концепте («эйел» / «катын») в направлении к содержанию концептов макроэтноса («женщина» и «баба»), и в результате казахский концепт по структуре и содержанию становится ближе русским концептам. Сопоставление концептов русской концептосферы с аналогичными концептами казахской концептосферы показало, что по содержанию казахские концепты во многом схожи с русскими.

В.М. Викторин отмечает, что «выражение «речемысли» на конкретном языке ещё не создает, казалось бы, выпуклой этнической специфики: общечеловеческие универсалии содержательно оказываются ведущими... «Этническое» зачастую смешивается... с близким, но по сути иным «страно-специфическим» [1, с. 158]. Значительная доля совпадения когнитивных признаков концептов русской и казахской национальных концептосфер объясняется, во-первых, их принадлежностью к основному «общечеловеческому» концептуальному фонду и схожей концептуализацией лиц женского пола в русском и в казахском когнитивном сознании, во-вторых, давлением, оказанным русской концептосферой на казахскую концептосферу.

Когнитивное сознание казахов, малого этноса, проживающего в условиях межкультурного взаимодействия этносов в мультикультурном регионе, погруженного в среду большого доминирующего этноса – русских, в определенной степени русифицировано, что также объясня-

ет значительное сходство концепта казахской концептосферы «эйел»/ «қатын» и концептов русской концептосферы «женщина» и «баба».

Концептосфера микроэтноса претерпевает ряд изменений, поскольку малый этнос вписывается в культуру и быт большого этноса, вследствие чего наблюдается ассимиляция концептосферы микроэтноса, и явления начинают концептуализироваться сходным образом. Изменения концептуализации под влиянием жизни малого этноса в большом были отражены в выявленных в результате эксперимента языковых единицах, подвергнутых когнитивной интерпретации. Влияние русской концептосферы на развитие казахского концепта проявилось в следующих признаках казахского концепта «эйел» / «қатын»: «распоряжается семейным бюджетом», «имеет равные права с мужским полом», «пьющая», «использует мужчину в собственных (корыстных) целях», «ругается матом», – выражение которых в силу этнического и национально-культурного своеобразия не свойственно казахскому сознанию при концептуализации данного явления. Однако эти изменения концептуализации отражены в периферийных компонентах структуры концепта, ядерные компоненты остаются сохранными.

В когнитивной структуре казахского концепта «эйел» / «қатын» присутствуют признаки, отражающие развитие концепта. В концепте наблюдается элемент динамики. Безусловно, изменение содержания и структуры казахского концепта обусловлено ещё и глобальным интеграционным развитием всех областей культуры, экономики, техники, общественной и индивидуальной жизни представителей казахской лингвокультуры. Так, явление «эйел» / «қатын» приобрело признаки, свидетельствующие об изменении его концептуализации носителями казахского языка. К таким признакам, прежде всего, относятся признаки, отражающие концептуализацию через стремление к получению образования, к карьерному росту, через профессиональную деятельность данного явления. Подобная концептуализация прежде была не свойственна казахскому менталитету в силу его национально-культурной специфики, но теперь эти признаки актуальны и были отражены казахским языковым сознанием: «образованная», «учится», «деловая», «работает учителем», «работает в государственном учреждении», «работает врачом», «выполняет общественную работу», «занимает руководящую должность», «работает в банке».

Несмотря на значительное число выявленных сходств, казахскому и русским концептам свойственно проявление национальной специфики. Национальная специфика русских и казахского концептов

заключается в выявленных национально-специфичных когнитивных признаках и когнитивных классификационных признаках.

Казахское когнитивное сознание репрезентирует концепт «эйел»/«катын» через свойства и характеристики рассматриваемого явления, выраженные признаками, отражающими национальное своеобразие концептуализации данного явления:

– *национально-специфичные когнитивные признаки*: «вызывает уважение», «благодарная», «восприимчивая», «гостеприимная», «жеманная», «не ругается», «не сплетничает», «помогает при родах», «покорная», «религиозная», «уважительная», «хваткая», «хранит казахские традиции»;

– *национально-специфичные когнитивные классификационные признаки*: «отношение к обычаям и традициям».

О национальной специфике концепта «женщина» свидетельствуют признаки:

– *национально-специфичные когнитивные признаки*: «соблазняет мужчин», «сексуально привлекательная», «загадочная», «занимается спортом», «тратит деньги мужа», «развлекается», «водит машину», «несчастливая», «встречается с подругами», «высокомерная», «роковая», «успешная», «сидит дома», «путешествует»;

– *национально-специфичные когнитивные классификационные признаки*: «национально-территориальная принадлежность», «пол», «гастрономические предпочтения».

Концепт «баба» характеризуется национально-специфичными признаками, отражающими стереотипное, исторически сложившееся, мифологическое представление о данном явлении:

– *национально-специфичные когнитивные признаки*: «грубая», «крестьянского происхождения», «любит поесть», «Рязанская», «Баба-яга», «бьет мужа», «ворчливая», «носит воду», «мужеподобная», «в платке», «понукает мужем», «румяная», «властная», «жалуется на жизнь», «занимается колдовством», «в сарафане», «в фартуке»;

– *национально-специфичные когнитивные классификационные признаки*: «национально-территориальная принадлежность», «социальное происхождение».

Однако признаки, отражающие национальную специфику концептов, в их полевой структуре занимают периферийную позицию, сильно удаленную от ядра. Из числа национально-специфичных признаков только среди признаков концепта «баба» имеются признаки ближней периферийной зоны, свидетельствующие не только о ярком

национальном своеобразии данного явления, но и о более высокой степени стереотипизации его восприятия в русском когнитивном сознании, большинство национально-специфичных признаков сосредоточено в дальней и крайней периферии. Невысокая яркость и незначительное количество выявленных национально-специфичных признаков концептов указывают на высокую степень их сближения.

Таким образом, казахский и русские концепты схожи по своему содержанию и имеют значительную интегральную составляющую, которая, вследствие развития концептов и тесного взаимодействия соседствующих лингвокультур в едином мультикультурном пространстве, постепенно увеличивается. В результате происходит сближение концептуализации действительности русским и казахским национальным сознанием.

Национальная специфика исследуемых концептов заключается в следующем:

- русские концепты «женщина» и «баба», в отличие от казахского концепта «эйел» / «қатын», характеризуются большим разнообразием когнитивных признаков, большим многообразием способов языковой объективации и концептуализации;

- казахскому концепту «эйел» / «қатын» свойственна более высокая степень оценочности, чем русским концептам «женщина» и «баба»;

- русский концепт «женщина» является преимущественно позитивно-оценочным, в оценочном слое концепта «баба» преобладает негативная оценка, тогда как восприятие казахского концепта «эйел»/«қатын» амбивалентно;

- полевою организацию русских концептов «женщина» и «баба» отличает выраженная очерченность и малый объем ядра, а также высокая яркость признаков ядерных и ближних периферийных зон. Ядро казахского концепта «эйел»/«қатын» более обширно, менее отчетливо и характеризуется градуальным переходом составляющих признаков в периферию. Признаки ядра и ближней периферии менее яркие. Это свидетельствует о большей стереотипизованности русских концептов по сравнению с казахским.

Настоящее исследование показало, что концепты «женщина», «баба» и «эйел»/«қатын» являются яркими и коммуникативно релевантными концептами русской и казахской концептосферы. В целом, исследование концептов малых и больших этносов, проживающих в условиях тесного межэтнического взаимодействия, может способст-

вывать гармонизации общения, развитию толерантности и решению проблем межкультурного общения.

1. *Викторин В.М.* Проблемы межкультурного общения в истории и современности: способы его реализации и методы изучения в XX–XXI вв. // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения. – Астрахань: Астраханский университет, 2007. – С. 156–159.
2. *Досимова М.С.* Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина» (на материале русского и казахского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 206 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
4. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006.
5. *Черкасова Г.А.* Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. статей. – Калуга, 2005. – С. 227–244.
6. *Шаров С.А.* Частотный словарь // Artint: сайт. – URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>

Э.А. Дуссалиева

Астраханский государственный университет

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА ИЗМЕНЕНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «МУЖЧИНА»

Астраханская область – один из самых многонациональных регионов на карте России. Сотни народов мирно соседствуют на Астраханской земле многие сотни лет. Русские составляют около 70 % населения области. Второй по величине национальной группой являются казахи (14 %). Интересуемые нас татары образуют 7 % населения, и это третья по величине этническая группа в Астраханской области. Татары Астраханской области представляют собой соединение различных малых этнических групп, являющихся потомками кочевых народов, обитающих в нижнем Поволжье. Язык так же, как и антропологический облик, отличается большой вариативностью.

Многовековое сосуществование русских и татар, взаимопроникновение их культур и частичное поглощение малого этноса большим навело нас на мысль о практическом исследовании того, насколько сильно стерлись границы в восприятии такого базового концепта любой языковой культуры, как «мужчина». Под концептом понимается оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концепт возникает в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает и воображает об объектах мира [2, с. 90–92].

Исследуемый нами концепт, безусловно, культурно и религиозно детерминирован. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [4, с. 40]. В нашей статье мы рассмотрим национальные особенности языковой объективации (термин И.А. Стернина) концепта «мужчина» в русском и татарском языковом сознании. Для этой цели нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Всего в данном эксперименте приняли участие 303 носителя русского языка и 104 носителя татарского языка разного пола, возраста, образования, социального положения и гражданского состояния. Большая разница в числе русских и татарских респондентов объясняется малочисленностью татарского этноса в Астраханской области и рассеянностью его проживания на территории области. Это обусловлено ещё и тем, что большинство татар не владеют татарским языком на том уровне, который необходим, чтобы принимать участие в психолингвистическом исследовании.

Изучение основных словарей русского и татарского языков показало, что исследуемый концепт «мужчина» в рассматриваемых языках имеет обширное номинативное поле, репрезентирующее данное явление в языке. Однако анализ частотных словарей, а также верификация у носителей данных языков выявила, что основными ключевыми лексическими репрезентантами концепта «мужчина» в русском языке являются лексемы *мужчина* и *мужик*, а в татарском языке – лексема *ир*, они и будут выступать словами-стимулами в эксперименте.

В данной работе анализируются результаты опроса, проведенного среди носителей русского и татарского языков, проживающих на

территории Астраханской области, что, несомненно, оказало влияние на итоги исследования. Особенно это касается испытуемых носителей татарского языка, отличающихся большим разнообразием диалектов.

В ходе эксперимента носителям русского языка предлагалось письменно ответить на вопросы «Мужчина – Какой?» / «Мужчина – Что делает?» и «Мужик – Какой?» / «Мужик – Что делает?», а носителям татарского языка – «Нинди ир?» и «Ир нярся эшле?», написав первые три пришедшие в голову ассоциации.

Полученные в ходе эксперимента ассоциации были обработаны методом когнитивной интерпретации, при котором близкие по своему семантическому содержанию ассоциаты обобщаются в интегральный когнитивный признак, для обозначения которого обычно выбирается наименование наиболее частотной реакции или стилистически нейтральное слово. Когнитивная интерпретация частотности лексических единиц позволяет выявить актуальные и неактуальные в определенный период концепты в концептосфере народа. Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта. Ранжирование позволяет распределить когнитивные признаки по зонам – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии. При наличии материалов экспериментов у всех признаков определяется коэффициент яркости, выделяются профилирующие когнитивные признаки. Таким образом, может быть выявлена национальная, гендерная, социальная, возрастная, профессиональная специфика исследуемых концептов. Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта [3, с. 124–129]. Цифра после когнитивного признака означает количество испытуемых, обективировавших данный признак в эксперименте. Цифра после обобщенных лексических единиц означает относительную яркость данного признака, которая вычислялась как отношение количества испытуемых, обективировавших данный признак, к общему числу испытуемых. При этом мы признаем, что распределение языкового материала по когнитивным признакам носит вероятностный характер в силу субъективных суждений. Все неоднозначные реакции были верифицированы у носителей соответствующего языкового сознания.

После обработки результатов эксперимента мы выявили следующие когнитивные признаки (приведем только самые частотные).

МУЖЧИНА / МУЖИК: пьет 204 (0,67); работает 199 (0,66); сильный 135 (0,45); внешне привлекательный 107 (0,35); умный 103 (0,34); занимается сельскохозяйственным трудом 101 (0,33); грубый 99 (0,32); мужественный 75 (0,25); высокий 71 (0,23); с усами и бородой 63 (0,21); толстый 61 (0,20); ругается матом 54 (0,18); курит; спит 53 (0,17); грязный 49 (0,16); ест 41 (0,14); занимается спортом; зарабатывает деньги; любит женщин 39 (0,13); водит автомобиль; глупый 35 (0,12); заботится о женщине 32 (0,11); дерется; добрый; живет в деревне; ухаживает за женщиной 26 (0,09); веселый; отдыхает 24 (0,08); богатый; не работает; неопрятный; простой; читает 22 (0,07); волосатый; занимается работой по дому; изменяет женщине; плохо пахнет; содержит семью; старый 18 (0,06); внешне непривлекательный; защитник; интеллигентный; опрятный; разговаривает; смотрит телевизор; ходит на рыбалку и охоту; хорошо одет; честный 15 (0,05); деловой; злой; ласковый; лежит; ленивый; любимый; наглый; надежный; ответственный; растит детей; с темными волосами; с хорошей фигурой; смотрит спортивные соревнования; солидный; строит дом; трудолюбивый; хороший семьянин 13 (0,04); бедный; в деревенской одежде; взрослый; лысый; продолжает род; решительный; с хорошими манерами; тратит деньги; учится 9 (0,03) и пр. [1, с. 141–142].

ИР: красивый 57 (0,55), работает 40 (0,38), умный 33 (0,32), занимается домашними делами 25 (0,24), хороший 25 (0,24), занимается сельскохозяйственным трудом 24 (0,23), воспитывает детей 22 (0,21), сильный 20 (0,19), трудолюбивый 18 (0,17), деньги зарабатывает 16 (0,15), молодой 14 (0,13), любит семью 11 (0,11), пьет 10 (0,10), учится 10 (0,10), высокий 9 (0,09), ест 8 (0,08), крупный 8 (0,08), лежит 8 (0,08), строит дом 8 (0,08), поет 7 (0,07), спит 7 (0,07), почтительно относится к старшим 6 (0,06), усердный 6 (0,06), богатый 5 (0,05), любит женщин 5 (0,05), мужественный 5 (0,05), воспитанный 4 (0,04), дружелюбный 4 (0,04), женится 4 (0,04), занимается спортом 4 (0,04), ленивый 4 (0,04), любит 4 (0,04), развлекается 4 (0,04), терпеливый 4 (0,04), умелый 4 (0,04), добытчик 3 (0,03), богатырь 3 (0,03), водит автомобиль 3 (0,03), добродетельный 3 (0,03), добрый 3 (0,03), заботится о женщине 3 (0,03), любит детей 3 (0,03), непривлекательный 3 (0,03), открытый 3 (0,03), пожилой 3 (0,03), помогает женщине 3 (0,03), рыбу ловит 3 (0,03), с темными волосами 3 (0,03), с усами 3 (0,03), толстый 3 (0,03), уважаемый 3 (0,03) и пр. [1, с. 91–95].

Для выявления специфики концептов «мужчина/мужик» и «ир» в русском и татарском языковом сознании мы определим общие (интегральные) и специфические (дифференциальные) признаки в содержании данных концептов.

Интегральная зона концептов «мужчина/мужик» и «ир» образована 72 признаками, что составляет 40 и 52 % содержания концептов соответственно. Таким образом, более половины когнитивного содержания концепта «ир» совпадает с концептом «мужчина/мужик» в русском языковом сознании. В зоне их интеграции, однако, наблюдаются существенные различия. Например, признак *работает*, являющийся ядерным в содержании концепта «мужчина/мужик» (0,66), относится к ближней периферии концепта «ир» (0,38), при этом признак *трудолюбивый* (0,04; 0,17) наоборот ярко репрезентирован в концепте «ир» и значительно менее релевантен для концепта «мужчина/мужик». Признак *сильный* (0,45; 0,19) более выражен в концепте «мужчина/мужик», а признак *привлекательный* (0,35; 0,55) – в концепте «ир». Признаки *умный* (0,34; 0,32) и *глупый* (0,02; 0,01), выражающие отношение носителей языка к умственным способностям мужчины, указывают на близость восприятия мужчины русским и татарским языковым сознанием в этом компоненте.

Признаки, раскрывающие отношения мужчины с женщиной как с положительного, так и с отрицательного угла зрения и занимающие важное место в структуре концепта «мужчина/мужик», в содержании татарского концепта «ир», как правило, принадлежат крайней, дальней периферии или вообще отсутствуют (*заботится о женщине* (0,13; 0,03); *ухаживает за женщиной* (0,09; -); *изменяет женщине* (0,06; -); *продолжает род* (0,03; -); *бьет женщину* (0,02; -); *плохо относится к женщине* (0,02; -)). Однако признаки *растит детей* (0,04; 0,21) и *любит семью* (-; 0,11) вербализуют более крепкую связь мужчины и семьи в татарском языковом сознании.

Наиболее яркие дифференциальные признаки наглядно демонстрируют различия в способах концептуализации исследуемых явлений. Так, в зоне дифференциации концепта «мужчина/мужик» мы находим яркие признаки *грязный* (0,16), *живет в деревне* (0,09), *неопрятный* (0,07) и *в деревенской одежде* (0,03), экспонирующие традиционный образ деревенского мужика, не следящего за своей внешностью, с одной стороны, и *хорошей фигурой* (0,04), *солидный* (0,04), подчеркивающие привлекательный внешний облик мужчины, – с другой.

Характерными только для концепта «ир» являются когнитивные признаки *почтительно относится к старшим (0,06)* и *любит детей (0,03)*, отражающие традиционные для востока отношения между людьми разных возрастов. Дифференциальные признаки *богатырь (0,03)* и *крупный (0,08)*, несмотря на близость признакам *богатырь* и *толстый*, выявляющиеся в содержании русского концепта, имеют разное значение. Признак *богатырь* скорее отражает смелость, а не физическую силу, а признак *крупный* в отличие от признака *толстый* имеет положительную коннотацию, описывая мужчину высокого и сильного.

Признаки, встречающиеся в концепте «ир» и не характерные для концепта «мужчина/мужик»:

любит семью (0,11); крупный (0,08); почтительно относится к старшим; усердный (0,06); дружелюбный; любит (0,04); богатырь; добытчик; добродетельный; любит детей; открытый; уважаемый (0,03); верит в Бога; гостеприимный; непослушный; защищает Родину; здоровый; меня любит; моряк; осторожный/сдержанный; остроумный; работает в милиции; работает в магазине; работает в госучреждении; работает врачом; работает на заводе; работает шофером; работает юристом; сидит; человек; щедрый; эмоциональный/темпераментный (0,02); глава семьи; делает тяжелую работу; жадный; заботится о матери; заботится о слабых; инженер; нетерпеливый; помогает родственникам; работает в селе; работает учителем; разговорчивый; рассудительный; рисковый; сидит с внуками; скачет на лошади; скромный/необщительный; упрямый (0,01) и пр.

Из приведенного выше списка дифференциальных признаков мы можем заключить, что мужчина в татарском языковом сознании крепко связан с семьей, причем семья не ограничена женой и детьми, а представлена также внуками, матерью и прочими родственниками, и мужчина в его большой семье безоговорочный глава. Кроме того, для носителей татарского языка свойственно конкретизировать место работы и его должность, вследствие чего признак *работает*, относящийся к ядру содержания концепта «мужчина/мужик», выявляется лишь в ближней периферии концепта «ир». Общественный статус и вера в бога также проявляются только при концептуализации мужчины в татарском языковом сознании.

Также следует отметить, что из всех признаков, составляющих содержание рассматриваемых концептов, 41 признак совпадает в обо-

их концептах. Именно эти признаки наиболее ярко представлены в структуре каждого из этих концептов, что свидетельствует о едином общечеловеческом представлении о концептуализируемом явлении и об универсальности его восприятия. Все это нашло выражение в самых ярких признаках содержания концептов: *работает, сильный, умный, спит, ест, пьет, заботится о женщине, помогает женщине, строит (дом), зарабатывает деньги, содержит семью, защищает* и др. Признаки, отражающие национально-специфичные характеристики концепта, как правило, образуют дальнюю или крайнюю периферию. Они отражают социокультурные особенности того или иного общества, а также место мужчины в нём. Данные социокультурные особенности либо возникают из современной общественной ситуации, либо опираются на историческую память народа и его традиционные представления о роли мужчины.

Яркость интегральных признаков также выводит на первый план специфические черты концепта. Наиболее ярким примером этого является объединяющий исследуемые концепты признак *пьет*, яркость которого в концепте «мужчина/мужик» многократно превосходит аналогичные показатели в концепте «ир». Однако следует отметить, что, несмотря на традиционный запрет на употребление алкоголя в мусульманской культуре, данный признак все же обладает довольно высоким показателем яркости. Это свидетельствует о естественном развитии общества и об уходе от традиций предков, а также об ослаблении влияния религиозного культа на нашу жизнь, что находит своё отражение в языке. В данном случае мы также можем говорить о влиянии русской среды и культуры на изменения в когнитивном и, как следствие, языковом сознании татар, что нашло отражение в его современной форме.

Действительность, в которую вписаны татары, проживающие на территории Астраханской области, ведет к изменениям в содержании и структуре концепта по направлению к приобретению признаков русских концептов. Сознание татар, являющихся малой этнической группой в среде русского большинства, перенимает черты сознания большого этноса, вследствие чего происходит ассимиляция концептосферы большого и малого этноса, а точнее концептосфера малого этноса (татар) растворяется в концептосфере большого этноса (русских) и теряет свои специфические культурно, религиозно, исторически обусловленные черты. Появление в содержании концепта «ир» таких признаков, как *пьет, курит, золотой*, является следствием влияния

русской действительности и русского языкового сознания. Но, несмотря на многовековое соседство русского и татарского народов и взаимопроникновение их культур, в восприятии и объективации концептов «мужчина/мужик» и «ир» выявлена существенная национальная специфика.

-
1. *Дуссалиева Э.А.* Национальная специфика языковой объективации концепта «мужчина» (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
 2. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
 3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ. – Воронеж: Истоки, 2006.
 4. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Д.И. Ефимов

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

**ПЕРЕЖИТКИ ОБЩИННО-ОБЫЧНОГО ПРАВА
В АСПЕКТЕ НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ ЧУВАШЕЙ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Особой формой можно выделить пережитки народной религии, которые непосредственным образом влияют на модель поведения носителя данных религиозных взглядов.

Сохранившиеся аспекты народной религии чувашей, которые были исследованы на основе работы А.К. Салмина [1], двух этнографических экспедиций: в Чебоксарском [2] и Ядринском [3] районах, – и включенного наблюдения в Вурнарском районе.

Обряды чук своё распространение имели период вплоть до 90-х гг. XX в., проводились в масштабах всей деревни, в некоторых случаях в качестве руководителей обряда выступали председатели колхозов. Обряд чук проводится и на современном этапе, в качестве участников выступают жители деревни или села в большем количественном составе, что свидетельствует о сильных взаимных связях между «общинниками»-односельчанами [2; 4].

В качестве особенностей проведения обряда чүк можно отметить следующее: организаторами чаще всего выступают женщины постклимактического периода [1, с. 74], в некоторых случаях – молодежь [4].

Моления на киремети носят чаще индивидуальный характер и являются малораспространенными. Несмотря на это, люди сохраняют страх перед заброшенными культовыми местами [2].

-
1. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. – СПб., 2007.
 2. Полевые материалы экспедиции автора в Ядринский район Чувашской рес., июль 2010 г. (информанты: В.Н. Свешников 1934 г.р.; А.С. Чернова 1921 г.р.; В.В. Николаева 1973(?) г.р.; М.В. Алексеев 1991 г.р.).
 3. Полевые материалы экспедиции автора в Чебоксарский район Чувашской рес., июль 2010 г.
 4. Полевые материалы автора, полученные в ходе включенного наблюдения в Вурнарском районе Чувашской рес., август 2010 г.

О.П. Коломиец

Лаборатория комплексного изучения Чукотки СВКНИИ ДВО РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУКОТКИ

В современных условиях чукотские семьи представляют собой феномен, в котором новейшие социально-экономические изменения органично вплетаются в традиционное прошлое. В результате получили широкое распространение межнациональные браки. Смешанные браки у чукчей и в прошлом были не редкость. В 1970-х – 1980-х гг. XX в. уже до половины всех семей в селах Чукотки были смешанными в этническом плане (чукотско-эскимосские, чукотско-эвенские, чукотско – корякские, чукотско-русские). Удельный вес таких браков, их этническая структура зависели и зависят от хозяйственной специфики населенных пунктов, соотношения приезжих и местных жителей, национального состава сел вообще.

Анализ структуры современной чукотской семьи показал, что ныне основной её формой, как и по всей стране, стала малая супруже-

ская семья. Большинство составляют семьи, включающие представителей двух поколений. Трехпоколенные семейные образования в основном состоят из женщин с детьми и одного (реже – двух) родителей этих женщин.

Численный состав чукотских семей различен: в однопоколенных семьях число их членов равно 1–2, в двухпоколенных – 3–4, в трехпоколенных – 4–6 чел. Большинство семей имеют одного – двух детей. Многодетными являются в основном семьи оленеводов и охотников, т. е. людей, занятых в традиционных отраслях хозяйства.

Сравнительно большой удельный вес в общем числе чукотских семей одиночек и семей, возглавляемых женщинами (без мужа), является показателем известной неустойчивости чукотских семей. В настоящее время очень высока доля одиноких матерей из числа представителей коренных малочисленных народов (всего – 1 297, из них 1 057, или 81,4 %, – коренное население, сведения на 01.01.2010 г.). В национальных селах не редкость, когда бабушки и дедушки воспитывают своих внуков, являясь их официальными опекунами, или же и вовсе усыновляют их.

Межэтнических браков становится все больше, и в них втягиваются представители новых этносов. После серьезного оттока пришлового населения в 1990-х гг., с 2001 по 2010 гг. на заработки на Чукотку приезжали представители разных национальностей (русские, украинцы, молдаване, чуваша, мордвина и др.) и разных государств (Украина, Молдавия, Узбекистан, Таджикистан, Турция, Канада). Часть приезжего населения осела на территории, в результате чего национальный состав поселений стал более разнообразным. Но пришлое население, привлекаемое на Север высокой зарплатой, слабо закрепляется там. Такая ситуация очень неблагоприятна для коренных жителей Севера. Именно эта часть приезжих создает неустойчивость семейно-брачных отношений, увеличивает число разведенных, детей без отцов. Однако некоторые из них, женившись на местных девушках, становятся постоянными жителями региона.

Для более полного освещения динамики брачно-семейных отношений, демографической ситуации среди коренных народов Чукотки автором будет продолжена работа по сбору этнографического и статистического материала в национальных селах и городах Чукотского АО.

В.Е. Киселева

Марийский государственный технический университет

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЗДОРОВЬЯ
В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ
В РАМКАХ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Что такое «национальные традиции здоровья» сегодня? Стоит ли вообще задумываться о данном феномене? На мой взгляд, это понятие включает в себя традиции здорового образа жизни, которые устоялись и прошли процесс становления у определенного народа.

На территории Республики Марий Эл проживает несколько национальностей: русские, марийцы, чувашаи, татары, и, конечно же, национальности ближнего и дальнего зарубежья, Северного Кавказа и евреи. Каждый народ в регионе имеет сплоченную диаспору, которая борется за сохранение собственных традиций и обычаев, сложившихся как у народа в целом, так и у определенных этнических групп на территории республики. На сегодняшний день молодое поколение часто не думает о своем здоровье, не вспоминает о своих корнях, своей культуре и традициях. Продолжительность жизни каждого поколения снижается на несколько лет, и объяснение этому многие ученые находят в том, что люди отказываются от своих национальных традиций, от той культуры, которая воспитывала человека и которая защищала его от многих соблазнов.

В настоящее время существует также и проблема подмены ценностей. Если раньше цель каждого человека была заключена в создании семьи, рождении и воспитании здоровых детей, создании условий для их развития, то сейчас каждый второй задумывается о том, стоит ли ему вообще жениться или выходить замуж, надо ли рожать детей. На мой взгляд, решением вышеобозначенных проблем будет восстановление национального стержня, способного помочь воспитывать в человеке те качества, которые вырабатывались у каждого народа тысячелетиями. Пусть это будет небольшая часть, но человек обретет свою историю, свои традиции и своё этническое самосознание.

Сейчас много говорится о проблемах национальных традиций, о том, как их решать, но далеко не каждый человек будет следовать тем

правилам, которые он считает не основополагающими. Часто молодому поколению не хватает тех знаний и того самого национального стержня, который бы помог им адаптироваться в процессе социализации, отказаться от всего того, что мешает сохранению своего здоровья и здоровья близких людей. Мне кажется, что нужно возрождать русскую национальную традицию. Прежде всего, это быт, который велся испокон веков, песни, танцы, разговоры, которые помогали людям в личностном становлении, игры, которые помогали физическому развитию человека, здоровая пища, праздники, в которых человек раскрывался и закалялся, и, конечно же, та религия, которая воспитывала человека смиренным и готовым к любым испытаниям.

Песни присутствовали всегда в русской культуре – их пели на любом празднике, на любом значимом в жизни каждого человека событии. Молодежь всегда собиралась на вечерки, которые проходили весело, и это было место, где парни знакомились с девушками, люди – друг с другом, где можно было обняться и поцеловаться в процессе игры. Это было веселье от души, которое сопровождалось различными забавами, шутками и играми. С песней люди шли по жизни. Сейчас далеко не каждый человек поет, и многие даже не догадываются о том, что они умеют делать это с детства, о том, что в них ещё живет история, которая была богата музыкой. Фольклорное объединение «Царев город» г. Йошкар-Ола ездит в экспедиции по отдаленным уголкам нашей республики и записывает те песни, которые пели бабушки в молодости. Большая часть информации о быте, песнях, играх записывается из их уст, и важным является успеть собрать как можно больше таких кусочков истории и соединить их в целостную картину, которая поможет ещё лучше узнать русскую культуру.

Лично для меня национальные традиции здоровья – это совокупность всех тех традиций, которые сохранились на территории Республики Марий Эл, и поддержание их внутри себя и в своем сознании для того, чтобы оставить после себя здоровое поколение, которое будет устойчиво к соблазнам, таким как алкоголь, табак, наркотики и пр.

Приоритетным направлением для меня является донесение до ближайшего окружения и общества в определенных его группах того, что у каждого есть выбор, есть история, традиция и сознание.

С.Р. Курманова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ЭТИКЕТ ПИТАНИЯ НЕМЦЕВ СИБИРИ*

Под «этикетом питания» мы подразумеваем систему правил поведения, связанных с процессами приготовления, потребления и хранения пищи. У немцев Сибири существовали определенные правила, регламентирующие поведение участников трапезы, определенный порядок местонахождения членов семьи за столом. Данные обычаи широко распространены среди немцев и разнообразны по строгости соблюдения.

В застолье главная роль отводилась мужчине, который следил за ходом трапезы. Каждый имел своё место за столом. Место с краю большого стола занимали глава (отец, дед) и его жена (мать, бабушка). Старшая хозяйка всегда занимала почетное место рядом с хозяином. Далее рассаживались остальные члены семьи: девушки, сестры – с одной, и мужчины, братья – с другой стороны стола. Ближе всего к родителям находились старшие родственники. У меннонитов старшие и младшие садились рядом так, чтобы дети постарше могли помогать тем, кто ещё не успел обслуживать себя самостоятельно. Во время прихода гостей дети отправлялись в соседнюю комнату и не шумели. Обед или ужин накрывался для них отдельно. Они не имели права подходить к столу, где собирались взрослые [2, с. 221].

На стол накрывала мать (бабушка), она же убирала со стола. После того как все члены семьи садились на свои места, «мать наливала и раздавала порции, чтобы хватило всем». Старшая хозяйка, как правило, занимала своё место за столом в последнюю очередь [1, с. 141].

Обязательной нормой поведения за столом у немцев являлась молитва. В семье никто не начинал есть, пока не будет прочитана молитва перед едой – «благодарение за пищу». Когда все были на своих местах, отец вставал и вслух зачитывал текст молитвы на немецком

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнография современной диаспоры (на примере немцев Сибири)», проект № 11-31-00213а1.

языке: «Segne Vater, unser Speise. Hier zu Trank, unser Preise». Все члены семьи молились безмолвно, сложив руки ладонями вниз одна на другую перед собой. В конце молитвы всем хором повторяли «Аминь». Затем садились, и можно было приступить к еде [1, с. 141].

Довольно часто встречается молитва перед едой (*vor dem Essen*) следующего содержания:

Der Tische schon geteget,
Herr Eusu komm herreun.
Loss uns diese Speise,
Von dir gesegent sein [3, л. 1].

В последнее время очень часто молитвы произносят на русском языке. Например, «Господи, слава и благодарность Тебе, что Ты хранил нас до этого часа, благослови на остаток дня. Слава и благодарность за пищу, дарованную Тобой, за хлеб насущный. Благослови, очисти, освяти по слову Твоему и даруй её (пищу) тем, кто в ней нуждается! За все прославься! Аминь! [4, л. 20].

Во время приема пищи не разрешалось разговаривать, смеяться и тем более мешать друг другу. За столом соблюдалась тишина, мать или бабушка следили за поведением. Ели молча, заканчивали трапезу одновременно. Из-за стола вставали все вместе. Возрастных ограничений и запретов в питании не было. Обычно у каждого была своя посуда, но если средства не позволяли, ели из общей. Посуда, из которой ели чужие люди, не считалась «нечистой» [5, л. 10].

Одной из норм «пищевого общения» у немцев является угощение родственников, в первую очередь родителей, проживающих в отдельном доме. Согласно обычаю, мать посылает к старикам сына или дочь, которые относят горячие пирог, оладьи, печенье и др. Этот обычай сохраняется и в настоящее время [6, л. 1, 2].

-
1. Блинова А.Н., Чернова И.Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века. – Омск: Наука, 2009.
 2. Чернова И.Н. Семейный быт немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 220–228.
 3. Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. I. 2006. Д. 188 – 1. Л. 1.
 4. Там же. 2009. Д. 211 – 1. Л. 20.
 5. Там же. 2007. Д. 189 – 1. Л. 10.
 6. Там же. 2002. Д. 157 – 2. Л. 1, 2.

М.Н. Тихомирова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ОБ ЭТНОДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИХ ЧЕРТАХ В ПИЩЕ ПОТОМКОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В настоящее время потомки волго-уральских татар являются одним из этнических компонентов татар Западной Сибири. В данной работе мы использовали материалы, собранные нами у той части переселенцев, которые мигрировали в конце XIX – первой трети XX в. Сейчас они проживают компактно, идентифицируют себя не только как *татары* (рожденные на территории Западной Сибири), но и сохраняют самоназвания, связанные с предками, – *мишары*, *тептяры* и т. п.

Нами были обследованы в 2007–2009 гг. ряд таких мест в Нижнетавдинском р-не Тюменской области (Киндер, Байкал, Ивашкина), в Новосибирской области в Убинском (Н. Качёмка, совхоз Шушковский), Каргатском (Муссы, Теренино), Колыванском р-нах (Казанка).

Все различия в этнических культурах, кроме языка, считаются относительными, поэтому мы поступили достаточно прямолинейно и указали только те культурные различия, которые очевидно можно считать этнодифференцирующими.

В лексике рассматриваемого населения сохраняется много слов, характерных для татар Поволжья и Урала. Например, *жейме* – лепешка, *гумбэ* – грибы, *ипи* – хлеб, *корлыган* – смородина, *ош пошмак* – изделие из теста с мясом, *тутырма* – колбаса из ливера и крупы, *паштет* – пирог со сладкой начинкой из ягод или сухофруктов, *чупря* – закуска и др.

Из молочной пищи в Новосибирской области изготавливается кисломолочный продукт *кызыл иричик* – «красный творог», или *корт*. Заметим, что подобный продукт ранее делали и коренные сибирские татары, но в настоящее время эта традиция практически утрачена. Кроме того, воспроизводится и способ использования получаемого продукта – в пищу и как начинка для различной выпечки.

Из выпечки, характерной для кухни пришлых татар, прежде всего упомянем изготовление *кыстыбыя* (Мусы) – обжаренной лепешки теста, начиненной картофельным пюре. По нашему мнению,

волго-уральские татарки, в отличие от старожилок, любили изготавливать выпечку «с ююминкой». *Кыстыбый* можно отнести именно к такому изделию.

В Новосибирской области переселенцы ещё до недавнего времени очень много использовали в питании семена конопли (катали шарики, для начинки пирожков, вареников и др.). Но мы особенно отметим изготовление оригинального рулета с начинкой из размельченных семян конопли, перемешанных с сахаром – *кыркат / кырыкат*. Нужно отметить, что коренные татары тоже использовали в пищу семена конопли, но у переселенцев эта традиция сохранилась дольше и, видимо, вариативность использования была больше.

В ряде населенных пунктов (Киндер, Казанка) на важные общественные трапезы делают пирог *вак бэллиш* с рисом и изюмом. Важно сказать, что при употреблении этого пирога используют очень много топленого масла.

В обрядовой пище у пришлых татар больше, чем у коренного населения, свадебных блюд, традиций, связанных с пищей, используемой на различных этапах этого обряда. А у коренных сибирских татар лучше развиты традиции, связанные с поминальной трапезой и пищей.

Ю.Н. Ефремова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

БЛЮДА-МАРКЕРЫ УКРАИНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ

Многие из традиционных украинских блюд получили этническую символику. В самосознании украинцев фигурируют блюда-маркеры, которые являются своеобразным кодом их национальной культуры, образцом и высшим достижением культуры питания. Эти блюда до сих пор упоминаются с этнической привязкой: украинский борщ, украинские галушки, украинские вареники, украинское сало, украинская горилка. Украинская кулинария включает в себя множество национальных блюд, но не все они сохранили свои этнические корни и превратились в блюда-маркеры. В ходе этнической истории Украины часть блюд вообще прекратили своё существование [1, с. 246].

В конце XIX – начале XX в. Сибирь стала активно заселяться украинскими переселенцами. В ходе этнографических экспедиций ОмГУ и ОФ ИАЭТ СО РАН удалось выяснить, что сегодня ни одна украинская семья не представляет свою жизнь без борща, сала, галушек, вареников, но украинская горилка в Омском Прииртышье утратила свою этническую привязку и национальное название [2; 3]. Потомки украинских переселенцев заменили национальное название горилка на русский вариант – самогонка.

Природно-географические условия юга Омской области, где наиболее компактно проживают украинцы, в связи со сходными условиями юга Украины позволили сохранить переселенцам хозяйственную деятельность и, соответственно, национальные блюда. Обилие урожая пшеницы давало украинскому крестьянину большой запас муки, на основе которой готовились галушки, вареники, а также множество кашеобразных блюд (затирка, саламата, кваша и др.), которые сегодня уже практически исчезли из культуры питания современного украинца. Земельные наделы украинцев в начале XX в. позволяли держать большое количество скота. Главным животным, приносящим мясо, являлась свинья. Поздней осенью или в начале зимы, в день закола свиньи, готовили несколько блюд одновременно: солили сало в деревянных ящиках, из свиного желудка готовили блюдо «кендюх», которое сегодня уже постепенно уходит из меню украинской семьи, из свежей крови делали кровяную колбасу или жарили кровь на сковороде, варили борщ с мясом на буряке (свекле). Ни одно торжество не проходило без горилки, её готовили в каждом доме, а перед свадьбами этот национальный напиток готовили в особо больших количествах, поскольку праздновали, как правило, неделю.

По данным проведенных этнографических экспедиций, в Омском Прииртышье прослеживается тенденция утраты украинцами этнического самосознания. У многих потомков украинских переселенцев полностью утрачено этническое самосознание. Но, несмотря на то, что они считают себя русскими, блюда-маркеры по-прежнему преобладают в их пищевых предпочтениях.

-
1. *Артюх Л.Ф.* Народная кулинария // Украинцы. – М.: Наука, 2000.
 2. Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. – I. 1988. Д. 50-1, 50-2; Ф. – I. 2004. Д. 168-1.
 3. Архив музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. У-1, Д. У-2.

К.Ю. Гизиева

Сибирский филиал Российского института культурологии

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Перемены, возникающие в результате социального развития общества и научно-технического прогресса в двадцатом столетии, затронули все стороны жизни. Важные изменения коснулись и отношения большинства людей к смерти.

Обычно вопрос об отношении человека к смерти связывают с чувством страха, тревожного ожидания. Однако, как показывают исторические исследования, дело обстоит значительно сложнее. Образ смерти и отношение к нему человека претерпели значительные изменения на всем протяжении истории.

Когда-то смерть случалась чаще и больше была на виду. Люди умирали в раннем возрасте, смертность в любом возрасте была высокой, поэтому она мыслилась как естественное неизбежное явление, как завершающее жизнь событие. «Бог дал – Бог взял», – фраза, которая довольно чётко описывает отношение к смерти в этот период.

Сейчас же развивается страх перед смертью и самим её упоминанием. Это связано с тем, что человек на протяжении всей жизни сталкивается с событиями, которые формируют его отношение к смерти и влияют на него. Человек слышит, как смерть обсуждают дома и в средствах массовой информации. Аварии, болезни, техногенные катастрофы – всё это напоминает об уязвимости. Человеку свойственно стремление узнать свою судьбу, приоткрыть завесу будущего. С этим связано то, что люди начинают примечать всё, что предшествовало скоропостижной кончине, и панически бояться примет, предвещающих несчастье. Отношение к смерти как к чему-то страшному и неизбежному, вера в многочисленные приметы, касающиеся смерти, и отражение всех этих представлений в современном погребальном обряде – вот одна из культурных норм, характерных для современного городского сообщества.

С этим связано то, что тема смерти воплощена в целом цикле народных примет, гаданий, предсказаний, фатальных знамений. Их направленность – узнать причины и сущность смерти, освободиться

от страха перед ней, определить судьбу человека с тем, чтобы подготовиться к ней, активизировать в борьбе с ней свои действия. На этой почве расцветает доверчивое отношение к гадалкам и гаданиям [1, с. 210].

Суеверия вряд ли можно считать только исчезающими пережитками древних верований. Имеются данные, говорящие о том, что эти верования не только трансформируются, но и возрождаются в новых условиях, в реальной действительности находят почву для дальнейшего существования. Каждый конкретный случай, отдельные бытовые подробности жизни, на которые в обычное время никто не обращал внимания, при трагическом стечении обстоятельств задним числом приобретают символику знамения [2, с. 105–107].

Ещё одним показателем отношения к смерти являются надгробные эпитафии. Если несколько десятилетий назад родственники при написании эпитафий придерживались заданных, стандартных форм, слов, выражений, мыслей, то в последние 15 лет эпитафия стала, пожалуй, самым эффективным способом самовыражения скорби. Отсюда индивидуализация стиля и языка, поэтической формы, которая позволяет человеку лучше выразить искренние чувства [3, с. 22]. Прибегать к эпитафиям людей заставляет чувство покинутости в горе.

Явление смерти во все времена потрясало чувства и воображение людей, заставляло ещё раз обратиться к вопросу о цели и смысле жизни, назначении на земле, нравственном долге перед умершими и живыми. Всё это воплощено в приметах и предрассудках, в которых заложена попытка понять и объяснить причинно-следственные связи окружающего мира, предугадать будущее. А эпитафия помогает точнее выразить скорбь, и главное – надолго.

-
1. *Шевченко В.Ф.* Подготовка к смерти. Подготовка к погребению: (Опыт аналитического описания современного погребального обряда) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – М., 2002. – С. 206–213.
 2. *Полушкина А.Л.* Поверья, обряды и обычаи при рождении, браке, смерти. – Вятка, 1892.
 3. *Кукушкин В.Д.* Эпитафии. – Ярославль, 1991.

Д.С. Какенова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Основной момент в исследовании направлен на определение традиций и новаций, существующих в настоящее время в погребальном обряде казахов Омского Прииртышья. С принятием ислама на смену концепции возможного бегства от смерти пришла концепция неизбежности смерти. Изменилось представление о душе. Ранее казахи верили в три вида души: «шыбын жан», «ет жан» и «рухи жан». Сейчас под влиянием ислама душа понимается как нечто единое и неделимое.

Традиционным остается предсмертный этап, когда родственники проводят все необходимые действия: просят у умирающего прощения, выполняют его волю, читают молитвы, пытаются облегчить участь умирающего. В практических действиях в погребальном обряде казахов Омского Прииртышья наблюдается проявление новаций. Хотя и здесь следует отметить большую традиционность в последовательности действий, совершаемых над умершим после смерти. Например, традиционны действия, совершаемые над телом до дня похорон. Но существуют некоторые изменения. К примеру, ранее в доме умершего не готовили еду, в течение трех дней это запрещено. В настоящее время зачастую пищу готовят в доме умершего, если нет другой возможности. Кроме того, изменилось значение некоторых обрядов, совершаемых до похорон. Так, если ранее «конак асы» проводили для умершего, то сейчас он проводится для всех, кто пришел к умершему.

Обряды и действия, проводимые в день похорон, также претерпели некоторые изменения. Если ранее умершего хоронили в день смерти, то сейчас повсеместно хоронят на третий день. Произошли незначительные изменения и в таких обрядах, как обмывание умершего и оборачивание его в саван. Если ранее тело из дома выносили вперед ногами, то сейчас тело выносят головой вперед. В прежние времена существовал обряд «дауір» (искупление грехов), с приходом ислама он исчез. Однако традиционным осталось проведение обряда

«жаназы», одного из важнейших в цикле погребальной обрядности. В поминальном цикле также произошли изменения. В связи с тем, что человека хоронят на третий день, поминальный день «уші» проводится в день похорон.

А.А. Мусагажинова

Павлодарский государственный педагогический институт

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
КАЗАХОВ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XIII–XX ВВ.:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Одной из характерных черт культуры каждого народа является обрядовое оформление важнейших событий в жизни человека. Отмечая консерватизм всего комплекса семейной обрядности, необходимо подчеркнуть, что самым устойчивым является погребальный обряд. Рассматривая погребальный обряд казахов Павлодарского Прииртышья, мы можем утверждать, что сохранились многие традиционные элементы. Но на сегодняшний день заметно мощное воздействие на традиционную культуру процессов урбанизации, миграции, глобализации и других факторов. Также немаловажное значение имеет и смена поколений, сопровождающаяся неизбежной утратой части исторической и этнографической информации. Традиционные элементы сохранились в процессе обмытия, положения в могилу. Ряд элементов утратили первоначальное значение, некоторые со временем трансформировались, например, оплакивание, искупление грехов покойного.

В результате проведенной работы нами были получены следующие результаты.

1. Полученные археолого-этнографические материалы позволяют проводить сравнения погребальной обрядности населения изучаемого региона между двумя хронологическими блоками. Археологический комплекс Нового времени представлен тремя типами погребений, отражающих как древние, языческие традиции, так и мусульманские. Наличие заупокойной пищи, украшения-обереги, присутствие огня в погребальном ритуале указывают на преемственность в

погребальной обрядности с памятниками кыпчакского времени, исследованными в могильниках Ждановский, Акмола 11–12 вв. н.э. Наряду с доисламскими, ярко выражены черты мусульманской обрядности, которые проявляются в почти полном отсутствии инвентаря, остатков одежды, курганной насыпи, вытянутом труположении, ориентировке лицевого свода черепа на юг в сторону Кыблы. Этнографический комплекс также характеризуется наличием доисламских элементов и перекрывающей их ярко выраженной мусульманской традицией. Современный погребальный обряд характеризуется усилением мусульманских канонов, утверждением норм шариата, что в целом характерно для погребальной обрядности других территориальных групп казахов.

2. В археологических и этнографических материалах ярко выражен синкретизм языческих и мусульманских традиций, прослеживается преемственность в погребальном обряде. Между погребениями XVIII–XIX вв. и современными погребениями казахов имеются параллели в ориентировке и труположении погребенных, наличии специальных возвышений в изголовье могил, перекрытиях из дерева, в обряде аластау видны отголоски культа огня, следы которого зафиксированы в погребениях на некрополе «Калбасунской башни».

3. Наличие связей и преемственности между археологическими и этнографическими материалами позволяет объединить их в один этнографо-археологический комплекс, характеризующий погребальный обряд среднеиртышской группы казахов Среднего Жуза в XVIII–XX вв.

4. Дальнейшее изучение погребального обряда и других сторон материальной и духовной культуры казахов методами археологического и этнографического исследования позволит более комплексно изучать культурно-исторические процессы и будет способствовать созданию целостной и объективной картины развития культуры населения Павлодарского Прииртышья с древнейших времен до наших дней.

М.А. Вятчина

Казанский федеральный университет

**«ВОТ ТАКИЕ МЫ СУББОТНИКИ, НЕПОНЯТНЫЕ КАКИЕ-ТО»:
К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ СУББОТНИКОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ***

Субботники представляют собой пример текстуального сообщества, жизнь которого была полностью регламентирована «Книгой» (как они сами называли Ветхий Завет). Разные наименования собственной группы: геры, молокане, караимы, субботники или «люди Моисеева закона» – затрудняли и затрудняют коммуникации между отдельными общинами. Современная культура субботников поселка Приморский Волгоградской области, бывшего еврейского колхоза «Сталиндорф», опирается в процессе поиска собственной идентичности на устные нарративы (старожилы и «знающих» людей), отрывочные и интерпретированные тексты из краеведческой литературы (представленные в школьной экспозиции) и даже на фрагменты бесед из исследовательских практик. Существование субботнической (в значении «близкой к еврейской») традиции в поселке объясняется множеством фактов: «Тут же вот раньше жили евреи» (не совсем понятно, апеллируют интервьюеры ко временам Хазарского каганата или вспоминают истоки еврейского колхоза, созданного в 1931 г.); отмечается даже примерный промежуток в генеалогическом контексте: «Это когда прабабушка бабушки, это они приняли веру...»; высказывается версия «родства»: «Может и были предки евреями...».

На данном примере можно проследить, как появление антропологов в сообществе выступает неким инструментом активизации идентичности. В конечном итоге попытки объяснить наличие отличной от русской-казацкой-православной идентичности сводится к вопрошанию самих себя и упованию на несоответствие «закону предков». Однако при всем вышесказанном присутствие элементов иудаизма в русском сельском быту приводит к акцентированию

* По материалам полевой школы по антропологии религии 2011 года Центра «Сэфер».

внимания на данном аспекте, например, через функционирование в местном лексиконе выражений «казаки иерусалимские», «шалом, казаки!» и «Новый Иерусалим».

Н.Н. Везнер

Сибирский филиал Российского института культурологии

НЕМЕЦКАЯ ХОРЕОГРАФИЯ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Вторую треть XX в. можно считать временем, когда в народной хореографии немцев Омской области стали отчетливо проявляться изменения. Это связано прежде всего с влиянием массовой культуры. Благодаря внешнему воздействию на традиционную культуру расширяется танцевальный репертуар. На протяжении долгого времени народные танцы исполнялись в том виде, в котором они бытовали на территории Германии в момент переселения немцев в Россию. Но во второй трети XX в. в традиционных танцах стали появляться элементы русских танцев, танцев других народов, городских танцев.

В условиях проживания в диаспоре российские немцы сохранили танцы, исполняемые немецкими переселенцами в XVIII–XIX вв., такие как «лендлер», «шляйфер», «кераус», «гефатер», «тройге» и «думкопф».

Особый пласт народной хореографической культуры немцев Омской области составляют народные танцы, имеющие европейское происхождение, такие как различные виды вальса, польки и кадрили. Непосредственно под влиянием массовой культуры в народный танец проникают такие танцы, как «падекатр», «падеграс», «падеспань», «падетруа», «краковяк», «танго», «фокстрот», «цыганочка». Также появляются танцы, заимствованные частично или полностью у русских, такие как «Дунька с выходом» и «Жемчуг». Уже на рубеже веков в народном танце появляются композиции, созданные хореогра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнография современной диаспоры (на примере немцев Сибири)», проект № 11-31-00213а1.

фами, которые исполняются на сцене во время различных праздников. К таким композициям относятся «вашефрау», «кукуруза».

Большое влияние на развитие народных танцев немцев Омской области оказало межэтническое взаимодействие. В одних селах к традиционным танцам добавляются новые элементы, привнесенные из культуры других народов, а в других, наоборот, сохраняются национальные композиции, не допускается влияния хореографической культуры извне. Это зависит прежде всего от того, кто является этническими соседями немцев. Например, непосредственные контакты с русскими привели к взаимовлиянию двух культур. Немцы исполняют некоторые русские танцы, полностью заимствуя их. Влияние русских танцев на танцевальную культуру немцев Омской области также заметно по появлению несвойственной в бытовом исполнении для традиционной немецкой хореографии сольной пляски. Межэтнические контакты немцев и русских привели к тому, что и в русских кадрильных композициях появились некоторые фигуры вальса и польки, а также новые положения рук, такие как «воротца», «окошечки» и др.

Контакты с другими народами также оказали определенное влияние на немецкие танцы. Так, в народных танцах немцев с. Литковка в результате влияния польской народной хореографии появились заключения. В с. Цветнополе совместное проживание эстонцев с немцами способствовало сохранению в танцах традиционных рисунков, положений рук, а также появлению новой манеры исполнения «хопса-польки» – без продвижения по площадке.

Традиционные танцы имеют наибольшую устойчивость, сохраняют обрядовое и бытовое значение, хотя в современной народной хореографии наблюдается «перетекание» танцев из одной группы в другую. Народный танец немцев Омской области, изменяясь, сохраняет традиционное исполнение немецких композиций. Изменения, произошедшие на протяжении исследуемого нами периода, позволяют говорить о самобытной манере исполнения народных танцев и о сложившемся новом виде хореографии – народном танце немцев Омской области, на формирование и развитие которого повлияли многочисленные факторы.

ПРОБЛЕМА НАРОДНОСТИ ГИТАРЫ КАК МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА

Проблема определения статуса гитары как русского народного инструмента как в обывательской, так и профессиональной среде является одной из самых спорных в музыковедении. Поиски национальной самобытности, национальной идентификации в истории отечественного музыкознания не новы. В исследованиях, посвященных истории развития в России гитары, скрипки, арфы, фортепиано, отмечается огромное значение русской народной музыки для формирования отечественной исполнительской и композиторской школ [1, с. 9].

Осознание своих национальных истоков является естественной необходимостью для любого инструменталиста. Более того, теоретическая мысль, обращенная к современной отечественной музыке, приходит к выводу о том, что «в настоящей художественно полноценной музыке должны присутствовать национальные элементы, иначе она обречена на вымирание» [2, с. 16].

Бытование гитары как народного инструмента зависит от того, какого рода музыкальный материал ею представлен. Как показывает практика, часто она развивает характерные черты англо-американской и латиноамериканской популярной музыки. Но не менее часто она выступает именно как русский народный инструмент, развивающий отечественные музыкальные традиции, особенно связанные с русским романсом [3, с. 20].

В составленной мною анкете по изучению гитары как культурного феномена современности был ряд вопросов о народном статусе гитары.

Подавляющее большинство респондентов в возрасте от 15 до 20 и старше 30 лет (56 и 66 % соответственно) считают гитару именно русским народным инструментом. Многие из них вкладывали в понятие «народный инструмент» несколько иное содержание, подразумевали под ним степень распространенности инструмента в обществе, любовь и признание его русским народом: «В компании гитарист играет для всех, то есть для народа, раньше под гитару исполняли ро-

мансы, а теперь и многие другие жанры (бардовские, этнические, армейские, классика и даже рок)» [4]. Лишь немногие подчеркивали именно испанское происхождение гитары, называя её испанским народным инструментом: «Да, считаю, но для определенного народа, например цыгане и испанцы» [5], «Пожалуй, ни в одной стране мира гитара не приобрела такую популярность, как в Испании» [6].

Проблема народности гитары

Вопросы	Возраст		
	15–20	20–30	30 и более
1. Считаете ли вы шестиструнную гитару народным инструментом?			
<i>Да. Русским народным инструментом</i>	9	14	6
<i>Да. Испанским народным инструментом</i>	3	8	1
<i>Нет</i>	4	7	2
2. Можно ли на гитаре играть русскую народную музыку?			
<i>Да</i>	14	25	8
<i>Нет</i>	1	4	–

Составлено по: Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 203. 53 л. (материалы анкетирования «Гитара как культурный феномен современности»).

Итак, проблема признания гитары в качестве народного инструмента очень актуальна в наши дни и вызывает многочисленные споры как среди ученых-музыковедов, так и среди самих музыкантов. Мнения музыкантов-профессионалов и исследователей-искусствоведов разделяются: одни утверждают, что гитара – это народный инструмент в силу своего происхождения и узости классического репертуара, написанного для неё, другие утверждают, что гитара давно заслужила место среди академических инструментов за рубежом, и только в России не желают признать её истинный статус. Однако в непрофессиональной среде достаточно сильно представление о гитаре как о русском народном инструменте в связи с его широкими музыкальными возможностями и высокой распространенностью в народной среде.

1. *Имханицкий М.И.* Сколь народны народные инструменты? // Народник [Москва]. – 1998 – № 1. – С. 9–12.
2. *Долинская Е.* О русской музыке XX века (60–90-е годы). – М.: Композитор, 2003.

3. *Долинская Е.* О русской музыке XX века (60–90-е годы). – М.: Композитор, 2003.
4. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 203. Л. 5об.
5. Там же. Л. 24об.
6. Там же. Л. 4об.

С.С. Ярошинская

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КАЗАХСТАНОМ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Одним из важных социальных процессов, оказывающих существенное влияние на облик государства, является этническая миграция. Она оказывает непосредственное влияние на демографические и территориальные позиции этнических групп. Не случайно изучение механизмов и тенденций этнических миграций привлекает всё большее внимание ученых.

Общественно-политическая и социально-экономическая обстановка 1990-х гг. в России и Казахстане подняла с места огромные массы населения, устремившегося на новые места в поисках лучшей доли и своего места в изменившемся обществе. Межнациональная напряжённость приводила к переселению русских и казахов на свою историческую родину, тяжёлое экономическое положение вынуждало людей искать средства для жизни в чужих землях. В российско-казахстанском пограничье миграционные потоки пересекали границы и в ту и в другую сторону, достигая в отдельные периоды значительных размеров [1].

Определяющим миграционным трендом на постсоветском пространстве в 1990-е гг. стало возвращение русских из бывших союзных республик, в том числе и из Казахстана. Доля Казахстана в общем объеме чистой миграции составила 33, 3%. Выезд из России в Казахстан сокращался более стремительно, чем въезд. К 2000 г. выезд упал до крайне низкого уровня. В настоящее время выезд из России в Казахстан практически прекратился.

С конца 1990-х гг. по настоящее время в Казахстане снижаются масштабы и интенсивность миграции населения. Миграционная си-

туация последних лет характеризуется снижением интенсивности эмиграции и увеличением иммиграции, что впервые за многие годы привело к положительному сальдо внешней миграции.

В настоящее время в отношениях между Россией и Казахстаном всё большее значение приобретают приграничные (фронтьерские) миграции, которые чаще всего совершаются с целью посещения родственников, решения конкретных проблем, поездки культурного или туристского характера практически отсутствуют. Трудовая миграция является одной из основных форм приграничных перемещений.

-
1. *Ларина Е.И., Наумова О.Б.* Атамекен – земля отцов: казахская миграция российско-казахстанского пограничья и формирование национальной идеи Казахстана: сайт. – URL: <http://www.evrazia.org>. (дата обращения 3.05.2011)

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

А.Ф. Назарова

Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва

ПОПУЛЯЦИОННАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ГЕНЕТИКА РУССКИХ

Метисация русских с окружающими этносами достаточно широко шла в предшествующие эпохи, продолжается она и в настоящее время. Мы провели генеалогический анализ выборки лиц русской национальности из населения Москвы. Из выборки в 41 человек у 12 (или у 29, 3%) в трех ближайших поколениях происходила метисация с представителями других этносов. Наиболее часто встречается метисация с украинцами, поляками, немцами, белорусами, представителями народов Кавказа и Средней Азии.

Мы определили группы крови АВ0 и резус в этой выборке. У лиц с метисным происхождением повышена частота групп крови В и АВ и повышена доля резус-отрицательных лиц. Повышена немного оказалась частота лиц с гетерозиготным фенотипом гаптоглобина 1-2, фенотип сывороточной холинэстеразы С5+ у метисов отсутствовал, а у остальных лиц из выборки был выявлен с частотой 6 %, что сопоставимо с частотой С5+ фенотипа в Московской популяции, ранее изученной нами.

Мы вычислили среднюю гетерозиготность московской выборки русских, она равна 0,21032, что несколько ниже таковой обобщенной русской популяции.

Мы исследовали полиморфизм белков, ферментов и групп крови русских: гаптоглобина, трансферрина, группоспецифического белка, альбумина, супероксиддисмутазы, лактатдегидрогеназы А и В, малатдегидрогеназы, С-3 компонента комплемента, глиоксалазы 1, групп крови АВ0, карбоангидразы 1 и 2, холинэстеразы сыворотки крови и ряда других маркеров. Вычислили средние частоты генов русской популяции по своим данным и данным других авторов. В общем, средние

частоты генов русских находятся в пределах таковых европеоидных популяций. Вычисление нами генетических расстояний русских до других этносов и построение древ показало, что наиболее близки к русским поляки, достаточно близки финны и немцы, а наиболее далеки монголы, китайцы и обобщенная популяция монголоидов.

В целом можно сказать, что русский этнос относится к типично европеоидным, средняя гетерозиготность его достаточно высока. Метисация русских происходила и происходит наиболее часто с представителями других европеоидных этносов.

И.П. Кулакова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ОПЫТ ЧТЕНИЯ СПЕЦКУРСА)

В условиях глобализации национально-цивилизационная составляющая российской идентичности приобретает особое значение [1]. Россия, с одной стороны, являющаяся цивилизацией «пограничного» типа, с другой – является полиэтничным государством с исторически доминирующей (нациеобразующей) русской культурой. На истфаке МГУ студенты знакомятся с русской культурой в рамках общих курсов этнологии и отечественной истории, а специализирующиеся по кафедрам отечественной истории слушают курс истории русской культуры (IX–XVIII вв.), призванный дать общее представление о тенденциях развития культуры. Нами разработан семестровый спецкурс, дополняющий последний, – «Культурные практики Древней Руси и России раннего Нового времени». В основу положено рассмотрение *развития культурных практик* как важнейшего элемента в системе репродукции культурных смыслов на большом отрезке времени (с древнейших времен до начала XIX в.).

Помимо ознакомления студентов с богатством форм русской культуры этот подход позволяет решить ряд дополнительных задач, например, связать материал, который студенты получают при слушании курсов по этнологии, с материалом по культурной истории позднего средневековья и раннего Нового времени, т. е. продемонстрировать

студентам механизмы функционирования, трансляции, преемственности, сосуществования традиционных и новых культурных практик.

Российское общество пережило несколько культурных «словом», поэтому принципиальное значение для понимания российской цивилизационной специфики имеют знания о механизмах преемственности практик, *через которые* русская (российская) культура, эволюционируя, воспроизводила себя заново (при сохранении духовно-ценностного ядра) – от ритуалов языческой архаики, через этап христианизации к инновациям XVII–XVIII вв. Особый интерес представляет период модернизационного рывка, начавшегося в России в 18 столетии, когда при сохранении прежней внешней формы практика могла наполняться иным содержанием (или, наоборот, иногда под новыми, привнесенными формами скрывалось старое содержание).

Ещё одна цель курса – на конкретных примерах показать, какова специфика функционирования практик на разных «этажах» российского общества. Используются объяснительные модели, которые предлагают не только история, но и сопредельные с ней дисциплины – этнология, культурология и культурная социология (таким образом, теория культуры оказывается «развернута» на конкретном материале по истории культуры [2]).

Мы не ставим перед собой задачи дать в рамках семестрового курса обзор всех практик, выделяя лишь важнейшие сферы, большие группы (при том, что в одной практике всегда присутствуют моменты других): 1) Обрядово-зрелищные и коммуникативные; 2) Музыкальные, танцевальные и певческие; 3) Игровые, состязательные и перформативные; развлечения; генезис спорта; 4) Культурные практики передвижения (от хождений к путешествиям; прогулка как практика Нового времени); 5) Познавательные (от традиционного «вежества» к научным практикам XVIII века); 6) Практики литературного творчества (от устной культуры древности до литературы Нового времени); 7) Художественные; 8) Культурные практики повседневности.

При выборе групп практик предпочтение отдано тем сферам опыта, через которые *человек* в наибольшей степени выражал себя, реализуя природные способности и потребности – в общении, релаксации, самореализации, оформлении эмоций, стремлении познать мир, гармонизировать окружающее пространство. Понятно, что рассмотренные системы практик – лишь один срез русской/российской культуры. Однако данный подход позволяет проблематизировать культурную составляющую идентичности, привлечь внимание к традиции, преем-

ственности и разрывам, связанным с модернизацией. Постановка проблемы позволяет выявить общие коммуникативные функции культуры – это актуально именно сегодня, когда акцент смещается с изучения культурных артефактов на анализ роли коммуникационных связей.

-
1. *Пантин В.И., Семенов И.С.* Проблемы идентичности и российская модернизация // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. – М., 2004.
 2. *Зверева Г.И.* Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов: сб. ст. – М., 2001. – С. 11–20.

П.А. Ремнев

Сибирский филиал Российского института культурологии

**АЛЕКСАНДР I В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА:
КОНСТРУКЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРЯ**

Изучение формирования национальных идентичностей на современном этапе развития исторической науки не представляется возможным без изучения образов, конструирующихся в восприятии различных социальных групп. Устойчивые, сформированные образы оказывают прямое воздействие на формирование идентичностей на самых разных уровнях. Чтобы иметь более полное представление о механизме формирования национальных идентичностей, в частности русской идентичности, особенно важно обратиться к историческим корням, к процессам и механизмам формирования ментальных конструкций, самой важной из которых представляется образ. Образ, в данном случае монархии и монарха, формирующийся в коллективных представлениях, является ключом к пониманию многих исторических и политических процессов, позволяет более полно осветить различные исторические события, обнаружить их социальные и ментальные предпосылки. Образ монархии является не только ментальной конструкцией, присутствующей в латентном виде в правительственной политике, в законодательной деятельности, в повседневной жизни и т. д., но и государст-

венным символом, носящим вполне определенные функции, – объединяющую, сакральную, военную, политическую. В конечном счете образ, формирующийся в восприятии элиты, наряду с другими факторами, являлся реальной побуждающей силой различных исторических и социальных процессов. Образ монарха, в данном случае Александра I, является неотъемлемой составной частью образа российской монархии. Более того, на практике в первой четверти XIX в. образ монархии, образ монарха и образ Александра I сливались в единое неделимое целое, и могли реконструироваться на основе различных аутентичных текстов и исторических фактов. Обращаясь к конкретным историческим условиям первой четверти XIX в., нельзя не отметить, что российская монархия и Александр I должны были одновременно разрешать трудно реализуемые на практике задачи: сохранить реформаторские традиции екатерининского царствования, положительно оцениваемые российским дворянством, и ревизовать принципы европейского Просвещения; курс на модернизацию империи должен был гибко сочетаться с неизбежностью самодержавных начал; либеральные реформы предполагалось проводить в стране, политическая элита которой по большей части не готова была к восприятию либеральных ценностей. Образ монархии и монарха в этих условиях неминуемо усложнялся, получал новые, невиданные в русской истории качества. Их изучение позволит глубже и тоньше осмыслить все противоречивые черты эпохи, непоследовательность правительственной политики, истоки формирования особой национальной идентичности в различных социальных группах.

А.А. Кружалина

Иркутский государственный университет

«ЕДИНСТВО» КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР РЕШЕНИЯ «СЛАВЯНСКОГО ВОПРОСА» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТЕОРИЯХ РОССИЙСКИХ ДЕМОКРАТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

На протяжении всего XIX столетия, в связи с волнениями на Польских территориях, «славянский вопрос» в России наиболее остро заявил о себе. Русская демократическая общественность мгновенно отреагировала на происходящие события, а выдающиеся мыслители

активно занялись разработкой идей и проектов по решению назревших противоречий.

Среди большого количества разработок и идей особую группу составляют разного рода проекты «Всеславянских федераций», основной идеей которых было единение славянского мира под эгидой могущественной сильной государственности. «Единство» в данном контексте рассматривалось, с одной стороны, как разрешение и усмирение воинственных противоречий между братьями славянами; с другой – как идеологическое и законодательное подтверждение превосходства России над прочими славянскими государственными образованиями, потому как практически все авторы подобного рода проектов предусматривали сохранение роли лидера за Россией.

Пожалуй, первый интересный и значимый проект подобного рода был создан членами «Общества соединенных славян» братьями Петром Ивановичем и Андреем Ивановичем Борисовыми. В нём Петр Иванович заявляет, что «цель Соединенных Славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом», однако далее признавал, что «верных средств они к тому не имели».

Подхватив уже высказанную до них декабристами и некоторыми государственными деятелями идею российского федерализма, революционеры середины XIX в. развили и подкрепили её новыми программами. Петрашевцы высказывались за федеративное устройство будущей России, при котором народам будет дана широкая автономия. Анархист М.А. Бакунин предлагал создать Всеславянскую Федерацию, где союз должен сочетаться с независимостью каждого народа.

Стремясь к улучшению жизни народов, представители демократического движения в России XIX в. расходились не во многом, главное их разногласие в том, что одни придавали большее значение «договору» и «соединению», а другие стремились к полной «свободе» и «равенству» всех национальностей. Объединяло же их, бесспорно, отрицание централизации, захватничества и русификации. Анализируя всё вышеописанное, важно отметить, что все они исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития «национальных окраин» Российской империи; приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Украины, Сибири), причём многими признавалась возможность их сохранения в составе России; кроме того, в своих концепциях представители общественной мысли во многом опирались на исторические разработки, призванные обосновать их притязания существующими традициями, начиная со времен Древней Руси.

Однако, что зачастую признавали и сами мыслители, практическая реализация рассмотренных проектов в условиях окружающей их действительности была невозможной и получила обоснованный шанс на существование лишь после крушения империи.

М.А. Кобылецкий

Омский государственный педагогический университет

ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС: РУССКОЕ И АБОРИГЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ТРУДАХ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

Начавшаяся с конца XVI в. колонизация Сибири русским населением, несомненно, накладывала отпечаток не только на колонизируемые этносы Сибири, но и на самих «колонизаторов» в плане сохранения культурной и этнической идентификации.

С течением времени, на наш взгляд, уместно говорить о складывании двух направлений в инородческом вопросе: во-первых, это отношение к аборигенному населению русских колонистов и, во-вторых, складывание особой этнической общности – сибиряков, в основе которой был русский компонент, но который в связи с продолжительной жизнью в Сибири утратил «русские корни».

На эти два направления в проблеме инородцев в Сибири указывали деятели областничества, в частности Н.М. Ядринцев [1; 2].

Красной нитью в работах Н.М. Ядринцева проходит мысль о том, что русскому населению Сибири необходимо более толерантно относиться к местным этносам, поскольку это население могло бы способствовать более быстрой адаптации нового пришлого населения. Так, Н.М. Ядринцев отмечал, что «со стороны Русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни системы инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайные, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось, и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях, здесь совершенно устранялась» [2, с. 233]. Он призывал к тому, что нельзя нести в первобытный

край (т. е. Сибирь) цивилизацию и культуру и вместе с тем разрушать и эксплуатировать культуру аборигенного населения.

Конечно, в процессе продвижения русского населения в Сибири налаживались контакты его с местным населением, происходила постепенная ассимиляция различных культур, этому способствовали различные факторы, такие как: проживание в непосредственной близости друг от друга, причем в течение длительного времени, смешанные браки, взаимное обогащение культур.

Данные процессы привели к складыванию особого сибирского «областного типа», который по своей сути, как отмечал Н.М. Ядринцев, был оторван от русской культуры и, таким образом, воспринимался, по нашему мнению, в Европейской России как инородческий.

Вместе с этим существовало стремление к сохранению русской культуры, которая, по мнению Н.М. Ядринцева, сохранится только в результате просвещения народа, создания собственной интеллигенции.

Итак, первоначально для Сибири были характерны процессы сложения единого русского общества, которое осознавало себя частью русской нации. Однако после начала массовых переселений в Сибирь русских из европейских губерний, что вызвало столкновение культурных традиций сибиряков и «новоселов», быстрыми темпами стала формироваться идентичность сибирских старожилов.

-
1. *Ядринцев Н.М.* Сочинения. Т. 1: Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее. – Тюмень, 2000.
 2. *Его же.* Сочинения. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – Тюмень, 2000.

М.А. Коркина

Омский государственный педагогический университет

ЮБИЛЕЙНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА II ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОФИЦИАЛЬНАЯ РИТОРИКА

Роль Александра II и его преобразований в истории становления государственной политики и общественной жизни Российской империи во второй половине XIX в. трудно переоценить так же, как и

дать ей однозначную интерпретацию. Как отмечают в своих трудах Р. Уортман, С.И. Григорьев, Б. Колоницкий и др. ученые [1, с. 39; 2, с. 8-34; 3], расшифровка риторических образов монарха становится важной задачей для современных исследователей и способствует ориентации на выявление новых источников и новых смыслов уже давно знакомых фактов. Известно, что в истории политического развития Российской империи до 1917 г. монархия представляла собой отдельный социальный институт, обладающий собственной политической и праздничной культурой. В ней существовали свои господствующие мифы и образы правителя, которые проявились в разных церемониальных и символических формах репрезентации власти. Одним из таких способов демонстрации императорской власти были мероприятия, посвященные юбилейным датам царствования и реформ Александра II.

В нашем исследовании мы ставим перед собой задачу выявить, какой образ Александра II конструировался через официальные юбилейные репрезентации и общий политический курс в пореформенной России, с помощью каких риторических формул и политических идей формировалась национальная и мировоззренческая идентичность российской общественности во второй половине XIX столетия. Мы предполагаем, что официальная идеология и репрезентация власти во многом как предопределила восприятие образа царя-освободителя и его преобразований разными политическими и социальными группами, так и утвердила для них желательный сценарий и идейный контекст юбилейных мероприятий, посвященных датам Великих реформ и памяти Александра II.

К основным источникам, используемым в данной работе, относятся публикации периодической печати консервативной и официальной направленности, официальные поздравления и торжественные речи на государственных мероприятиях, посвященных юбилейным датам александровской эпохи, источники личного происхождения представителей консервативной общественности поздней имперской России.

Отметим вслед за исследователем юбилейной культуры К.Н. Цимбаевым [4], что официальный юбилей всегда ориентирован на событие, имеющее особую историческую значимость для государства и поддерживающее государственную идеологию. Именно на примере празднования юбилеев правления царя-освободителя и реформ 1860-х гг. можно проследить, как в политике использовался

символический потенциал юбилейных церемоний, демонстрировалась ценность и «укорененность» в русской жизни «православия, самодержавия и народности», давалась оценка внутривосточной ситуации, а также обозначался круг «врагов» империи в текущий период её развития.

-
1. *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти. – СПб., 2007.
 2. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М., 2010.
 3. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. – М., 2005.
 4. *Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 454–484.

И.В. Белоконь

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ А.Н. КУРОПАТКИНА**

В условиях трансформации мирового сообщества, глобального перераспределения ресурсов и сфер влияния возрастает роль геополитических факторов для каждого государства. В этой связи актуально более глубокое изучение роли современной России на Дальнем Востоке и Центральной Азии в контексте исторического опыта второй половины XIX – начала XX в., когда активизировалась её политика в этих регионах. Продвижение Российской империи вглубь Азии и на Дальний Восток зачастую воспринималось современниками как стихийный процесс. За решением первоначальных военно-политических задач неизбежно следовали задачи административного обустройства, а затем последовательной интеграции региона в государственную и социально-экономическую структуру Российской империи. Укрепляя свои окраины, Россия стремилась противостоять действиям враждеб-

ных государств, а также получить территориальные преимущества в случае возможных военных действий.

Одним из идеологов усиления российского влияния на центрально-азиатских и дальневосточных направлениях был Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925). Генерал от инфантерии, военный министр России в 1889–1904 гг., действительный член Императорского Российского географического общества, автор фундаментальных трудов по военной истории, статистике, многочисленных военно-географических работ [1, с. 348–353]. Пребывая на посту начальника Закаспийской области (1890–1898 гг.), А.Н. Куропаткин зарекомендовал себя инициативным и умелым администратором. Под его руководством в крае произошли позитивные социально-экономические преобразования, среднеазиатские окраины постепенно начали интегрироваться в общероссийскую административно-хозяйственную систему. Учитывая большой опыт освоения новых территорий и знание национальных особенностей Туркестана, в 1916 г., когда тот оказался охвачен мощным восстанием, А.Н. Куропаткин был назначен туркестанским генерал-губернатором, приняв на себя задачу стабилизации положения в среднеазиатских владениях и укрепления там русской власти. А.Н. Куропаткин, несомненно, оказал заметное влияние на теоретическую разработку имперской идеологии продвижения России в Азию. Подготовил рекомендации по обустройству и защите российских владений в Средней Азии и дальневосточных окраин, осуществил прогнозирование будущего мирового порядка с учетом в нём места России. Его политические взгляды и рекомендации по осуществлению национальной политики, геополитические проекты, в частности изменение очертаний русско-китайской границы, представляют и сегодня весомый научно-практический интерес.

-
1. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917: библиографический справочник. – СПб., 2001.

Л.П. Нода

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

ПАРАДИГМА КОЛОНИЗАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕССЕ

Жители суверенного Казахстана хотят знать историю своей Родины целиком, без прикрас. На протяжении многих лет отдельные, более удобные для партийных функционеров темы и отрезки исторического прошлого освещались в исторической литературе и публицистике в должной мере. Целые направления в истории страны и государства выпадали из поля зрения исследователей или трактовались самым непреложным образом. Именно поэтому темы, связанные с проблемами колонизации как Казахстана, так и других окраин всей бывшей империи, выдвигаются сейчас на первый план.

Особую роль в пропаганде, поддержке и укреплении колониального режима царского правительства на огромных просторах империи играла периодическая печать – газеты, журналы, бюллетени, а также сборники, издававшиеся на территории России, чаще всего в Москве и Петербурге, писавшие о жизни и проблемах людей, населявших окраины огромной страны. Именно журналистика участвовала в формировании исторического сознания масс – представлений об историческом процессе возникновения, становления и развития человеческого общества, различных стран и народов, экономики и культуры, науки и техники, о самых различных явлениях жизни прошлого, его связях с настоящим и будущим. Даже при самом добром отношении авторов к местным жителям отдельные публикации газет и журналов содержат оттенки пренебрежения к жителям окраин, упоение прогрессивной миссией России. Большинство авторов были несвободны в своих взглядах: проповедуемая «добровольность присоединения», «вхождения в состав Российского государства» и, соответственно, прогрессивное значение этого акта доминировали над объективным, взвешенным анализом исторического процесса.

Дореволюционные публицисты были уверены в своей правоте, для их статей характерны безапелляционность выкладок, сочетание рассуждений с некоторой агрессивностью, не оставляющие места для другого мнения. Необходимо отметить коренное отличие средств

массовой информации советского периода и русской дореволюционной прессы как в освещении исторических проблем, так и в пропаганде преобразовательной роли правительств на окраинах России. Советские СМИ, действуя в тоталитарном режиме, всячески старались затушевать имперские цели, одновременно обрушивая на народ поток лжи об историческом прошлом целых поколений, пропагандистски приукрашивая существующую действительность. Русская дореволюционная периодика, преследуя те же цели угнетения национальных меньшинств, была более правдивой, не скрывала своих целей. Имевшая установку на всестороннюю пропаганду захватнических действий центра на окраинах, периодика России писала о колониальных планах и действиях правительства. Проблемы, поднимаемые столичными изданиями, охватывали широкий круг аспектов, главнейшими из которых были колонизация и переселенческий процесс.

Н.М. Галимуллина

Казанский государственный технический университет

им. А.Н. Туполева

ПРОПАГАНДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ СССР (1941–1945 ГГ.)

В периоды испытаний, сложные для государства в целом и для отдельного человека, необходимость ощущать себя частью целого возрастает. На подобном противопоставлении «мы» – «они» строится пропаганда в военные годы, когда коммуникационные усилия направляются, с одной стороны, на развитие патриотизма граждан страны, с другой – на формирование образа «врага». Наряду с этим в пропаганде СССР можно наблюдать и особое внимание к нерусским народам. Учитывая значительное количество лиц, не владеющих русским языком, как в тылу, так и в армии, часть пропагандистских материалов дублировалась, например, статьи И.Г. Эренбурга «Верный выход», «Убей», «Отобьем», «Вперед», «Суд скорый и правый» были напечатаны на татарском, армянском, башкирском, грузинском языках. Второй уровень учета полиэтничности, и как следствие, фактор развития этнической идентичности – создание специальных пропа-

гандистских текстов с учетом этнических стереотипов. Внимание на те или иные этносы и их вклад в приближение победы обращалось и в публикациях «Казахи», «Узбеки», «Евреи», «Татары», «Красноармеец – сын Казахстана», в фильмах «Мост», «Сын Таджикистана».

Большую роль сыграли письма-обращения азербайджанского, узбекского, туркменского, армянского и других народов бойцам-фронтовикам и ответные письма бойцов и командиров к себе на родину (например, «...Мы фронтовики – дети татарского народа, рады выполнить наш долг перед вами...»)

Всё перечисленное не могло не оказать влияния на развитие этнической идентичности. Так, основываясь на анализе 2 500 писем фронтовиков Татарстана военного периода, А.Ю. Иванов указывает, что «особое место занимает определенное, но далеко не всегда четкое разграничение понятий “советский народ”, “татарский народ”. Письма, в которых присутствует понятие “татарский народ”, составляют примерно 5 %» [1, с. 122].

-
1. *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: (по материалам Республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009.

А.С. Иванов

Сургутский государственный университет

**КАЛМЫКИ В СИБИРИ (1944–1956 ГГ.):
СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ**

К февралю 1944 г. в Сибирь было выселено более 90 тысяч калмыков [1, с. 59].

Трансформационные процессы этнического сознания, происходившие в годы депортации, определили внутри поколения, пережившего депортацию, две группы. Первую составили люди, депортированные в зрелом возрасте, обладавшие определенным этническим самосознанием. Вторую составляли те, кто был вывезен в Сибирь в малолетнем возрасте [2, с. 322].

Адаптация к условиям спецпоселения была невозможна без отказа от старых ценностей, норм, разрушения традиционной калмыцкой семьи. Этот процесс происходил в ходе выработки стратегий выживания, одной из которых стало изменение гендерных ролей в семье, обучение новым видам деятельности (рыболовству, работе на лесоповале и др.), нормам специального режима, правилам поведения в иноэтничном окружении в условиях особого режима.

Прибывшие спецпереселенцы оказались в совершенно иной этнокультурной среде, налаживание контактов с местным населением осложнялось тем, что большинство калмыков не знали русского языка. В условиях депортации выросло поколение калмыцких детей, для которых первым языком стал русский. Русский язык стал языком выживания, условием установления нормальных отношений с другими этносами [3, с. 52]. В результате после отмены режима спецпоселения (по переписи населения 1959 г.) среди калмыков, которые проживали в Калмыцкой АССР, каждый десятый назвал родным языком не калмыцкий [4, с. 258]. Среди оставшихся в Сибири, после снятия ограничений, доля не владевших языком была более значительна. Так, не владели национальным языком в Омской области 25, а в Тюменской 31 % калмыков [5].

Депортация и спецпоселение привели к сбою в ценностях, чувствах и самоидентификации калмыков, обусловили появление чувства неполноценности народа, создали угрозу утраты этнической идентичности.

-
1. *Убушаев В.Б.* «Калмыки. Выселение и возвращение». – Элиста, 1991.
 2. *Бичеев Б.А.* Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2005.
 3. *Гучинова Э.-Б.* Ритуальная жизнь калмыков на фоне советской власти // Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. – М., 1993.
 4. *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. – Элиста, 2007.
 5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а. Л. 126; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566в. Л. 53.

О.В. Тюфякова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА)

В данной работе анализируется связь юмора и политики, в частности, выявляется роль политического анекдота в жизни общества. Изучение юмора в различных его проявлениях, будь то шутки или анекдоты, необходимо для определения истинности общественного мнения.

К такому выводу мы приходим благодаря изучению понятий и функций юмора, а также используя неформализованный анализ текстовых данных. Полученные данные о юморе могут быть использованы при изучении сплоченности или дифференциации отдельных групп, при анализе отношения населения к власти в целом или к её отдельным действиям. Данное исследование специализировалось на установлении отношения советского общества к политическому строю периода 1923–1956 гг. посредством изучения распространенных анекдотов того времени.

Политический анекдот позволяет лучше понять состояние общества, он дает нам возможность более детально охарактеризовать рассматриваемый исторический период и, как ничто другое, помогает понять реакцию общества на политические и социальные изменения. Политический анекдот как социальный феномен искренен по своей сути, он скрывает автора, он менее всего подвержен цензуре, что, по нашему мнению, наиболее ценно. Он несет в себе своеобразную память о прошедшем восприятии и общественной саморефлексии, это, несомненно, является крайне ценным для исследователя.

С.М. Кинка

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

ЗАКАТ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ БАЛТИИ (КОНЕЦ 1980-Х – НАЧ. 1990-Х ГГ.)

На протяжении 1940–1991 гг. три балтийские республики находились в составе СССР. В течение послевоенных десятилетий сформировалось поколение коренных жителей республик, для которых была характерна «советская идентичность», которую мы определяем через лояльность к государственным органам, и участие в различных формах общественной, политической, культурной жизни.

Существование открытого вооружённого сопротивления, инакомыслия, а позже диссидентства даёт нам основание полагать существование латентного «несогласия» с советской идентичностью. При этом сохранялась двойная лояльность (советская и национальная).

В период 1987–1991 гг., совпадающий с «революционным» периодом перестройки, началось постепенное размывание основ советской идентичности. В этом процессе основную роль играли СМИ, которые действовали в условиях возрастающей свободы слова – гласности.

Публичный дискурс балтийских стран, отграниченный языковыми барьерами от некоренного населения внутри республик и от остальной части СССР, привёл к тому, что перестроечные лозунги и идеологемы обрели иное звучание, часто основанное на эксклюзивной интерпретации того или иного процесса или факта действительности.

Таким образом, закат советской идентичности развивался в период т.н. транзита от социалистической формы организации общества к капиталистической, от политики интернационализма и смешения культур к примату национальной, титульной нации, что будет закреплено законодательно в самом конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Латвии и Эстонии.

Советская идентичность, связанная со стремительным ростом промышленности, верой в линейный прогресс общества, идентичность пика индустриального периода развития заменяется идентичностью, которая берёт на себя большую заботу об окружающей среде, коллективизм заменяется индивидуальными качествами личности-эксперта. Возрождается роль религии и церковных институтов в обществе.

ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.В. Серов

*Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы*

ТЕОРИЯ И МЕТОД

Нынешние попытки, с одной стороны, клерикализации общества и, с другой – её академически-атеистического отрицания, на мой взгляд, являются анахронизмом культуры, которая методически разрушалась со времен Просвещения вплоть до постмодернизма XX в. И если Церковь всегда учила иерархии познавательной деятельности, к примеру, в телеологии любого рода познания, то для современной культуры, отягощенной – помимо постмодернизма и коммерциализации общества – увеличением потоков информации и проблемами её познавательной деятельности, это может стать началом конца.

Так, А. Мелихов [1] утверждает, что «ценность всякой религии именно в том, чтобы освободить человека от груза сомнений». Но затем следует нечто: «любая религия почти утрачивает метафизическую ценность, превращаясь всего лишь в одну из многих культурных традиций. И если человек хочет сохранить свою веру в неприкосновенность, ему лучше всего не выходить из круга единоверцев... ибо важнейшая функция нашей психики – самооборона, обеспечение душевного комфорта»». А разве голубые мечты девушки и красная целеустремленность юноши к ней не обеспечивают душевного комфорта обоим? Или у обоих должна быть «самооборона»? Легко видеть, что цветовые сублиматы передают сущность, а не форму, 'идеальное' архетипа, а не его 'материализацию в' словах.

И если реальным межрелигиозным диалогом поставлен вопрос: «Какой язык позволит нам обсуждать наши проблемы, фиксировать наши расхождения, не прерывая при этом процесса диалога?», то

хроматизм как методология XXI в. нашел оптимальный путь решения этой проблемы. На уровне архетипов семантический язык цветовых канонов един для всех людей на Земле. Так, белый на Западе и черный на Востоке – женственные цвета; в условиях же траура и на Востоке и на Западе эти цвета могут быть инвертированы в той же мере, что и любой иной контекстно-зависимый язык культурной, этнической и/или гражданской идентичности.

-
1. Мелихов А. Конфликт иллюзий // Дружба народов. – 2010. – № 2 // Журнальный зал: сайт. – URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/2/> (дата обращения: 28.07.2011).

Р.Ю. Турсунова

*Университет мировой экономики и дипломатии
(Республика Узбекистан)*

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОРОВ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Политические преобразования, происходящие на постсоветском пространстве, оказались во многом предопределенными качественными сдвигами, произошедшими во всех структурах общества и населяющих их этносоциумов. Политико-экономические реформы переходного периода оказались столь сложными и противоречивыми, что в ходе своей реализации сопровождалась ростом социальной и политической конфликтности, которая могла привести к более серьезным последствиям. В сложившейся современной палитре политических реалий не последнюю роль стала играть философия духовной жизни государства, востребованная самыми различными слоями населения и реагирующая на качественные изменения, происходящие в обществе.

То, что духовность, идеология и национальное самосознание получили достаточно широкое развитие в современных политических процессах, является вовсе не случайным, особенно для стран, вставших на самостоятельный путь развития. Духовная жизнь общества

намного глубже реагирует на происходящие в обществе изменения в переходные периоды, когда происходят глубинные общественные трансформации.

Духовность, образно говоря, является фундаментом культурных ценностей, с одной стороны, хотя с другой – она выступает действующей подпиткой интеллектуальной и прежде всего эмоциональной среды всей общественной жизни общества.

В свою очередь и национальное самосознание в современных условиях всё более приобретает государственную значимость не только с точки зрения социально-философского, но и социально-экономического, общественно-политического и историко-культурного осмысления происходящих в мире процессов. В этой связи есть необходимость рассмотреть отдельные Концепции духовного развития и национального самосознания через призму общечеловеческих ценностей в международном политическом континууме.

За основу исследования были взяты наиболее распространенные Концепции XX века, которые продолжают быть в центре внимания ученых, занимающихся вопросами, связанными с культурой, религией и духовной жизнью в целом, а также изучением аспектов, среди которых национальное самосознание, национальная идентичность, мультикультурное общество, сущность цивилизаций и т. д.

Условно изученные Концепции можно разделить на 2 группы – это Концепции первой половины XX века (Арнольда Тойнби «Круговорот локальных цивилизаций», Фридриха Ницше о «сверхчеловеке») и Концепции второй половины XX века (Саида Мухаммада Хотами «Диалог цивилизаций: путь к взаимопониманию», Френсиса Фукуямы «Конец истории», С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» и «Модель грядущего конфликта»).

Во второй четверти XX в. один из английских политологов, Арнольд Тойнби, предложил собственную Концепцию круговорота локальных цивилизаций. Прделанная работа ученого стала огромным прорывом в цивилизационной социологии того времени. Своё учение А. Тойнби подготовил, используя большой массив фактологического материала, сделавшего позже её общепризнанной и научно-фундаментальной работой.

Намного позже, но тоже в XX в., уже другой специалист американского происхождения, С. Хантингтон, предложит свою концепцию «Столкновение цивилизаций?» с углубленным анализом цивилизаций, которая будет рассмотрена позже.

Примерно в тот же период в 30 и 40-е гг. XX в. была разработана и позже внедрена ещё одна Концепция европейского философа Фридриха Ницше о «сверхчеловеке» по произведению «Так говорил Заратустра», которая стала основой идеологии фашистской Германии.

Концепция Фридриха Ницше – это до конца неисследованная бездна. Она больше вызывает вопросов, нежели предоставляет ответы. Быть может, не все общества готовы её признать, тем более принять.

Ещё одна Концепция, которая появилась в XX в., связанная с противоречиями на уровне цивилизаций, принадлежит доктору философии, бывшему президенту Ирана Саиду Мухаммаду Хотами под названием «Диалог цивилизаций: путь к взаимопониманию». Главной мыслью Концепции стал принцип того, что «в человеке сосредоточена душа Востока (терпимость, великодушие) и разум Запада». Автор считает, что «Европа стала жертвой того, что слишком полагалась на рационализм, и сегодня в лице своих мыслителей и философов занимается тем, что окончательно дискредитирует свой рационализм. Пришло время, когда Европа должна сделать ещё один шаг вперед и посмотреть на себя другими глазами – так, как видят её другие. Для того чтобы действительно состоялся настоящий диалог между цивилизациями, совершенно необходимо, чтобы Восток стал подлинным участником обсуждения, а не оставался просто объектом изучения. Чтобы мы и европейцы пошли навстречу друг другу, нам потребуется та черта характера, которую впервые в Европе признали и оценили итальянцы, – терпимость, которую они переняли от Востока со времен Крестовых походов. К сожалению, эту мусульманскую терпимость европейцы ныне предлагают мусульманам в качестве этической и политической рекомендации. Ни одна нация не имеет права присваивать чужие достижения, не признавая тот вклад в их собственную цивилизацию, который внесли другие, и отрицать роль любой другой цивилизации в истории человеческой культуры [1].

Одной из наиболее распространенных Концепций, представляющих интерес, является Концепция Френсиса Фукуямы, американского политолога из этнических японцев, семья которого полностью приняла американский образ жизни.

В 1989 г. в свет выходит статья *Конец истории?* Позже, в 1992 г., на её основе Фукуяма издал книгу *Конец истории и последний человек*. Концепция «конец истории» до сих пор вызывает бурю эмоций, а также дискуссии среди специалистов всего мира.

Изученные проблемы Фукуяма назвал «*Великий Разрыв*», т. е. рост состояния аномии, потери ориентации в жизни, некоей «промежуточности», когда старые нормы деформированы или разрушены, а новых ещё нет. Общество фрагментируется, превращаясь в толпу одиночек [2].

Самой амбициозной Концепцией ушедшего века, как считают многие эксперты, признана Концепция С. Хантингтона «Модель грядущего конфликта».

По утверждению ученого, в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов [3].

Именно конфликт между цивилизациями претендует стать последним глобальным конфликтом в человеческом обществе. Ещё несколько десятков лет назад конфликты в основном происходили между главами государств, т. е. королями, императорами и другими монархами. В основе данных конфликтов лежали политические, экономические и территориальные амбиции.

Необходимо отметить, что исследуемая Концепция появилась на свет в начале 1990-х гг. ушедшего века, спустя 20 лет отдельные её компоненты подтвердились практикой, и сбрасывать со счетов учение С. Хантингтона не стоит. Попытки Запада распространить свои ценности: демократию и либерализм – как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Правительствам и политическим группировкам всё реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они всё чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации [3].

Главным выводом по указанной Концепции служит деление конфликтов цивилизаций по нескольким уровневым направлениям как внутри самой цивилизации, так и между самими цивилизациями. В основе конфликтов продолжает оставаться борьба за сферы влия-

ния, энергетические ресурсы, контроль над международными организациями и т. д.

Рассмотрев вышеуказанные Концепции ведущих ученых, необходимо отметить, что в современный период человеческой истории, когда ускоренно происходит смена ценностных ориентиров, рассмотренные учения как нельзя приобрели особую актуальность. Приведенные в качестве примера Концепции имеют как общее, так и существенные различия. Одно остается неизменным: все они появились в период глобализации.

Особую значимость Концепции приобрели в переходный период социально-политических изменений. Эти явления оказали негативное влияние на общественную нравственность, гражданское самосознание, на отношение людей к обществу, государству, закону и труду, на отношение человека к человеку.

В период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, размываются жизненные ориентиры молодежи, происходит девальвация ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок.

И если в начальный период после обретения независимости, когда происходил демонтаж советской идеологии, наблюдалась угроза слепого копирования западных форм жизни, то в настоящее время четко стало понимание собственной модели духовного развития общества.

-
1. *Салимзода М.* Столкновение или диалог? Отношение Запада к Исламу в условиях глобализации // ИДЕОЛОГИЯ – фонд: сайт. – URL: http://www.ideologiya.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9633 (дата обращения: 20.07.2011).
 2. *Лапатова Н.* Фукуяма // Региональная коллекция Челябинской области: сайт. – URL: <http://imc.rkc-74.ru/dlrstore/2/261dbd52-b199-52a1-8e05-8d0e97f7fd32/1012385A.htm>
 3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Социально-гуманитарное и политологическое образование: сайт. – URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/41216>

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Подходов к рассмотрению понятия «идентичность» множество. По мнению С.А. Баклушинского и Е.П. Белинской, «ни одно из психологических понятий не страдает такой неопределенностью, как понятие идентичности» [1, с. 64].

В современной науке социальную идентичность принято рассматривать в двух направлениях. С позиции первого направления социальная идентичность представляется как элемент структуры личности, исследовательский интерес анализирует личность как принципиально уникальную и неповторимую, с собственной идентичностью. С позиции второго – акцент ставится на социальной группе, а именно: идентичность предстает как инструмент идентификации человека или группы людей с социальной общностью.

С точки зрения методологии исследования идентичность позволяет прогнозировать поведение индивида, ценностно-нормативный ряд, а также стереотипы и установки. Как считает И.С. Самошкина, «поскольку социальная идентичность – это осознание своей принадлежности к социальной группе, то, следовательно, это и принятие значимых в данной группе ценностей, установок, стереотипов и норм» [2, с. 112].

Интегративный подход к теоретическому рассмотрению понятия «социальная идентичность» является в современных исследованиях актуальным. В рамках интегративной методологии рассмотрение идентичности представлено как четыре взаимосвязанных аспекта самоопределения личности в социальной реальности: личность, социальная группа, социальная общность, общество.

-
1. *Баклушинский С.А., Белинская Е.П.* Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Этнос. Идентичность. Образование. – М.: ЦСО РАО, 1997.
 2. *Самошкина И.С.* Социальная идентичность как понятие и объяснительный принцип социальной психологии // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2010» / отв. ред.

Д.А. Мягков

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»*

Возникновение и развитие широкого социального движения энвайронментализма, направленного на сохранение и улучшение состояния окружающей среды, с очевидностью демонстрирует формирование нового измерения человеческой личности – экологической идентичности. «Экологическая идентичность» отражает всё разнообразие способов, при помощи которых человек осознает самого себя (создает образ себя) в отношении к природе. Таким образом, интерпретация жизненного опыта переходит границы социально-культурного пространства и включает в себя «связь с землей» – вписанность человека в экосистему, непосредственный опыт взаимодействия с естественной средой [1, р. 3]. Знания и опыт, на основе которых формируется экологическое мировоззрение, могут в конечном счете вызвать переосмысление воспоминаний, событий и обстоятельств личной жизни («процесс экологической идентификации» [1, р. 5]), что в свою очередь ведет к изменениям в личности, складыванию нового отношения к естественной среде и формированию активной социальной позиции в отношении охраны природы. По мнению авторитетных защитников окружающей среды, признание и воспитание экологической идентичности имеет решающее значение для будущего человечества и планеты, поскольку это будущее зависит от того, научится ли человек видеть в природе равноправного партнера, с которым необходимо сотрудничать, а не просто её эксплуатировать.

-
1. *Thomashow M. Ecological Identity: Becoming A Reflective Environmentalist. Cambridge, Massachusetts, 1995.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, проект № 10-01-00589 м/Мл.

Е.Е. Омельченко

Казахстанско-немецкий университет

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА

Представляется, что исследование процессов формирования новых наций (наций в политическом смысле) и их идентичностей на постсоветском пространстве требует применения конструктивистского подхода, который рассматривает национальные сообщества и их идентичности не как вечные объективные сущности, а как продукты дискурсивных практик. Это утверждение основывается на том, что предыдущий масштабный политический проект, в котором участвовали все новые независимые государства, был именно конструктивистским. Не останавливаясь подробно на описании этого проекта, можно лишь в качестве примера вспомнить процесс конструирования в Советском Союзе и репрезентации во внешний мир уникальной в своем роде политической идентичности, которая должна была объединять всех граждан независимо от их этнического происхождения, социального положения или культурной принадлежности в единую *советскую нацию*. За семьдесят лет существования советского политического проекта был накоплен мощный символический капитал, который, так или иначе, используется сегодня при формировании новых национальных идентичностей в постсоветских странах. Символическое наследие советской эпохи сегодня переосмысливается и получает новые интерпретации в целях легитимации политических проектов новых национальных элит.

После обретения независимости в новых независимых государствах наряду с политическими и экономическими преобразованиями начались процессы формирования новых наций. Поиски новых национальных идентичностей были обусловлены необходимостью осмысления произошедших перемен, но в не меньшей степени потребностью новых национальных элит в долговременной легитимации своего положения в глазах населения. Здесь необходимо подчеркнуть, что изначальной установкой анализа процесса конструирования на-

циональных идентичностей на постсоветском пространстве с точки зрения конструктивистского подхода является признание того, что процессы нациестроительства и идентификации протекают при определяющей роли правящей элиты. Правящая элита выступает главным конструирующим агентом, поскольку, как уже было сказано, сама весьма заинтересована в построении единой консолидированной нации, в глазах которой её положение было бы максимально долговременно легитимным; а также обладает необходимыми ресурсами для того, чтобы именно её практики играли определяющую роль в складывании базовых схем национальной идентификации граждан [1, с. 31].

В связи с вышесказанным объектом исследования при такой постановке проблемы выступает политический дискурс изучаемой страны. Предметом исследования становятся дискурсивные процессы, связанные с конструированием концепции национальной идентичности, нашедшие отражение в официальных документах и текстах выступлений государственных деятелей и публичных политиков государств; а также практики самоидентификации граждан, зафиксированные в социологических опросах [1, с. 31]. Следует также отметить, что исследование дискурса было бы неполным при отсутствии анализа символической репрезентации основных идей, формирующих концепцию национальной идентичности (в виде государственных символов, в оформлении официальных праздников и т. п.).

В научной литературе проблема формирования и функционирования политических дискурсов постсоветских стран, а также отдельных процессов в них, таких как, например, конструирование национальных идентичностей, является средне- или слабо изученной (в зависимости от объекта исследования). Значительная часть работ, посвященных проблемам национальных идентичностей, представляет собой социологические исследования. Это делает актуальным изучение способов осмысления национальной идентичности и категорий, которые для этого используются на уровне политического дискурса. Актуальность такого подхода к исследованию национальных идентичностей на постсоветском пространстве обуславливается также и тем, что в политических дискурсах постсоветских стран конструкция «национальная идентичность» широко используется, однако обнаруживает за устойчивыми речевыми формами значительную смутность содержания: под термином «национальный» в контексте идентичности подразумевается то этничность, то гражданственность, то смеше-

ние этих двух понятий. Национальная идентичность нередко остается не сформулированной в виде концепта. В связи с частым употреблением в определенных контекстах ряда понятий, связанных с вопросом идентичности, возникает проблема мифологизации и появления новых смыслов и значений вокруг этих понятий, что используется конструирующими акторами для формирования устойчивых социальных структур, обеспечивающих долговременную легитимность политическим элитам и дающих аудитории импульсы к определенному поведению, определенным действиям.

Ещё одним аспектом актуальности темы является существующая в ряде постсоветских стран проблема консолидации полиэтнических обществ, поддержания в них мира и согласия или в крайних случаях эффективного регулирования кризисов и конфликтов. Четко сформулированная национальная идея, основанная на концепции национальной идентичности, может выступать инструментом решения обозначенных проблем.

В случае, если исследование национальной идентичности проводится в рамках конструктивистского подхода, национальная идентичность рассматривается как совокупность представлений, на основе которых государство «воображается» (термин, предложенный американским исследователем Бенедиктом Андерсоном) как политическое сообщество, политическое «мы» [2]. Национальная идентичность как формула «мы – чувство» становится возможной благодаря особым механизмам репрезентации идей и смыслов, составляющих эту идентичность. Б. Андерсон говорит о том, что к механизмам репрезентации идей нации и государства относятся ресурсы так называемого «печатного капитализма» [2].

Однако печать и коммуникации выступают не единственным ресурсом формирования идентичности, эту функцию выполняют также политические традиции, формирующиеся на основании исторических событий, культурных образцов, которые отбираются и интерпретируются, таким образом, можно считать конструируются, политической элитой [5]. В процессе формирования идентичности страны инструментами её конструирования становятся национальная языковая политика, образовательная, миграционная, символическая, культурная политика.

Таким образом, при изучении дискурса идентичности и дискурсивных практик, формирующих его, возникает потребность в постижении механизмов образования значений, в выявлении их структуры,

скрытых смыслов, приемов, используемых авторами для убеждения аудитории. Это позволяет сделать метод дискурса-анализа.

Дискурс-анализ выявляет «воображаемую деформацию», которую претерпевают «реальные отношения» между людьми при превращении их в идеологические позиции [4, с. 96]. Предметом исследования при дискурса-анализе выступают высказывания, способ структурирования которых обладает значимостью для определенного коллектива. Иными словами, анализируются тексты, которые содержат разделяемые неким коллективом убеждения, порождают либо усиливают их и предполагают ту или иную позицию в дискурсивном поле [3]. Этот метод направлен на то, чтобы выявить, как использование языка позволяет воздействовать на аудиторию. Дискурс-анализ призван выявить выражаемые структурами текста «подстрочные» (подразумеваемые) значения, мнения и идеологию.

Безусловно, утверждение, что нация, национальная идентичность имеют конструируемый характер, является дискуссионным. В адрес конструктивизма существует немало критики, в том числе и внутри самого направления. Противники конструктивистского подхода говорят, например, о том, что конструирование идентичности невозможно только по желанию элит, что этот процесс всегда будет определяться конкретной этнической, культурной и исторической спецификой. В связи с этим многие авторы придерживаются срединной позиции, анализируя процессы конструирования идентичностей.

-
1. *Омельченко Е.* Процессы нациестроительства на постсоветском пространстве на примере Казахстана, Узбекистана и Белоруссии // Спектр. – 2010/1. – Астана, 2010 – С. 30–43.
 2. *Тимофеев И.* Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // Международные процессы: сайт. – URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/007.htm> (дата обращения: 12.06.2010).
 3. *Шевченко А.* Дискурс-анализ политических медиа-текстов // Полис. – 2002. – № 6. – С. 18–23.
 4. Althusser L. Selected Texts. – Eagleton T. (ed.) Ideology. – L.; N.Y., 1994.
 5. *Hobsbaum E.* Inventing Traditions // The Invention of Tradition/ E. Hobsbaum and R. Terence (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 1–14.

А.Н. Блинова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

СОВЕТСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ*

Формирование социальной идентичности – сложный, последовательный и длительный процесс. Последовательность становления этнической идентичности обусловлена процессом социализации, постепенным повышением способности к рефлексивному восприятию мира вокруг себя. Осознанное включение себя в состав той или иной группы становится возможным в условиях получения новой информации из окружающего мира.

При формировании этнической идентичности в советский период этот процесс ещё более усложняется. С одной стороны, все усилия государства были направлены на формирование «советского человека», для которого принадлежность к советскому государству иерархически стояла выше принадлежности к определенной этнической группе. С другой стороны, существовал «микроуровень» формирования этнической идентичности – семья, которая в свою очередь транслировала культурные традиции народа. Довольно часто этнопедагогические установки семьи и государства вступали в острые противоречия (например, религиозность и атеизм, национальное и общегосударственное).

С этой точки зрения интересны российские немцы. Немецкое население – диаспоральная группа, имеющая самобытную культуру с устоявшимися механизмами передачи её от поколения к поколению; кроме того, процессы общегосударственной «советизации» сочетались в среде немецкого населения с процессами дискриминационной государственной политики (депортация, спецпоселения, трудовая армия), что в немалой степени повлияло на социально-психологическое формирование личности, привело в неоднозначным и сложным процессам в области этнической идентификации.

* Работа выполнена в рамках реализации проекта Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН на 2010–2011 гг.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕМЬЕ У КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Традиционно основы института семьи рассматриваются как главный фактор формирования культурной идентичности. Идентичность – сложная структура, формирующаяся на протяжении всей жизни человека. Единицей этой структуры является самоопределение. Для казахов, как и для большинства народов, семья является первичной средой, приобщающей ребенка к социальному опыту. Ребенок усваивает и воспроизводит образцы поведения, трансформирует их в ценности. Вопрос о механизмах социализирующего влияния семьи, о механизмах формирования этнической идентичности ребенка в процессе семейной социализации у казахов Омского Прииртышья является значимым для нас.

В качестве механизмов формирования этнической идентичности ребенка в казахских семьях в полиэтничном сообществе можно выделить:

1. Семейные традиции, выражаемые в отмечаемых всей семьей праздниках, кулинарных предпочтениях семьи, способах организации досуга. Так, казахи Омского Прииртышья отмечают в первую очередь такие религиозные праздники, как *большой (курбан или байрам) айт* – праздник жертвоприношения, *ораза* – праздник разговения и *малый айт*. Эти праздники они считают национальными. Во время ораза казахи приглашают постящихся и соседей в гости на *ауыз ашар* (буквально – «рот открыть»). В этот период каждая семья стремится помянуть усопших до седьмого колена. Окончание поста является большим праздником. Каждая семья старается купить и забить жертвенного барана. Считается, что каждый член семьи, включая и детей, должен прикоснуться к только что принесенному жертвенному животному. В течение трех дней соседи по очереди ходят друг к другу в гости, причем мужчины отдельно от женщин.

2. Семейные послания в виде формулируемых родителями предположений и ожиданий относительно жизни ребенка и транслируемых характером ежедневного взаимодействия с ним. С раннего

возраста детей учат уважительно относиться к старшим, почтительно приветствовать их, подавая им руку. В детях, особенно в сыновьях, воспитывается беспредельное уважение к отцу. Девочек с ранних лет целенаправленно готовят к будущей семейной жизни. Они рано осваивают навыки ведения домашнего хозяйства, приготовления пищи и ухода за детьми. Основой воспитания было подражание взрослым. Дети наблюдали за повседневным трудом родителей, участвовали в праздниках. Затем в игре они воспроизводили поведение взрослых.

3. Семейные мифы, функционирующие в виде историй из жизни казахов, представляющих для ребенка идентификационные образцы. Широкой известностью в народе пользуются легенды, связанные с именами народного остролова Жиренше и его умной жены Карлыгаш, неоднократно побеждавших хана находчивостью, логикой своих суждений. Эти легенды также являлись средством воспитания и образцом мужского и женского поведения.

В качестве отдельных параметров ценностно-смыслового влияния семьи на формирование этнической идентичности ребенка в нашем исследовании рассмотрены семейные ценности, традиции и мифы. Все эти феномены внутрисемейного взаимодействия создают своеобразную систему значений, транслирующую ребенку ориентиры для этнической идентификации. Под традициями понимались реальные поведенческие практики, сложившиеся и ставшими устойчивыми в ходе развития семьи, а также сопутствующие им ценностные представления.

Ю.В. Захарова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В настоящее время в современном обществе происходит смена ценностных ориентиров, что в конечном итоге приводит к тому, что люди начинают обращаться к своим историческим истокам. В результате растёт интерес к историческому прошлому. В современном мире музей является уникальной средой, в которой с помощью материальной и духовной культуры восстанавливаются (реконструируются)

историческое прошлое, культурная память. «Культурная память – это тот запас знаний о прошлом, которым должен обладать конкретный индивид для самоидентификации себя с определённой социальной группой и, соответственно, быть принятым другими индивидами в качестве полноценного члена этой группы»[1, с. 281]. В этой связи музей с помощью средств музейной педагогики играет важнейшую роль в самоопределении человеком себя как личности, относящейся к определённой этнической группе.

Тюменский областной краеведческий музей имени И.Я. Слоцова (ТОКМ) играет важную роль в просвещении и приобщении населения к культурным ценностям, в изучении природы, хозяйства и быта Тюменского региона. Большое значение в этом процессе имеет научно-просветительская деятельность музея, которая осуществляется на материалах уникальных этнографических и археологических коллекций. Музейная педагогика является важным звеном в коммуникации между музеем и посетителем, способным оказывать позитивное влияние на музейную культуру в целом и на формирование исторической памяти и культурной идентичности в частности.

-
1. *Аникин Д.А.* Культурная память и культурная идентичность в информационном обществе // *Науки о культуре – шаг в XXI век.* – М., 2007. – С. 280–286.

Е.М. Смирнова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В настоящее время развитие музейного дела, этой специфической сферы общественной деятельности, связанной и с наукой, и с образованием, и с культурой в целом, характеризуется увеличением количества музеев. Можно сказать, что сегодня во всем мире наблюдается настоящий музейный бум. Но растет не только количество музеев, они становятся всё более и более разнообразными. Создатели музеев всё чаще отходят от традиционных форм и отдают предпочте-

ние таким музеям, которых не было раньше и которые нигде больше не встречаются. При этом характер деятельности музеев направлен на приближение к людям, на популяризацию. Многие современные музеи стремятся слиться с жизнью местного населения, представить эту жизнь ярко и образно, сделать рекламу местным достопримечательностям, причем не только традиционным, которые считаются культурным наследием, а тем фактам и явлениям в жизни местного общества, которые являются уникальными, необычными и поэтому привлекающими всеобщее внимание.

По сути дела, многие новые музеи создают своеобразные бренды, которые представляют интерес для туристов, способствуют их привлечению в местности, которые не имеют традиционных в обыденном понимании достопримечательностей. Но кроме этой, безусловно, важной стороны деятельности новых музеев, которая способствует экономическому развитию регионов, у них есть ещё одна, не менее актуальная задача, которая заключается в духовном развитии. Эти музеи способствуют развитию чувства гордости за свой край, информированию людей об уникальности их местности, формированию историко-культурной идентичности.

Большинство современных музеев посвящено именно особенностям какой-либо конкретной местности, специфике жизни какого-либо города или поселка. Не являясь в полном смысле краеведческими музеями, поскольку они охватывают не все стороны истории и жизни края, а, как правило, какую-то одну, они привлекают внимание к особенностям культурной жизни региона и способствуют развитию патриотизма, любви к малой родине в новых реалиях XXI века.

Многие музеи, возникшие в последние годы, являются необычными, редкими и уникальными. Их сложно отнести к какому-либо типу в существующих общепринятых классификациях, поскольку их содержание является очень специфичным.

Например, Музей Мыши в г. Мышкин невозможно отнести к зоологическим (и к естественнонаучным) музеям, как это можно было бы сделать по названию. По сути, этот музей является своеобразной презентацией города. Музей Мыши, созданный в 1991 г., входит в состав Мышкинского народного музея, функционирующего с 1966 г. на общественных началах. На сегодняшний день в маленьком, уютном музее Мыши собрано более пяти тысяч экспонатов, среди них мыши – герои сказок и мультфильмов, подарки знаменитых людей и мыши, сделанные руками детей и взрослых. Город Мышкин, распола-

гающий самобытным музейным комплексом, совершенно отличающимся от всех других музеев, смело пошел в туристические дела, начав с пяти тысяч гостей, на сегодняшний день довел их число до пятидесяти тысяч в год.

В университете г. Тамбова создан Музей тамбовского волка, который насчитывает более 150 экспонатов (рисунки, керамика, игрушки и др.). В 2003 г. музей Медведя появился в Ярославле. Для Ярославля медведь – это символ города, к нему местные жители питают особую любовь и уважение, в музее-заповеднике живет медведица Маша – живой символ города. Согласно легенде, город был основан в 1010 г. князем Ярославом Мудрым на месте древнего языческого поселения Медвежий Угол. По преданию, сам князь зарубил зверя секирой, и устрешенные жители селища покорились князю. В 1777 г. медведь «перешел» в герб города. Вполне возможно, что музеи медведей могут появиться и в других русских городах, ведь медведь – это не только символ Ярославля, но и символ всей России. Таким образом, очевидной является тенденция возникновения музеев на основе живых символов конкретной местности и создании на этой основе коммерческих проектов.

Есть в нашей стране музеи, которые представляют особенности местности, специфические занятия и увлечения людей, события в жизни человека, продукты питания и конкретные предметы.

Так, особый интерес представляют музеи, которые связаны с холодом, с представлением о России как о стране вечных снегов, льда, мороза. К числу таких музеев относится, например, Музей вечной мерзлоты, который находится в городе Игарка Красноярского края. Музей начал создаваться в марте 1965 г. на базе ранее существовавших в Игарке многочисленных подземных камер местной научно-исследовательской станции.

В 2008 г. в г. Красноярске Сибирским общественно-государственным фондом «Тунгусский космический феномен» был создан Музей Тунгусского метеорита. Фонд был создан в 1996 г., его сотрудниками было проведено около 60 экспедиций, которые обнаружили и доставили в Музей большое количество «космического материала». На базе Музея было проведено несколько научных конференций, посвященных тайне катастрофы, которая произошла в сибирской тайге 30 июня 1908 г. Этот музей является самым необычным из всех музеев метеоритов, существующих в мире.

Часто музеи, способствующие сохранению культурного наследия, посвящены каким-либо предметам, исторически связанным с конкретной местностью. Так, в г. Валдае создан Музей колоколов, в г. Калуге – Музей спичек, а в нашем городе – Музей кирпича. Среди экспонатов последнего музея есть уникальные экземпляры кирпичей, например, кирпич из стены Тобольского кремля. Большая часть экспозиции посвящена расцвету кирпичного производства в Омске на рубеже XIX и XX вв., когда в городе функционировало почти три десятка кирпичных заводов.

Много созданных в последние годы музеев посвящено продуктам питания. Конечно, в России на первое место среди таких музеев нужно поставить Музей Хлеба, созданный в Санкт-Петербурге. Кроме того, в Санкт-Петербурге, Москве и Смоленске есть Музеи водки, в Тольятти – Музей самогона, в Астрахани – Музей арбуза, в Туле – музей Тульского пряника. Музеи продуктов есть во всех странах мира: в Италии – макарон, в Германии и Чехии – пива, в Китае и Англии – чая, в Колумбии и Франции – кофе. Таким образом, продукты питания, которые являются символами национальной кухни какого-либо народа, в последние годы стали той основой, на которой создаются музеи.

Большинство созданных в последние годы музеев выросло из частных коллекций. Люди, увлеченные коллекционированием каких-либо предметов, выходят на более высокий уровень и создают музеи.

Причиной появления большого количества таких музеев является возрастание роли музея в современном обществе и понимание значимости музейной работы в формировании историко-культурной идентичности. Ценность любой коллекции определяется не только её стоимостью, но и уникальностью. И возможность создать музей имеют не только очень состоятельные люди, но и энтузиасты, патриоты своего края. Музейное дело стало более демократичным и доступным. Тот факт, что музеи появляются в больших количествах именно в современное время, в эпоху глобализации, свидетельствует о стремлении людей подчеркнуть особенности своей культуры, сохранить свою культуру, защитить её от всеобщей унификации. Деятельность таких музеев способствует сохранению культурного разнообразия, культурной специфики народов. Развитие этих музеев наглядно показывает существование новых тенденций, новых явлений музейной деятельности, которые необходимо изучать.

Л.Е. Малякутова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МУЗЕИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ,
КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ У НАСЕЛЕНИЯ
РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОЗИЦИЙ И ВЫСТАВОК ТЮМЕНСКОГО
ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. И.Я. СЛОВЦОВА
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Проблема факторов формирования различных идентичностей у локальных сообществ до сих пор разработана слабо. Одним из таких факторов в российских регионах, безусловно, являются краеведческие музеи, экспозиции и выставки которых зачастую посвящены тем событиям и персонажам, которые формируют городскую мифологию и становятся местами памяти для местного регионального сообщества. В этом сообщении в качестве примера взяты экспозиции и выставки ТОКМ им. И.Я. Словцова за период с начала 1990-х по 2006 гг.

За взятый нами хронологический период была выявлена экспозиция со следующим названием: «Ремесла и промыслы города Тюмени конца XIX – начала XX веков» филиала «Церковь Петра и Павла», которая рассказывала об истории христианства в крае, ремеслах и промыслах. Как отмечал старший научный сотрудник музея С.Л. Белов: «это была... первая в России неатеистическая экспозиция о наиболее важных страницах истории православия». Но, к сожалению, в 2003 г. филиал был закрыт в связи с передачей здания епархии.

В археологическом музее-заповеднике на оз. Андреевском продолжает действовать постоянная экспозиция «Из глубины веков», которая, помимо археологических находок, повествует о быте и духовной культуре сибирских татар и финно-угорских народов, имеется реконструкция ряда древних и этнографических жилищ.

Музей геологии, нефти и газа был представлен двумя стационарными выставками: «Открытие века на древней Югорской земле» и «Сказания о людях северных рек». Эти экспозиции рассказывали не только об открытии и освоении богатейших месторождений нефти и газа на севере Тюменской области, но и о жизни, традициях и быте коренных народов Севера.

В настоящее время сотрудниками музея разрабатывается концепция единой краеведческой экспозиции по направлению, связанному с переселенческим движением и показом этнических культур народов-переселенцев: русских, украинцев, белорусов, казанских татар, чувашей и других. Главной экспозиционной целью является не просто демонстрация ярких фрагментов материальной культуры народов-переселенцев, но демографические аспекты, повлиявшие на культурную ситуацию края, в результате чего он стал территорией активных межнациональных контактов, определивших взаимовлияние народов и их общее участие в прогрессивном развитии Сибири.

В целом деятельность Тюменского областного краеведческого музея по работе с выставками является плодотворной и творчески насыщенной. Об этом можно судить по проектам, представленным в экспозиционных залах. К примеру, относительно выставки «Сквозь пеструю вязь поколений», которая рассказывала посетителям об истории и культуре татар, живущих в Западной Сибири, необходимо отметить, что подобная выставка в Тюмени экспонировалась впервые. Интерес к ней объясняется отсутствием постоянной экспозиции, посвященной этнографии татарского населения. В залах представлены этническая история, ремесла и промыслы, убранство жилища, духовная культура коренного населения юга Тюменской области – сибирских татар, а также татар-бухарцев, переселившихся сюда в XVII в., и поволжских татар, начавших массовое переселение в Сибирь в конце XIX в.

Уникальной была выставка, открывшаяся в декабре 2005 г. в филиале ТОКМ «Дом Машарова», «Триумфальное шествие моды», которая включила 135 моделей кукол, демонстрировавших национальные костюмы в разные периоды истории народов. Как отметила директор музея Т.М. Исламова, назвавшая эту выставку особенной, ни в одном музее страны она не видела подобных работ, представленных в таком количестве и сделанных с основательной научной, художественной проработкой.

Эти экспозиции и выставки охватили историю и культуру многих народов России, прежде всего народов и национальных групп Тюменской области – русских, сибирских татар, хантов, манси, ненцев, казахов, коми-зырян, чувашей и др.

Таким образом, экспозиционно-выставочная деятельность ТОКМ им. И.Я. Словцова свидетельствует о том, что проблемы формирования идентичностей в музейной работе играют значительную роль. Однако многие аспекты этой темы являются неизученными. И задача исчерпы-

вающего ответа на вопрос о том, какова роль краеведческого музея в процессе создания и поддержания локальных идентичностей, будет заключаться в дальнейших социологических исследованиях.

А.Н. Ткаченко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В 2011 г. пройдут мероприятия, приуроченные к празднованию двадцатилетия Казахстанской независимости. В связи этим актуальным становится вопрос о нахождении культурных и этнических корней казахского народа.

На протяжении многих веков территория современного Казахстана это регион частой смены степных гегемоний, каждая из которых вносила лепту в образ жизни и облик появившегося позже казахского этноса. Предки казахов, известные в истории под различными этнонимами, прошли сложный исторический путь, наложив отпечаток не только на население Казахстана, но и повлияв на этнокультурную ситуацию обширного лесостепного пояса Евразии.

Насельники Золотой Орды являются одним из примеров такого влияния. Золотая Орда – государство во главе с потомками Джучи, старшего сына Чингисхана. Образовано около 1224 г. как владение в составе Великого Монгольского Улуса (Монгольской империи). Её южные территории включали Тебриз (Иран), северные – Башкирию и Волжскую Булгарию; на западе она простиралась до Дуная, а на востоке – до Оби и Иртыша.

Естественно, для того чтобы была возможность захвата такой обширной территории, военное дело государства должно быть на высоком уровне. Если говорить о Монгольской империи, то, безусловно, это было именно так. Создание собственной тактики ведения боя, постоянное совершенствование вооружения. Для ведения боя с европейской бронированной конницей было необходимо мощное оружие, именно этот фактор повлиял на распространение бронированных наконечников стрел. Позже уже казахи использовали и усовершенствованные наконечники стрел и тактику ведения боя.

Золотая Орда, несмотря на явную захватническую политику, была страной с богатой материальной и духовной культурой. Благодаря хану Узбеку (1313–1341 гг.) Улус Джучи стал исламской страной, именно с его правлением связано появление и распространение ислама в регионе, в котором позднее появляются казахи. Однако ислам в чистом его виде не был принят казахами, на нём сказывались пережитки прошлой языческой религии. Это связано с тем, что ислам пришел из стран преимущественно с городским населением, т. е. кочевание не имело такого распространения, в то время как кочевой образ жизни не мог в полной мере вести к исполнению всех норм Корана.

Нельзя не обратить внимания на золотоордынские города. Одним из таких был город Сарайчик. Он являлся одним из крупнейших городов Золотой орды с развитой культурой. В городе действовали уникальный водопровод и канализация из керамических труб. Имелось металлургическое и гончарное производство, чеканилась монета. Его жители также занимались ремёслами, бахчеводством, огородничеством и рыболовством. Стратегическое расположение, связывавшее Восток с Западом, сделало город крупным центром торговли.

В 2005 г. на территории Павлодарского Прииртышья был обнаружен крупный археологический памятник времен существования Золотой Орды – Аулиеколь. При его раскопках был обнаружен практически полностью разрушенный мавзолей. Его стены были сооружены из обожженного кирпича размером 25x25 см (золотоордынский стандарт), облицованы были керамическими обливными плитками и изразцами. Найдено большое количество фрагментов керамики с характерным для керамики Золотой Орды орнаментом. Были сделаны выводы, что городище Аулиеколь в своё время был крупным культовым и торговым центром Золотой Орды.

Интересно также то, что найденные изразцы и обливные плитки являются идентичными, они украшали средневековые мавзолеи Южного Казахстана. Известно, что южно-казахстанские архитектурные памятники строили зодчие из арабских стран. Таким образом, проведя аналогии, становится понятным, что и мавзолей, построенный на Аулиеколь, был создан руками восточных строителей.

За несколько веков своего существования Золотая Орда (XII–XVI вв.) оказала мощное влияние на этнос и культуру Казахстана. Этот период, вне всякого сомнения, занимает особое место в этногенетических процессах и этнической истории. Владычество Золотой Орды на территории современного Казахстана сопровождалось доста-

точно интенсивным внедрением в местную среду и влиянием на многие стороны жизни и быта, мировоззрения. Следы многочисленных этнокультурных влияний золотоордынцы оставили в культуре, религии, языке и даже во внешнем облике населения.

Е.А. Седашов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современных условиях роль массовых средств коммуникации в процессе формирования идентичности многократно возрастает. В этом смысле особая роль принадлежит сети Интернет, так как Интернет – это интерактивный канал коммуникации, подразумевающий, что любой пользователь сети может как получать из неё информацию, так и самостоятельно участвовать в формировании информационного пространства.

В связи с тем, что интерактивность – атрибутивное свойство сети Интернет, мы можем утверждать, что Интернет – это полноценная виртуальная реальность, обладающая своими уникальными свойствами и характерными только для неё процессами. Следовательно, социальные феномены и явления, которые рассматриваются на сегодняшний день в социальных науках, в пространстве интернет-коммуникаций имеют несколько иную природу и нуждаются в разработке новых подходов к их изучению. В данной статье автору бы хотелось остановиться подробнее на таком интересном, характерном для сети Интернет явлении, как виртуальная идентичность. Прежде всего, автор считает необходимым обосновать правомерность существования данного понятия и кратко обозначить его основные свойства. Итак, почему в настоящее время мы можем утверждать появление виртуальной идентичности как особого социального феномена? Во-первых, Интернет на сегодняшний день – это сегментированное на сообщества (англ. community) виртуальное пространство, и практически каждый пользователь сети – это член какого-либо виртуального сообщества. Характерные примеры сообществ: коммюнити в Живом Журнале (www.livejournal.com), группы

в социальных сетях и т. д. При этом пользователь, как правило, одновременно принадлежит к нескольким сообществам одновременно. Пользователь *идентифицирует* себя с этими сообществами, осознаёт себя как их часть. Во-вторых, Интернет к настоящему моменту обладает самостоятельным языком (или псевдоязыком). Разные интернет-сообщества постепенно формируют своего рода «стандарты общения», характерные только для этого сообщества, являющиеся своего рода «коммуникативным кодом», отличающим это сообщество от всех остальных. Интернет-дискурс уже сейчас можно считать оформившимся феноменом, обладающим своими уникальными особенностями. Именно развитие интернет-дискурса и существование интернет-сообществ, с точки зрения автора, позволяют говорить о наличии в сети Интернет специфической виртуальной идентичности.

Говоря о виртуальной идентичности, нельзя обойти вниманием проблему её соотношения с историко-культурной и этнической идентичностью. В данном случае ключевым является вопрос: возможно ли существование историко-культурной и этнической идентичности в условиях виртуальной реальности? С одной стороны, Интернет – это вселенная без границ, своего рода глобальный социум, в котором говорить об этнической и историко-культурной идентичности не представляется возможным. С другой стороны, выше мы говорили о сегментации Интернета на различные сообщества, что при более детальном рассмотрении даёт основания для следующего вывода: наиболее большими сообществами, существующими в сети, являются сообщества пользователей Интернета из одной конкретной страны. Таким образом, если не этническая, то гражданская идентичность для сети Интернет до сих пор актуальна. Нельзя также утверждать, что Интернет стирает религиозные и этнические различия. Тот факт, что в виртуальной реальности существует не сам человек, а информация о нём, способствует уменьшению роли фактора этнической и религиозной принадлежности в процессе коммуникаций, однако полностью отрицать существование этого фактора нельзя. В качестве примера можно привести тот факт, что исламский сектор Интернета представляет собой достаточно специфический феномен, значительно отличающийся по своему содержанию от других интернет-сообществ.

С точки зрения автора, в долгосрочной перспективе Интернет станет пространством формирования мультиидентичности, т. е. сложной системы идентичности, основанной на существовании в сети большого количества сообществ, с которыми отождествляет себя

конкретный пользователь. Историко-культурная и этническая идентичность при этом также будут претерпевать значительные трансформации. По мнению автора, этот процесс будет носить характер интенсивного расширения: исторические архетипы и стереотипы останутся фундаментом идентичности, однако на этот фундамент будет надстраиваться сложный комплекс новых установок и мировоззренческих ориентаций, пришедших из разных культур. В среднесрочной перспективе это может иметь следствием повышение толерантности и взаимопонимания между представителями разных сообществ.

В.В. Винокурова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ТАТНЕТ КАК СРЕДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ТАТАР И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ТАТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Интерес к традиционной культуре в современных исследованиях существенно возрос. Это связано с тем, что в условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность. С появлением глобальной сети Интернет существенно облегчается задача распространять сведения о культуре и делать их общедоступными. На рубеже XX–XXI вв. огромное значение для татарской нации приобретает такая стремительно развивающаяся часть Всемирной паутины, как Татарский Интернет (сокращенно – Татнет) – совокупность информационных ресурсов сети Интернет, созданных на государственных языках Республики Татарстан (татарский и/или русский языки) и рассказывающих о Татарстане и/или татарском народе.

За период с 1994 г. (года появления первых татарских сайтов) по современность Татнет прошел огромный путь, практически с нуля было создано устойчивое сообщество сайтов на татарскую тематику, в том числе сайты на татарском языке, как на кириллице, так и на латинице. Теперь у татар во всем мире есть хорошо налаженные и порой эффективно действующие каналы обмена информацией. Сформировавшиеся сетевые сообщества татнетчиков, или как их ещё называ-

ют – кибертатар, постоянно расширяются, и также постоянно растет число татарских сайтов.

Очевидно, что в настоящее время ресурсов, посвященных татарской истории и культуре, огромное множество. Татарский интернет как средство консолидации татар играет большую роль. Ведь в настоящее время большинство молодежи не знает татарский язык, потому что большинство ресурсов, в том числе ресурсы органов власти, создаются только на русском языке, а это в свою очередь ведет к забыванию родного языка. Именно поэтому создается большое количество ресурсов, направленных на развитие, изучение и тем самым укрепление татарского языка. Что касается истории и культуры, то это те области, которые каждый народ должен знать и почитать, чтобы сохранять свою самобытность и передавать её через поколения.

В ходе исследования были рассмотрены три основных момента: выявлены интернет-ресурсы, рассказывающие об истории и культуре татар, все ресурсы классифицированы по разработанным критериям, выявлено пять наиболее популярных и разносторонних ресурсов и проведен их анализ.

Всего нами в работе было выявлено около 70 ресурсов, отвечающих критериям заданной тематики. Однако утверждать, что это исчерпывающий перечень, мы не можем. Ресурсов по истории и культуре татар огромное множество, и изучить их в рамках одной работы не представляется возможным. Все рассмотренные нами ресурсы созданы с одной целью – сплотить татар и сделать историю и культуру татарского народа доступными для каждого, чтобы сохранить те традиции, которые были заложены много лет назад.

М.Б. Лепехова

Алтайская государственная педагогическая академия

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТОВ ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Политический дискурс, а именно обращения президентов, играют важную роль в процессе конструирования национальной идентичности. Обращения президентов после трагических событий явля-

ются яркими примерами отражения национальных ценностей, общей идеологии и традиций, позволяющих создать национальный образ. Когда в стране случаются трагические события, национальная идентичность неизбежно меняется. В данном исследовании анализируются дискурсивные стратегии, использованные российскими президентами в процессе реконструирования национальной идентичности после трагических событий.

За последние десятилетия концепт национальной идентичности стал изучаться во многих работах, посвященных анализу дискурса. Б. Андерсон полагает, что любая нация – «воображаемое сообщество», потому что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности». Само понятие «национальная идентичность» конкретизируется посредством дискурса и не мыслится без него. Именно поэтому национальная идентичность – дискурсивный продукт.

В рамках данного исследования анализируются дискурсивные стратегии, использованные российскими президентами в обращениях после трагических событий. Материалом исследования послужили речь В.В. Путина, произнесенная после трагедии в Беслане в 2004 г., и речь Б. Обамы, произнесенная после стрельбы в Аризоне в январе 2011 г.

О.М. Бескровная

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ОБРАЗЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ХИНДИ

Индия – многонациональная и многоконфессиональная страна. Часто это ведет к столкновениям на данной почве. С учетом кастовой стратификации проблема «своих» и «чужих» особенно интересна. Оппозиция «свой – чужой» является одной из древнейших. Её проявления можно заметить уже в животном мире. С развитием человечества менялось и содержание оппозиции. На современном этапе гра-

ницы между «своим» и «чужим» проницаемы и подвижны. Опозиция очень живуча в сознании людей. Причины этого – в неравенстве людей. Именно в данной опозиции кроются истоки ксенофобии.

Данная опозиция проявляется и в языке. На материале анализа индоевропейских языков Э. Бенвенистом было установлено, что понятие «свой» первоначально осознавалось как кровное родство некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя другим – «чужим, врагам, рабам».

Для выяснения, кого и что индийцы считают «своим» и «чужим», были проанализированы тексты художественной литературы, интернет-источников, фильмов. Также был проведен опрос среди индийцев и два психолингвистических эксперимента (ассоциативный и семантический дифференциал Ч. Осгуда).

По данным литературы, текстов и общим впечатлениям можно выдвинуть гипотезу, что своими для индийцев будут прежде всего члены семьи, тогда как чужими – представители иной касты и/или религии. Анализ литературных текстов показал, что рефлексивно слово «свой» используется преимущественно в своем словарном, посессивном значении. Тогда как слово «чужой» чаще всего используется как субстантив и обозначает группу людей не-своих, врагов.

По данным опроса удалось выявить, что самыми «своими» для индийца являются члены «малой» семьи, друзья, единомышленники. Самыми «чужими» оказались люди иных взглядов, безнравственные и эгоистичные. Выявлены отличия от представлений русских (по данным Русского ассоциативного словаря (электронная версия: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>): в определении «своих» родственные связи важнее для индийцев, нежели для русских. Тогда как в маркировании «чужих» индийцы больше внимания уделяют нравственным чертам человека, чем его этнической принадлежности, нежели русские. Образ «чужого» в сознании носителя хинди более четкий и определенный, нежели в сознании русского.

Ассоциативный эксперимент позволил уточнить содержание наиболее частотных слов, полученных по результатам опроса, и скорректировать расстановку «своих» и «чужих». Семантический дифференциал Ч. Осгуда позволил прояснить сходства и различия между различными образами (выявленными ассоциативной методикой), а также охарактеризовать наиболее частотные и показательные слова по шкалам силы, устойчивости, оценки, активности.

В отношении «своих» наша гипотеза оправдалась: наиболее «своими» для носителей хинди являются члены малой семьи. Сюда же примыкают друг, возлюбленная и наставник-гуру (последнее несколько неожиданно). Однако в отношении «чужих» гипотеза не оправдалась: не были названы ни представители иной религии (хотя упоминались религиозные фанатики), ни представители иной касты (возможно, по идеологическим причинам). Главным критерием в различении «своих» и «чужих» оказались нравственно-этические качества человека, особенно его духовность, идеологические взгляды, моральность или аморальность поведения, эгоизм (и вообще выпячивание себя как личности). Индийцам до сих пор присуща некоторая коллективность сознания, поэтому индивидуальность, выход за рамки не приветствуется (в отличие от западного мира).

А.К. Бустанов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

РЕ – ИСЛАМИЗАЦИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ СИБИРСКИХ МУСУЛЬМАН

Исследователи становятся невольными свидетелями того, как спустя семь десятилетий господства атеизма в стране среди сибирских мусульман вновь, как то было в дореволюционную пору, вспыхивают нешуточные баталии вокруг святых мест и рукописей их смотрителей. В частности, происходит переосмысление значения «астана», их полная *исламизация*, т. е. ассоциация с исламскими миссионерами даже тех святилищ, что ранее были вне подобного определения, и *этнизация* в рамках современной сибирско-татарской национальной идентичности, выдвижение астана в качестве главного символа региональной религиозной идентичности, «открытие» новых мест поклонения или «обнаружение» некогда забытых могил святых. Как когда-то суфийские праведники были внушаемы свыше относительно того, кто из святых-мучеников погребен в каком местечке, так и теперь новоявленные «открыватели» из числа мулл, краеведов и просто местных жителей указывают на могилы святых то тут, то там: происходит быстрый рост количества астана на юге Тюменской области. По крайней мере, можно констатировать, что современные

данные о святых местах в Сибири в разы превосходят те сведения, которые мы находим в каталогах священных мазаров, создававшихся в XVII–XVIII вв. На этом фоне особенно престижным стало обладание рукописных свитков – шаджара – являвшихся, согласно традиции, непременным атрибутом смотрителей астана. Бывают анекдотичные случаи, когда в частных библиотеках лиц, активно, но безуспешно разыскивающих подобные рукописные свитки, вдруг обнаруживаются скромные на вид листки или тетрадки с копией одной из таких шаджара, о существовании которой владелец даже не подозревал. Очень мощно проявляется тенденция рассматривать астана как памятники историко-культурного наследия сибирских татар, чуть ли не заслоняющие по своему значению все прочие культурные символы этой народности.

Парадоксальным в судьбе мусульманских святых мест в Сибири стал тот конфликт, который разгорается на наших глазах в связи с почитанием и переосмыслением астана как объекта культовой практики. Представители «официального» ислама, руководители местных Духовных управлений не скрывают своего раздражения по поводу возрождения регулярного посещения святых мест, называя это язычеством, ширком (многобожием). И их можно понять, поскольку, в отличие от дореволюционных времен, культ святых в регионе лишен какой бы то ни было богословской легитимации, обоснования в рамках мусульманского права, а следовательно, теряет какое-либо право на существование, особенно в условиях дефицита на качественное религиозное образование. По другую сторону баррикад стоят адепты почитания астана как историко-культурного памятника их народа, как места захоронения легендарных миссионеров, но уже не в том, видимо навсегда утерянном, смысле, в котором астана служили для обозначения границ местной мусульманской идентичности, ядро которой совпадало с ядром утерянной государственности – Сибирского юрта. Увы, пока стороны не находят ничего лучше, чем обвинять друг друга соответственно в «язычестве» и «ваххабизме».

Исследователи и «открыватели» астана в условиях всеохватности средств массовой информации выводят знание о сакральных захоронениях из области интимного, элитарного опыта в сферу публичного дискурса, приценивающегося к ним уже как к объектам туристического бизнеса, а значит, вновь, как сотню лет назад, как к средству добывания денег за счет бесконечной вереницы туристов-паломников, чей визит якобы «приравнивается к хаджу». Впервые подобная

миссия легла на плечи первооткрывателя астана по берегам Иртыша, Ширбетти-шайха, который прибыл из Ургенча в конце XVI в. и, согласно тюркоязычным рукописям, переводил ранее неизвестные святы места из состояния батин (скрытого) в состояние захир (явного). Термин звучит не очень академично, но в современной ситуации «ширбетизация» и «астанизация» может привести к утрате специфики священных мест, к их полной или частичной секуляризации и переходу на законы рыночной экономики. В этом плане показателен, на наш взгляд, пример с мавзолеем ходжа Ахмада Йасави. Мечтой советских функционеров было создание в этом оплоте мусульманского «фанатизма» музея атеизма. В 1970-х гг. идея была отчасти воплощена: отреставрированный мавзолей стал музеем, посетители мавзолея из числа потомков святых преобразились в сторожей с официальной зарплатой. Туркестан стал центром массового туризма, шайхи и аутентичный суфизм пропали, и отныне любой советский (а теперь и постсоветский) гражданин может посмотреть на творение архитекторов амира Тимура и прикоснуться к святыне, которая так же, как и сибирские астана, приобрела ярко выраженный национальный окрас и, похоже, стала в сердцевине современной государственной символики Республики Казахстан.

Ю.Р. Горелова

Сибирский филиал Российского института культурологии

ОБРАЗ ГОРОДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Формирование у человека образа Места, по нашему мнению, является необходимым условием формирования локальной (региональной, городской) культурной идентичности. Образ города необходимо соразмерен его реальному облику (проявляющемуся в объектах материального мира – улицах, площадях, архитектурных ансамблях...), но он ему не тождественен. Духовное бытие Места существует как система идеальных образов сознания (как общественного сознания, так и совокупности индивидуальных сознаний). Существует некое ядро образа конкретного города, идентичное для большинства

его жителей. Это достигается за счет существования в каждом городе нескольких наиболее значительных в семиотическом отношении доминант, выступающих в качестве главных идентификационных маркеров конкретного пространства. Говоря о семиотическом пространстве Омска, несомненно, к таким ключевым объектам следует отнести архитектурные ансамбли ул. Ленина (Любинский проспект) и ул. Тарской, здания драматического и музыкального театров, ансамбль площади у речного вокзала, здание Сибирского кадетского корпуса, здание торгового центра «Омский», здание спортивно-концертного комплекса им. В. Блинова, здание областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина и др. Данные образные композиции или отдельные их элементы воспроизводятся в качестве визитных карточек города, используемых как в рамках городского пространства, так и за его пределами. При этом необходимо признание особой роли городской интеллигенции как субъекта формирующего и транслирующего его реальное и идеальное бытование и признание необходимости целенаправленного формирования образа Места как одной из актуальных задач культурной политики в целях формирования позитивной культурной идентичности населения города (региона).

М.И. Гурьянов

Омский государственный педагогический университет

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ПОНИМАНИИ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
И КАТЕГОРИИ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ФИЗИКИ**

Время-пространство – форма человеческого опыта.

Время-пространство – физическая модель.

В соответствии с теорией относительности, Вселенная имеет три пространственных измерения и одно временное измерение [1, с. 166]. Так же в мифологии, Вселенная измеряется горизонтальной, вертикальной и смешанной проекцией [2, с. 126].

В начале XX в. А. Эйнштейн доказал неразрывность категорий пространства и времени. А в мифологическом сознании категории пространства и времени всегда выступали в совокупности.

1. Архаичное (как и современное, бытийное) миропонимание категорий пространство и время не уступает научному.

2. Построение мифов вполне укладывается в теорию относительности Эйнштейна.

– неразрывность пространства и времени;

– возможность искажения пространства и времени как в физической модели, так и в эпосе народов.

3. Предположим, что не столько физика нужна для прочтения мифа, а миф необходим для понимания научной картины мира. Так как на бытийном уровне все аксиомы (такие как пространство-время) давно заложены, то возможно, что научное знание докажет привычные и стандартные формы, живущие в архаичном сознании коренных народов.

-
1. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум как форма целостности культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания: сб. к 80-летию профессора М.С. Кагана. – СПб., 2001. – С. 165–183.
 2. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.

Т.Н. Золотова

Сибирский филиал Российского института культурологии

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Развитие человечества в последние столетия определяется расширением взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и народов, их культур. Процессы модернизации, вестернизации, глобализации, сопровождающиеся ускорением культурной динамики, усилением культурной гомогенности, нарастанием неопределенности на фоне универсалистских тенденций, таят в себе опасность нивелировки культурной отличительности и тем самым стимулируют поиск оснований и маркеров культурной специфичности и устойчивости. В начале третьего тысячелетия в мировой культуре происходит противоречивое взаимодействие двух противоположных тенденций: уни-

версализма и партикуляризма, усиление культурного единства и увеличение культурного, этнического, религиозного многообразия. Это делает особенно актуальными проблемы культурного самоопределения, поиска культурной специфичности, условий межкультурной коммуникации и диалога культур, а также форм и способов их осуществления. Эти процессы носят всеобщий характер, по-разному актуализируясь в различных культурных, экономических, политических, идеологических условиях, но особенно остро они протекают в России.

Глобализация, распад СССР, падение «железного занавеса» и коммунистической идеологии, либерализация в сфере экономики и финансов – всё это подтолкнуло рост национального самосознания и поиска новой культурной, социальной, национальной, этнической, субкультурной идентичности. Происходящий процесс модернизации и ускоренного изменения социокультурного пространства стал предпосылкой резкого изменения традиционных социальных связей, механизмов социализации, привычного для многих россиян образа жизни.

Появление особых социально-политических и культурных характеристик переходного общества ученые называют «кризисом идентичности». Кризисной идентичностью, по мнению Е.Н. Даниловой и В.А. Ядова, «принято считать состояние людей, не способных в силу разных причин (в том числе и вследствие психологической ригидности) адаптироваться к меняющимся условиям жизни. В широком же смысле наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот не следует драматизировать, но принимать как социальный факт. В теоретической терминологии можно именовать этот подход становлением контекстуально-лабильной идентификации как нормы самоопределения личности в социальном пространстве сообществ нового тысячелетия» [1, с. 9].

В прошлом идентичность задавалась принадлежностью к определенному социальному слою. В современном обществе идентичность перестала быть фиксируемой навсегда реальностью. Человек постоянно конструирует самого себя, совершая при этом целую серию выборов из предоставляемых ему общественных коалиций. Человек принципиально незавершен, он постоянно ищет себя, что обуславливает в настоящее время множественный характер идентичности. В зависимости от того, что выступает основанием идентификации, выделяются различные типы идентичности: семейная, профессиональная, классовая, этническая, территориальная, политическая, национальная, конфессиональная, расовая, половая. Выбор человеком своей идентичности мно-

жественен, но не совсем свободен, ибо осуществляется в определенном социальном контексте, где задан спектр альтернатив и набор их возможных интерпретаций. Такие типы идентичности, как семейная, религиозная, этническая, относительно стабильны, что обусловлено статичностью общества их возникновения – традиционного архаического общества. В индустриальном обществе возникают новые типы идентичности – классовая, политическая, национальная, профессиональная.

Важную роль в формировании разных видов идентичности: этнической, социальной, культурной, групповой, региональной и других – играет современная праздничная культура. Участвуя в празднично-обрядовой деятельности, индивид эффективнее включается в процесс усвоения и дальнейшего развития накопленного до него социально-культурного опыта и в систему общественных отношений. Исследователи идентичности пришли к выводу, что она содержит поверхностный слой и слой глубинный, неосознаваемый, основанный на чувстве привязанности к своей группе, слой, который и составляет ментальность этноса. В случаях нестабильности и кризиса, в каком находится наше российское общество, актуализируются глубинные слои ментальности, и люди одной этнической и культурной традиции интуитивно тянутся друг к другу, что и демонстрируют современные праздники. Праздник – это время интенсивной культурной инициации и социализации личности, ибо он создает настроение радости и веселья, а главное, вызывает глубокое переживание единения личного и народного. Во время праздника происходит своеобразное переживание и переосмысление ценностей добра, истины, красоты, веры и формирование новых видов идентичностей.

Особенно интенсивно формируются в процессе общественных праздников этническая и культурная идентичности, которые тесно связаны между собой. Однако исследования последних лет во многих регионах РФ, в том числе в Калининградской, Кировской, Омской и других областях, в Приморском крае, показали, что этническую идентичность в настоящее время вытесняет идентичность региональная, которая, на наш взгляд, во многом основана на идентичности культурной. Особенно ярко это проявляется в праздновании Дня города, Дня села, а также таких календарных праздников, как русские Святки, Масленица, татарский Сабантуй. Проведенные нами опросы свидетельствуют о том, что людям различных этносов необходимо общаться на этих праздниках, поскольку происходит процесс узнавания и соплачивания представителей разных народов. Праздник начинает всё

больше играть этноконсолидирующую роль, так как люди лучше узнают свои традиции и обмениваются накопленным опытом во время праздничных гуляний. В то же время, участвуя в межнациональных мероприятиях, таких как День города или День села, горожане и сельчане знакомятся с культурными традициями других этносов, и праздник начинает играть роль укрепления толерантности, воспитания межэтнического взаимопонимания и взаимодействия. В этот же момент происходит актуализация региональной и локальной идентичностей, которые оттесняют на второй план идентичность этническую. Люди, живущие в одном населенном пункте, начинают осознавать своё единство независимо от этнической принадлежности.

Формирование различных видов идентичности в дни праздников происходит наиболее интенсивно в силу ряда причин. Во-первых, играет роль зрелищность и экстраординарность события, вызывающие большой эмоциональный подъем, во-вторых, появляется возможность на время отступить от привычных норм и правил поведения – «расслабиться», в-третьих, человек может насладиться изобилием праздничного стола и благами современной цивилизации, выраженными в различных аттракционах, шоу, фейерверках и т. д.

На наш взгляд, поиск культурной идентичности происходит в двух основных направлениях – этническом и национальном. Если формирование этнической идентичности происходит на основе традиций своего народа, то формирование национальной, или общероссийской (общегражданской), идентичности происходит на основе советского культурного наследия, интернационального и общекультурного по своему характеру. И здесь формирование национальной идентичности вписывается в общий поток глобализационных процессов.

Социальная значимость духовной и материальной составляющих культурного наследия в контексте современных глобализационных процессов состоит в возможности сближения людей и консолидации общества на основе соблюдения разновременных по своему характеру традиций и сохранения культурных символов прошлых эпох. Так, первомайские демонстрации советского периода напоминали крестные ходы императорской России, а участие в современном крестном ходе воспринимается людьми старшего поколения как «традиционное» участие в бывшей советской демонстрации, что в определенной степени примиряет их с «жестокой» современной действительностью.

Таким образом, праздничная культура является важным фактором формирования различных видов идентичности, что, в свою оче-

редь, благоприятно сказывается на увеличении культурного многообразия страны и обретении духовного богатства живущих в ней народов.

-
1. Данилова Е., Ядов В. Контекстуально-лабильная социальная идентичность – норма современных динамичных обществ: сайт. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-10/danilova_yadov.pdf

А.В. Неумывакин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

АМЕРИКАНСКИЙ КОМИКС КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ «ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭТИКИ»

За последние 10 лет происходит активизация такого развлекательного сегмента американской массовой культуры, как комикс. Причем те вселенные, в которых разворачиваются события комиксов, переносятся в другие формы передачи информации, такие как кинематограф и мультипликация. Такой повышенный интерес объясняется не только коммерческой выгодой от продажи «историй про супергероев», но и «общественной потребностью» в трансляции классических американских ценностей.

Основной гипотезой автора является рассмотрение комиксов как механизма трансляции протестантской этики и его влияния на социальную и политическую сферу общества. Стоит отметить, что комиксы нельзя назвать институциональным механизмом социализации (таких как школа или университет), так как они являются коммерческими проектами и основным принципом является свободная трансляция информации, причем как по форме передачи, так и по содержанию (отсутствует строгая идеологическая линия, свобода действий героев), именно это импонирует читателю. Скорее наоборот, ситуации, герои, их поступки противопоставляются всему «институциональному», связанному с органами власти, как правило, они ассоциируются с бюрократическим произволом, нежеланием идти на компромисс, встраиваться в изменяющуюся среду. И это очень показательный момент, значимость влияния комиксов на массовое сознание, не только на официально заявленную целевую аудиторию (т. е. молодежь), но и более

возрастную группу, хорошо известно как в научных кругах, так и в политических структурах, которые ни на национальном, ни на государственном уровне не прибегают к манипуляции и оправданию своей политики, что делает комиксы не ангажированными.

Комиксы для США стали не просто значимым сегментом массовой культуры, но и образом жизни, и современная история США знает множество примеров данному факту. Например, незадолго до Второй мировой войны забастовка типографских рабочих вызвала перебои в поступлении комиксов в киоски. Возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио – чтобы успокоить любимый город. Жители одного городка штата Иллинойс устроили референдум и переименовали свой город в Метрополис, вымышленный город, в котором действовал «Супермен».

В названии темы данной работы обозначено, что комиксы являются механизмом трансляции ценностей протестантской этики, по мнению автора, именно данное название комплекса американских ценностей позволяет наиболее точно очертить тот набор ценностных элементов, которые присущи американскому обществу.

Сам термин «протестантская этика» был введен Максом Вебером. После анализа экономических отношений в Германии он пришел к выводу, что религия оказывает значительное влияние на экономическую и политическую сферу. Так, эпоха Реформации запустила волну переосмысления христианской религии и возникновения множества отдельных направлений, которые оказали значительное влияние на социальную действительность того времени. Основой экономического успеха «англо-американского общества» Макс Вебер считал переосмысление ценности жизни человека и его деятельности, в частности, значения таких ценностей, как свобода выбора собственного пути, отношений к труду, морализма.

Американский ученый Самуэль Хантингтон рассматривает американскую идентичность с тех же позиций, что и Макс Вебер: «англо-протестантская культура включает в себя политические и социальные институты и практики, “унаследованные” от Англии, в том числе, что особенно важно, английский язык, а также идеологию и ценности протестантов. В Англии протестантизм ко времени заселения Америки уже утрачивал своё значение, однако в Новом Свете он обрел новую жизнь, получил второе дыхание». Хантингтон выделяет протестантскую этику как «трансцендентную гражданскую религию», на

основании которой и образовался такой конструкт, как американская нация.

Систематизируя особенности «протестантской этики», Сеймур Мартин Липсет перечислил пять базовых принципов «американской веры»: свобода, эгалитаризм (равенство возможностей и связей, а не результатов и условий), индивидуализм, популизм и *laissez-faire* (т. е. невмешательство правительства в дела частных лиц). Другой американский исследователь, Даниэл Элазар, считает, что американская политическая культура – это синтез трех политических субкультур: «индивидуалиста», «моралиста» и «традиционалиста».

Стоит отметить, что не все ценности, свойственные американской культуре, транслируются в американских комиксах про супергероев, не все из них выносятся как универсальные, присущие каждому из супергероев, однако существуют общие тенденции, которые, по мнению автора, следует раскрывать через типологию ценностей, данных Сеймуром Липсетом и Даниэлем Элазаром.

Индивидуализм: Сама форма подачи информации, сюжетная линия, герои, которые обладают рядом уникальных атрибутов, таких как история превращения в супергероя, костюм и «суперсила», иллюстрируют, насколько важно иметь индивидуальность и как она помогает в деятельности героев.

Морализм: В данный блок следует включить такие элементы американской идентичности, как свобода выбора и эгалитаризм, *laissez-faire*.

Свобода выбора: Жизнь «героев» – постоянный выбор, соотношение своего интереса и интереса общественного, постоянный выбор поступков с позиции моральных принципов, показывает значимость своего собственного выбора относительно общих рамок, даже когда, казалось бы, выбора нет и невозможно сделать так, как велит сердце, супергерои показывают, что это не так. Данный элемент иллюстрирует важность инициативы и веры в благоприятный результат. Для молодежи, постоянно сталкивающейся с поступками героев, восприятие трудностей носит временный характер, и от личных действий каждого зависит исход той или иной ситуации.

Эгалитаризм: Действия героев постоянно иллюстрируют равенство всех перед трудностями, независимо от того, есть ли «суперспособности» у человека, сам факт трудности сближает всех и заставляет объединяться на её разрешение. *Loiszez-faire:* Данный элемент активно иллюстрируется через взаимодействие супергероев, общества

и институциональных властных структур (правительство, специальные службы), где данные институты выступают в роли антитезы ценностям, которые исповедуют супергерои.

Традиционализм: По мнению Сеймура Лиспета, «в национальной системе ценностей присутствует не столько тяга к переменам, сколько стремление к преемственности». Данное утверждение наиболее точно отражает специфику американской политической культуры, идентификацию себя не столько с политическими взглядами, а с историей этих взглядов, политической традицией. Подобный консерватизм не мешает американскому обществу реагировать на изменения, а скорее позволяет видеть изменяющую действительность в призме традиционной морали. Так, по мнению Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, американец проводит всю свою жизнь в компании одних и тех же героев, может строить свои жизненные планы исходя из их жизни. Эти герои переплетены с его воспоминаниями, начиная с раннего детства, они – его самые старые друзья. Проходя вместе с ним через войны, кризисы, смены места работы, разводы, персонажи комиксов оказываются самыми стабильными элементами его существования.

Русскому человеку очень трудно осознать значимость влияния комиксов на индивидуальное сознание, понять значимость «историй про супергероев» на принятие ключевых решений. Однако на комиксах выросло не одно поколение американского общества, и популярность комиксов является своего рода индикатором гомогенности идентичности американского общества. Современное положение социальной и этической политики Соединенных Штатов Америки ставит под угрозу «вековой» образ Америки как «плавильного котла». Данная тенденция объясняется большим притоком как легальной, так и нелегальной иммиграции из стран Латинской Америки. Если раньше основной приток «переселенцев» приходился из Европейских стран, в которых существовало мощное влияние протестантства вне зависимости от того, к какой причисляет себя индивид конфессии, то в настоящее время латиноязычные иммигранты не могут интегрироваться в общественную систему США. Объясняется это многими факторами, одним из которых является отсутствие элементов протестантской этики в мировоззрении. Данная проблема очень острая и требует конкретных действий от политических сил и американского общества. Как один из возможных вариантов решения данной проблемы может стать популяризация комиксов, привлечение молодого «латиноязычного» поколения к классическим американским ценностям.

ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН «БЕЗ ГРАНИЦ»

В процессах глобализации, интенсивно развернувшихся в последние десятилетия XX – начале XXI в., особую роль выполняет Япония, несмотря на природные катаклизмы, угрожающие ей на протяжении всей истории, превратности геополитической ситуации и тенденции в мировой экономике (нарастание влияния Китая и пр.), она настойчиво стремится к лидерству, по крайней мере, в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Речь идет прежде всего о мощном японском культурном наступлении – массивном внедрении в другие страны, включая даже США, продукции японской культурной индустрии – комиксов-манга, анимационных фильмов – аниме, моды, кухни и т. д.

Изучение доступных документально-информационных материалов показывает, что Япония в перспективе будет стремиться утвердить себя в области массовой культуры и на мировом уровне. Но, принимая во внимание реальное положение дел в культурном «поле» (монополию США в этой сфере), официальный Токио пока ограничивает свои амбиции рамками АТР. Азия давно входит в сферу стратегических планов Японии, как полагают местные политики и аналитики, именно здесь находится неиспользованный потенциал развития мирового сообщества и именно отсюда Япония должна двигаться к безусловному, пока оспариваемому Китаем и Индией, региональному лидерству.

В распространении элементов японской культуры в пределах Азии и остального мира большую роль играет такое явление, как «креолизация». «Креолизация» – это адаптация культурного продукта одной страны к местным условиям другой. Будучи неизбежным процессом, это явление характеризуется вариативностью: в одном случае стратегией успеха продукта на зарубежном рынке может стать сохранение в максимальном объеме его национального своеобразия, а в другом – необходима его кардинальная трансформация.

Рассматривая особенности японской культурной глобализации, следует иметь в виду вопрос о механизмах её осуществления, к числу самых мощных относятся усиливающиеся миграционные потоки. Бизнесмены, деятели культуры, студенты, иммигранты и др., кто на-

долго или на короткий срок покидает пределы своей страны и рассеивается по всему миру, становятся носителями и пропагандистами японской культуры, создавая мировую японскую этносреду.

Второй путь японской культурной глобализации связан с потоком товаров культурной индустрии. В нём следует различать два уровня: государственный и частный – если второй уровень (путь) дает неофициальные, но вместе с тем широкие возможности для использования различных каналов проникновения японской культурной продукции в другие страны, то первый зачастую блокируется всевозможными официальными ограничениями, во многом связанными с состоянием межгосударственных отношений.

Сегодня ещё рано говорить об окончательном формировании принципов устройства нового глобализированного мира – он ещё находится на переходном этапе. Японское общество, сделавшее большие успехи на пути экономической, информационной и иной глобализации, в культурном отношении всё ещё вынашивает идеи о своей лидирующей роли в Азии. Одним из факторов этой дилеммы выступает такой феномен, как японская идентичность («японскость») – при всей своей «модульности» и толерантности к инокультурным группам внутри Азии и за её пределами, японцы все же отличаются целым рядом исторических и современных характеристик, позволяющих говорить как об «интерферентности» этой нации с её региональным и глобальным окружением, так и об особости её этнокультурного профиля. Это обстоятельство не препятствует дальнейшим обменам Японии, её соседей и партнеров, но сохраняет её как остров особой виртуальной и реальной идентичности, будь то экономика, политика или культура.

Г. Шевалье

Страсбургский университет

СТАНЕТ ЛИ ФРАНЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СТРАНОЙ? РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЫЗОВАХ ИММИГРАЦИИ

Начиная с конца 1970-х гг. во французском общественном мнении, как и в других странах западной Европы, назревает всё более сложное отношение к иммигрантам. Об этой напряженности свиде-

тельствует активное обсуждение в СМИ таких тем, как контроль над нелегальной иммиграцией, жестокость и преступность в пригородах, особенно среди молодежи, происходящей из среды иммигрантов, и ряд вопросов, связанных с соблюдением норм ислама и некоторых его традиций. Все эти темы фокусируются вокруг следующих проблем:

1) Поиск национальным сообществом маркеров и границ, определяющих его лицо в условиях длительной истории приема иностранцев;

2) Единство территории Франции в условиях, когда городские «пригороды» все больше склоняются к изоляции;

3) Поиск сообществом общей системы ценностей в условиях того, что представители религии, которая идентифицируется сообществом граждан как «новая» и «чужая», пытаются создать для себя социальную нишу и сделать её одним из институтов французского общества.

В 2007 г. тема «национальной идентичности» была в центре избирательной кампании Николя Саркози, который после своего избрания создал специальное министерство, занимающееся поиском решений проблем в данной сфере, а в ноябре 2009 г. Саркози инициировал национальные дебаты для их обсуждения. В 2011 г. Николя Саркози, вслед за немецким канцлером Ангелой Меркель и великобританским премьер-министром Дэвидом Кэмероном, заявил о «провале мультикультурализма» и о том, что как раз этот провал стал причиной назревшего во Франции общественного кризиса.

Уже в первой статье конституции 1791 г. Франция объявляется единой и нераздельной и не признает в себе никаких отдельных сообществ. Республиканский универсализм не отделяет «национальность» от гражданства. В соответствии с этим принципом государство не включает данные, связанные с этничностью своих граждан, в официальную государственную статистику, за исключением особых случаев (например, когда речь идет о колониях или в случае с немецкой оккупацией французских территорий). Поэтому, когда потребовалось каким-то образом учесть иммигрантское население, основным критерием для его структурирования стал принцип места рождения. Именно так была составлена перепись населения Франции 1851 г. Во второй половине XIX в. активизируется процесс иммиграции иностранцев во Францию. Этот процесс начинается с переселения жителей стран Восточной Европы, а позже расширяется за счет выходцев из франкоговорящих стран Африки и Азии (Турция, Китай, Индокитай). Однако усиление во Франции 1970-х гг. безработицы остановило по-

литу поддержки рабочей иммиграции. Результатом начавшихся проблем стала эра «контроля потока» и охоты на нелегальных иммигрантов. В целях более эффективного проведения данной политики и под предлогом создания механизма борьбы с дискриминацией в 2009 г. обсуждался проект, согласно которому в перепись населения включались вопросы, связанные с определением этничности населения страны. В то же время в этих целях всё чаще стали использовать уже имеющиеся данные переписей населения о месте рождения.

Французские пригороды, будучи символами прогресса и развития во времена их создания в 1940–1970-х гг., начиная с эры массовой безработицы, стали местами изгнания. К этому времени французский средний класс начал отдавать предпочтение малоэтажным формам жилья, оставив городские пригороды широкой прослойки рабочих иммигрантов. Концентрация детей малоквалифицированных рабочих в данных районах осложнила их доступ к образованию. В итоге это стало социальным барьером для улучшения их положения в обществе. Относительно высокая рождаемость в этих районах, как и борьба между системами ценностей родителей и детей, тоже играет роль в появлении большого количества ничем не занятой, исключенной из социума молодежи.

Французское правительство уже около ста лет поддерживает отношения с исламом, которые всегда были очень политизированы. Сначала они протекали в сфере колониальной политики, а потом французской дипломатии, особенно это касалось приоритетных для французских политиков отношений с государствами Магриба. При этом правительство сделало несколько попыток организовать национальный мусульманский культ в интересах общественного порядка. Но в результате меньшинства из мусульманских стран и их потомки вошли в особую категорию лиц, которым приписывалось обладание иностранной религиозной принадлежностью, что заставляет их приспособливаться к той степени секулярности, которая характерна для современного французского общества.

Французскую культурную и общественную модель необходимо отнести к унитарной и централизованной. Поэтому нужно признать, что изоляция иммигрантских сообществ произошла не столько от проводимой государством политики «мультикультурализма» (как это было в Германии и Великобритании), сколько от социально-экономических и моральных недостатков в современном развитии французского общества.

Содержание

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ТРАДИЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

<i>Разлогов К.Э.</i> Множественность идентичностей в культуре	3
<i>Смирнова Т.Б.</i> Этнические миграции и современное демографическое развитие Сибири	4
<i>Шинкевич П.П.</i> Роль миграционных процессов в стратегиях долгосрочного развития Российской Федерации	10
<i>Вольхин Д.И.</i> Этнические диаспоры в политическом процессе современной России	11
<i>Диянова Н.В.</i> Некоторые проблемы правового регулирования этнонациональной политики в РФ	16
<i>Васильева Е.А.</i> Ксенофобия и экстремизм в современной России	18
<i>Дербенева Н.Г.</i> Этничность и стресс в условиях многонационального мегаполиса	19
<i>Корытникова Н.В.</i> Толерантность в системе ключевых компетенций средней школы	23
<i>Кособрюхова Ю.С.</i> Роли женщины в этническом конфликте	24
<i>Самушкина Е.В.</i> Геральдическое творчество Республики Алтай: проблемы конструирования этнонациональной идентичности	28
<i>Попытаев Д.С.</i> Этноисторические мифы в политиках памяти российских республик	33
<i>Баранова О.В.</i> Немецкий национальный район в полиэтничном пространстве Омского региона	34
<i>Тихонов Г.А.</i> Идеи новой религиозности в контексте толерантности	37
<i>Бекова С.К.</i> Российская идентичность: попытка социологического измерения	38
<i>Жигунова М.А.</i> Современные проблемы этнокультурной идентичности русского населения Сибири	42
<i>Шульгина Т.А.</i> Идентичность российского студенчества (по результатам опроса студентов вузов города Белгорода)	43
<i>Русу Р.И.</i> Проблемы идентичности в молодежной среде в условиях глобализации (на примере Республики Молдова)	48
<i>Коновалов Д.А.</i> Общность «россияне» в качестве барьера вхождения русского народа в этническую фазу инерции	52

<i>Ионова М.В.</i> Исследование проблемы межэтнического взаимодействия в Поволжье с 90-х гг. XX века	53
<i>Кутовая С.В.</i> Межэтнические отношения в молодежных сообществах Еврейской автономной области	55

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

<i>Чернова И.В.</i> Встреча трех культур: русские, белорусы и поляки Знаменского района Омской области	57
<i>Коптяева Е.А.</i> Бытование народных знаний как показатель преемственности культурных традиций	58
<i>Чернецова Т.В.</i> Армянская диаспора на территории Омской области: национально-культурные центры и сохранение идентичности.....	59
<i>Кошман Т.В.</i> К вопросу об этнической идентификации удмуртов Казахстана	60
<i>Тынысов Б.А.</i> Историко-культурная идентичность казахов Омского Прииртышья	62
<i>Кучукова Д.А.</i> Трансформация жилища северных алтайцев как результат формирования новых идентичностей.....	63
<i>Досимова М.С.</i> Национальная специфика концептов «женщина» и «баба» (на материале русского и казахского языков).....	64
<i>Дуссалиева Э.А.</i> Влияние русской действительности на изменения татарского языкового сознания на примере концепта «мужчина»	72
<i>Ефимов Д.И.</i> Пережитки общинно-обычного права в аспекте народной религии чувашей на современном этапе.....	79
<i>Коломиец О.П.</i> Современные тенденции брачно-семейных отношений коренного населения Чукотки.....	80
<i>Киселева В.Е.</i> Национальные традиции здоровья в Республике Марий Эл в рамках русской национальной культуры.....	82
<i>Курманова С.Р.</i> Этикет питания немцев Сибири	84
<i>Тихомирова М.Н.</i> Об этнодифференцирующих чертах в пище потомков волго-уральских татар Западной Сибири	86
<i>Ефремова Ю.Н.</i> Блюда-маркеры украинской этничности	87
<i>Гизиева К.Ю.</i> Отношение к смерти в современной городской культуре	89
<i>Какенова Д.С.</i> Погребальный обряд казахов Омского Прииртышья: традиции и новации.....	91

<i>Мусагажинова А.А.</i> Погребальный обряд казахов Павлодарского Прииртышья в XIII–XX вв.: традиции и новации	92
<i>Вятчина М.А.</i> «Вот такие мы субботники, непонятные какие-то»: к вопросу о трансформации этноконфессиональной идентичности субботников Волгоградской области.....	94
<i>Везнер Н.Н.</i> Немецкая хореография в условиях диаспорального развития	95
<i>Смирных Р.А.</i> Проблема народности гитары как музыкального инструмента.....	97
<i>Ярошинская С.С.</i> Этнические миграции между Россией и Казахстаном в конце XX – начале XXI века.....	99

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Назарова А.Ф.</i> Популяционная и демографическая генетика русских	101
<i>Кулакова И.П.</i> Культурные практики Древней Руси и России раннего Нового времени (опыт чтения спецкурса).....	102
<i>Ремнев П.А.</i> Александр I в восприятии российской политической элиты первой четверти XIX века: конструкция и деконструкция образа государя	104
<i>Кружалина А.А.</i> «Единство» как главный фактор решения «славянского вопроса» в Российской империи в теориях российских демократов первой половины XIX столетия	105
<i>Кобылецкий М.А.</i> Инородческий вопрос: русское и аборигенное население в трудах Н.М. Ядринцева.....	107
<i>Коркина М.А.</i> Юбилейные репрезентации образа Александра II во второй половине XIX века: официальная риторика.....	108
<i>Белоконь И.В.</i> Формирование полиэтнического пространства Российской империи конца XIX – начала XX века в геополитических проектах А.Н. Куропаткина	110
<i>Нода Л.П.</i> Парадигма колонизации в дореволюционной прессе	112
<i>Галимуллина Н.М.</i> Пропаганда как фактор развития этнической идентичности народов СССР (1941–1945 гг.)	113
<i>Иванов А.С.</i> Калмыки в Сибири (1944–1956 гг.): сохранение этнической идентичности на спецпоселении	114
<i>Тюфякова О.В.</i> Политический анекдот как отражение политической действительности (на примере сталинского периода).....	116

<i>Кинка С.М.</i> Закат советской идентичности в странах Балтии (конец 1980-х – нач. 1990-х гг.).....	117
--	-----

ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

<i>Серов Н.В.</i> Теория и метод	118
<i>Турсунова Р.Ю.</i> Основные концепции исследования факторов духовного возрождения и национального самосознания	119
<i>Леонова О.А.</i> Подходы к определению понятия «социальная идентичность»: постановка проблемы	124
<i>Мягков Д.А.</i> К вопросу о выделении «экологической идентичности».....	125
<i>Омельченко Е.Е.</i> Изучение процессов формирования новых национальных идентичностей в посткоммунистических обществах с точки зрения конструктивизма.....	126
<i>Блинова А.Н.</i> Советская и этническая идентичности: формирование и взаимовлияние	130
<i>Жантасова Ж.Ж.</i> Формирование этнической идентичности в семье у казахов Омского Прииртышья.....	131
<i>Захарова Ю.В.</i> Формирование идентичности посредством музейной педагогики.....	132
<i>Смирнова Е.М.</i> Роль современных музеев в формировании историко-культурной идентичности.....	133
<i>Малякутова Л.Е.</i> Краеведческие музеи в формировании региональных, культурных и этнических идентичностей у населения региона на примере экспозиций и выставок Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова (к постановке проблемы)	137
<i>Ткаченко А.Н.</i> Золотоордынское культурное наследие как фактор формирования современной казахской идентичности	139
<i>Седашов Е.А.</i> Интернет как пространство виртуальной идентичности: современное состояние и перспективы	141
<i>Винокурова В.В.</i> Татнет как средство этнической консолидации татар и формирования этнокультурной идентичности у татарской молодежи	143
<i>Лепехова М.Б.</i> Конструирование национальной идентичности в речах президентов после трагических событий	144

<i>Бескровная О.М.</i> Образы «своих» и «чужих» в языковом сознании носителей хинди.....	145
<i>Бустанов А.К.</i> Ре – исламизация и этнизация культовых мест сибирских мусульман.....	147
<i>Горелова Ю.Р.</i> Образ города как предпосылка культурной идентичности.....	149
<i>Гурьянов М.И.</i> Пространство и время в понимании коренных народов Севера Западной Сибири и категории релятивистской физики.....	150
<i>Золотова Т.Н.</i> Праздничная культура как фактор формирования идентичности.....	151
<i>Неумывакин А.В.</i> Американский комикс как механизм трансляции ценностей «протестантской этики».....	155
<i>Шалыгина Е.А.</i> Японская культура как феномен «без границ».....	159
<i>Шевалье Г.</i> Станет ли Франция мультикультурной страной? Размышления о французской национальной идентичности и вызовах иммиграции.....	160

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Тезисы докладов Всероссийской научной школы

Омск, 6–8 сентября 2011 г.

Технический редактор *М.В. Быкова*

Редакторы *С.А. Львова, Л.Ф. Платоненко*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 31.08.2011. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 150 экз. Заказ 293.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а